

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 3 (27)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2017**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 3 (27)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
Рябов В.В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Азранат Д.Л.	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В. главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Викулова Л.Г. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А.И. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Алмазова Н.И.	доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Афанасьева О.В.	доктор филологических наук, профессор
Беляева И.А.	доктор филологических наук, профессор
Бубнова И.А.	доктор филологических наук, доцент
Вострикова О.В. , секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Геймбух Е.Ю.	доктор филологических наук, профессор
Джанумов С.А.	доктор филологических наук, профессор
Кафтанджиев Христо	доктор филологических наук, профессор (Софийский университет)
Курдюмов В.А.	доктор филологических наук, профессор
Матвеева И.И. , секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Поршнева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет)
Прохоров Ю.Е.	доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Радченко О.А.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина)
Романова Г.И.	доктор филологических наук, доцент
Сагаз Мицунори	доктор филологии, профессор (Токийский университет)
Собянина В.А.	доктор филологических наук, профессор
Спичко Н.А. , ответственный секретарь	кандидат педагогических наук, доцент
Сулейманова О.А.	доктор филологических наук, профессор
Сурьянараян Нилакши	доктор филологии, профессор (Вроцлавский университет)
Тарева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор
Тышковска-Каспиак Эльжбета	доктор филологии, профессор (Вроцлавский университет)
Чернявская В.Е.	доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)
Чурпына О.Г.	доктор филологических наук, профессор
Языкова Н.В.	доктор педагогических наук, профессор
Ярыгина Е.С.	доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Ганиев Ж.В. Иронично о детской драме: М.Е. Салтыков-Щедрин как ритор — убежденный сторонник буквы немилосердного закона 8

Русистика. Германистика. Романистика

Прохоров Ю.Е. Русский язык в современном коммуникационном пространстве: роль, место, лингвокультурная парадигма (часть 1)..... 17

Шаповал В.В. О названиях животных в ранних славянских словарях 28

Девятова Н.М. Сравнение и (или) приложение: к проблеме синкретичных синтаксических конструкций 35

Гусева А.Е., Первак Т.В. Типы модификаций фразеологизмов как следствие языковой игры в теледискурсе (на материале мокьюментари «Штромберг») 43

Кузина М.А. Слово и словарь: экзотизмы в англоязычных словарях и текстах..... 52

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

Фрейдина Е.Л., Абрамова Г.С. Паузация как маркер разговорности в современном британском устном дискурсе..... 60

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

Щетилова А.В., Сулейманова О.А., Фомина М.А., Водяницкая А.А. Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе 68

Смирнова А.И., Гаврилина О.В. Современная литература в системе школьного изучения и внеклассного чтения 83

Шафранская Э.Ф. Внеклассное чтение: роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы»..... 91

Слово молодым ученым

- Пряхина Е.В.* Фреймовый подход при анализе слота
«Преподаватели/Enseignants»..... 99
- Евдокимова А.А.* И.С. Тургенев и О. де Бальзак:
основные аспекты изучения проблемы..... 108
- Иванова Н.С.* Информативно-рекламные функции текста
в издательском дискурсе 114

Критика. Рецензии. Библиография

- Рахилина Е.В.* Экспериментальная и корпусная лингвистика:
рецензия на сборник статей к юбилею О.А. Сулеймановой
«Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность» /
отв. ред. Т.Д. Шабанова. (М.: Флинта, 2016. 288 с.)..... 119
- Васильева Е.Г., Дубнякова О.А.* Современная функциональная
лингвистика: информационно-аналитический обзор материалов
международной научной конференции «Linguistique et ses spécificités»
(Франция, Университет г. Ла Рошель, 17–21 октября 2016 г.)..... 129

Научная жизнь

- Романова Г.И.* Русская литература в исследованиях славистов.
Международная научная конференция «Танатос»
(Польша, Вроцлавский университет, 11–12 мая 2017 г.) 134

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2017, № 3 (27)..... 140

Требования к оформлению статей..... 146

CONTENTS

Literary Science

Ganiev Zh.V. Ironically about Children's Drama: M.E. Saltykov-Shchedrin as a Rhetorician — a Staunch Supporter of the Letter of Merciless Law 8

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

Prokhorov Yu.E. The Russian Language in Modern Communication Environment: Its Role, Place and Linguocultural Paradigm (Part 1)..... 17

Shapoval V.V. On the Names of Animals in Early Slavic Dictionaries 28

Devyatova N.M. Comparison and (or) Application: on the Issue of Syncretic Syntactic Constructions 35

Guseva A.E., Pervak T.V. Types of Phraseological Unit Modification as a Result of Wordplay in TV-discourse (Based on the Mockumentary «Stromberg»)..... 43

Kuzina M.A. A Word and a Dictionary: Exotic Words in English-English Dictionaries and in English-language Texts 52

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

Freydina E.L., Abramova G.S. Pauses as Markers of Conversational Style in British Oral Discourse 60

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

Schepilova A.V., Suleimanova O.A., Fomina M.A., Vodyanitskaya A.A. Target Audience in Contemporary Educational Discourse 68

Smirnova A.I., Gavrilina O.V. Modern Literature in the System of School Education and Extracurricular Reading 83

Shafranskaya E.F. Extracurricular Reading: Novel «On the Sunny Side of the Street» by Dina Rubina 91

Young Scientists' Platform

- Pryakhina E.V.* Frame Approach to Analysis of the Slot
«Преподаватели/Enseignants» (Teachers) 99
- Evdokimova A.A.* I.S. Turgenev and O. de Balzac:
Main Aspects of the Issue Study 108
- Ivanova N.S.* Informative and Advertising Functions of Text
in Publishing Discourse..... 114

Criticism. Reviews. Bibliography

- Rakhilina E.V.* Experimental and Corpus Linguistics:
Review of Olga A. Suleimanova's Festschrift «Contensive Aspects
of Language: Constancy and Variability» / T.D. Shabanova (Ed.).
(M.: Flinta, 2016. 288 p.) 119
- Vasiljeva E.G., Dubnyakova O.A.* Contemporary Functional Linguistics:
Informational and Analytical Review of Materials of the International
Scientific Conference «Linguistics and Its Specific Features»
(France, University of La Rochelle, October 17–21, 2016)..... 129

Scholarly Events

- Romanova G.I.* Russian Literature in Slavic Studies. International
Scientific Conference «Thanatos» (Poland, Wrocław University,
May 11–12, 2017) 134

Authors of «MCU Vestnik», series «Philology. Theory of Linguistics.

- «Linguistic Education», 2017, № 3 (27) 140

- Style Sheet 146

Ж.В. Ганиев

**Иронично о детской драме:
М.Е. Салтыков-Щедрин как ритор —
убежденный сторонник буквы
немилосердного закона**

Извечный конфликт между совестью и законом (его несовершенством, лакунами в законодательстве) продемонстрировал резонансный судебный процесс, состоявшийся в Санкт-Петербурге в 1876 г. Замечательные отклики Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина на процесс ввел в риторический научный оборот В.В. Виноградов в 1930 г.

Ключевые слова: риторический анализ; ирония; риторический прием; языковое оформление.

Почти 40 лет спустя после написания книги «О художественной прозе» В.В. Виноградов коротко рассказал о самом важном в ее части «Поэтика и риторика»: Ф.М. Достоевский написал художественную статью по поводу речи В.Д. Спасовича на нашумевшем судебном процессе, «Салтыков-Щедрин тоже отозвался на это, но каждый со своей точки зрения» [8: с. 268–269]. Отношение Достоевского к маленькой девочке, ее драме и его оценка юридической и человеческой позиции Спасовича на процессе известны (см., напр.: [7; 9; 10] и др.). «Своя точка зрения» на это у М.Е. Салтыкова-Щедрина в «литературном трактате», как определил Виноградов жанр его публикации (гл. V «Недоконченных бесед»), обернулась в целом отсутствием христианского милосердия по отношению к жертве истязания и явной поддержкой адвокатского мастерства В.Д. Спасовича, который защищал отца-мучителя. Несмотря на мастерское изложение своей позиции, отклик Салтыкова-Щедрина в русском обществе оценивается как риторическая неудача, и причина такой оценки в отсутствии у него должной морально-этической оценки поступка. В отличие от истинно верующего христианина Ф.М. Достоевского, Салтыков-Щедрин проявил здесь себя как атеист. В Евангелии от Луки, ссылаясь на милосердие Господне и обращаясь к апостолам, Иисус говорит: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так

и вы поступайте с ними» [1, Лк, 6: 36, 31]. Такое учение рассматривается в риторике как топос [14: с. 381–382]. Аргументом к этосу («нравам») в риторической оценке произведений Достоевского и Салтыкова-Щедрина служит сложившееся к середине 70-х гг. XIX в. мнение читающей публики о значимости их творчества, а по текстам двух произведений 1876 г. аргументом к этосу является диаметральный разрыв в отношении к случившемуся [13: с. 142–156].

Из всей гаммы чувств, которые может вызвать это судебное дело, у Щедрина осталась только ирония [11; 14: с. 227–229; 12]. Изучение этого очерка-трактата убеждает, что его автор, имея в виду профессиональные интересы юристов, не приемлет христианских заповедей о соотношении права, с одной стороны, и любви, милости и справедливости — с другой.

О В.Д. Спасовиче как виднейшем юристе того времени, пренебрегшем, с нашей точки зрения, чувством милосердия к нещадно избитой малышке, Щедрин пишет следующее: «Независимо от талантливости, это самый солидный и дельный из ныне действующих адвокатов. <...> В его глазах преступление не имеет в себе ничего чудовищного, изумляющего <...>. Он знает законы со всеми продолжениями и дополнениями, умеет толковать их и всегда хранит про запас кассационный повод. <...> Сверх того, судя по репутации, г. Спасович принадлежит к числу адвокатов, не обуреваемых жаждой легкого и быстрого стяжания, что еще больше влечет к нему сердца подсудимых» (курсив мой. — Ж. Г.) [3: с. 216]. Сказанное напоследок немаловажно для клиентов: это значит, что Спасович не требует заоблачных гонораров.

Об истязаемой девочке Салтыков-Щедрин пишет в той же отстраненной и ядовито-иронической манере, как и обо всем судебном процессе. Вот как характеризует эту манеру В.В. Виноградов: «Изложение процесса ведется протокольным стилем, имеет форму строго логического, официального отчета. Но приемы иронического освещения распространены на все детали происшествия. Путем каламбурного переосмысления антитезы в выражении: “женщина не блестящая, но полезная” — сокрушен образ девочки: “задавшись мыслью сделать из своей... дочери “женщину не блестящую, но полезную”, молодой отец с огорчением заметил, что в ребенке уже укоренились некоторые дурные привычки, при существовании которых женщина хотя и может быть блестящею (в благонамеренном мире кокоток), но ни в коем случае не имеет права на звание полезной”» (привлеченные В.В. Виноградовым характеристики из статьи Салтыкова-Щедрина и речи Спасовича [4] нами выделены курсивом. — Ж. Г.) [7: с. 169]. Аргументы к пафосу («страсти») в сопоставляемых произведениях Достоевского и Щедрина — их авторские чувства и эмпатия как постижение читателем эмоционального состояния автора в форме сопереживания: читатель «проживает» те же эмоциональные состояния, которые испытывают авторы (на основе отождествления с ними).

Ни в книге 1930 г., ни в воспоминаниях конца 1960-х гг. В.В. Виноградов не касался биографических причин кардинальных расхождений со стороны двух классиков в оценке речи и позиции Спасовича. А между тем в очерке

Достоевского содержится настоящий панегирик в адрес института семьи; к этому времени он уже был женат около 10 лет на Анне Григорьевне. Супруга Достоевского сочувствовала ему и понимала его как никто другой, была помощницей в его начинаниях и родила ему детей, в которых Федор Михайлович души не чаял. Всего этого был лишен Михаил Евграфович: во-первых, его жене Елизавете Аполлоновне с годами опостылел «Мишель» и его «глупости» — литературные труды, непонятные ей и не ценимые ею; во-вторых, Михаил Евграфович в быту безжалостно высмеивал свою супругу с ее манерничаньем и капризами. Вдобавок М.Е. Салтыков-Щедрин был недоволен своими детьми. Это было то, что он называл в доверительной переписке «адом семейной жизни». Отсюда огромная разница у Достоевского и Салтыкова-Щедрина в оценке драмы, вынесенной на суд. Салтыков-Щедрин даже не упоминает понятия *святыня семьи*, софистически поднятого в речи Спасовича, чтобы спасти от тюремного заключения Кронеберга; это понятие, как и его связь с благополучием государства, в полемическом, истинном ключе разъяснил через месяц после Спасовича (но до появления статьи Щедрина) именно Достоевский [2: с. 50–73].

При чтении очерка М.Е. Салтыкова-Щедрина становится ясно, что он был знаком со многими откликами на судебный процесс, хотя их и не упоминает: со статьями Г.К. Градовского, с фельетоном А.С. Суворина и с очерком Ф.М. Достоевского. Полемическим ответом на эти отклики послужила трактовка Салтыковым-Щедриным проблемы взаимоотношений адвокатуры и литературы. «Антитеза литературы и адвокатуры — на фоне проблемы телесных воздействий и компромисса — является стержнем всего литературного трактата», — определил эту тему у Щедрина В.В. Виноградов [7: с. 169]. Но после судебной реформы 1864 г., когда в России был введен принцип состязательности судебного процесса, противостояние адвокатуры и литературы состоялось не сразу. Щедрин *иронически* отмечает: «Адвокатура наша поначалу довольно горячо заявила о своей солидарности с вопросами жизни и потому весьма естественно встретила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствие. Но, симпатизируя защитнику вдовы и сироты, литература, как старшая сестра в либерализме, *до того простерла свое усердие, что, подвергая действия адвокатов неусыпному контролю, заявила претензию держать это сословие в постоянной опеке.* <...> Такое отношение литературы едва ли может быть названо правильным» [3: с. 226].

Другими словами, по Салтыкову-Щедрину, литература и периодическая печать воздействуют на публику, опираясь на мораль (понимание добра и зла) и знание человеческих эмоций, но адвокатуру (шире — юриспруденцию) должно интересовать лишь соответствие судебного казуса закону в широком понимании этих понятий. «У нас ремесленное значение адвокатуры, по-настоящему, должно бы выказаться еще резче, потому что наши адвокаты <...> не имеют никакого отношения к политической жизни государства. Не вопросы жизни стоят для них на первом плане, а вопросы, истекающие из свода

законов и из кассационной судебной практики. Ловкое обращение с статьями законов — вот что имеется прежде всего в виду... <...> Наша печать долгое время не решалась принять этого взгляда, но в последнее время сама адвокатура решилась заявить, что он (этот взгляд. — Ж. Г.) представляет единственное правильное мерило, с которым можно относиться к ней (т. е. к адвокату-ре. — Ж. Г.). <...> Помнится, г. Спасович <...> первый поднял знамя бунта, сказавши на каком-то обеде, что адвокатура должна шествовать своим путем, независимо от внушений и контроля печати. За ним последовал и г. Потехин, который без церемонии обвинил русскую литературу в идиотстве» [3: с. 227–228].

Поэтому, по Салтыкову-Щедрину, неправы те, кто ждет от адвоката морально-этических оценок случившегося в 1876 г., и как бы ни была несчастна избитая крошка, главное в суде — юридическое соответствие явления имеющимся законоположениям. То есть мы видим у Щедрина неприкрытую риторическую полемику с пафосом очерка Достоевского и других публикаций, авторы которых придерживались сходных с Достоевским взглядов на процесс против Кронеберга.

М.Е. Салтыков-Щедрин развивает свою мысль о разнице целей у литературы и адвокатуры: ведь «и объект действия, и характер его — все разное. Литература служит обществу, адвокатура — клиенту; честность литературы состоит в разработке идеалов и перспектив будущего, честность адвокатуры — в строгом согласии с действительностью и подчинении идеалам, выработанным в прошедшем и вверенным охране положительного закона». Щедрин пытается успокоить своих оппонентов: адвокатура скоро «переменит господина и вместо литературы приобретет себе такового в лице клиента, который до сих пор сдерживал свои инстинкты именно благодаря тому, что думал, будто адвокатура и печать солидарны друг с другом» [3: с. 227–228].

Теперь, когда Щедриним открыто заявлено о критериях морально-этических и профессиональных «доблестей» адвокатуры, посмотрим, какие же еще положительные в этом смысле качества находит классик в фигуре Спасовича (в дополнение к упомянутой выше характеристике, «выданной» ему автором «литературного трактата»). Спасович, по Щедрину, это широко известный *vir bonus, dicendi peritus*¹ («муж добрый, искусный оратор»). О его роли в процессе писатель говорит: «Не удивительно даже и то, что в таком деле фигурировал г. Спасович, а не адвокат чувствительной школы <...>. Ведь г. Спасович, помнится, уже заявил однажды, что адвокатская деятельность должна не посторонними какими-либо соображениями руководствоваться, но преследовать лишь те чисто художественно-юридические цели, которые непосредственно вытекают из свода законов и кассационной судебной практики...». Деятельность адвоката называется солидно-деловой, изъятая «от всяких мечтательностей» [3: с. 220, 221, 225].

¹ Крылатое выражение принадлежит Катону Старшему и приведено Квинтилианом в трактате о воспитании оратора.

У Щедрина читаем: «Господин Спасович бесподобно воспользовался неопределенным характером матерьяла, добытого на судебном следствии», и сумел удовлетворительно объяснить происхождение повреждений и следов («знаков») на лице, на руках, ногах и на задних частях тела несчастной девочки. Один из вопросов Спасовича, обращенных к судебно-медицинскому эксперту: *«Нашел ли он на теле прорезы кожи или только пятна и полосы»*, — Салтыков-Щедрин предлагал «вырезать золотыми буквами на мраморной доске и повесить последнюю в зале заседаний совета присяжных поверенных» [3: с. 215]. Это потому, что закон считал нанесенные прорезы на коже уголовно наказуемыми, а синяки и полосы — следы от побоев — нет. Вывод писателя по этому вопросу на основе защитительной речи адвоката: «Итак, о происхождении знаков на лице нельзя сказать ничего верного; что же касается до сечения, то хотя оно и производилось, но при посредстве совсем “маленьких веток”, за исключением лишь одного раза, когда употреблены были в дело шпицрутены, срезанные за несколько дней до наказания, но без ясно сознанного намерения употребить их в дело. Можно ли назвать тяжким это единокрatное наказание, не сопровождавшееся даже прорезами кожи? — ответ на это дает кассационная судебная практика, из которой до очевидности ясно, что в настоящем случае самое возбуждение подобного вопроса представляется немислимым» [3: с. 218; см. также: с. 213, 215–217].

Следующий «успех» речи Спасовича — он оправдал жуткую экзекуцию, когда Кронеберг (согласно материалам дела) «сек долго, вне себя, бессознательно, как попало», в результате чего даже шпицрутены не выдержали, сломались. Салтыков-Щедрин на основе речи Спасовича формулирует вопрос и дает на него ответ: «Была ли достаточная причина для употребления меры домашнего исправления в тех увеличенных размерах, которые допущены были при том единокрatном наказании, когда г. Кронеберг употребил шпицрутены? Само собою разумеется, что была» [3: с. 218]. Щедрин считает причину побоев оправданной. Заметим в риторическом вопросе эвфемистическую замену слова **истязание* сочетанием *меры домашнего исправления в увеличенных размерах, причем настойчиво утверждается, что это было единокрatным наказанием*, во что, зная показания прислуги на даче и девицы Жезинг (они упомянуты в очерке Достоевского), трудно поверить. Еще одно достоинство, по Салтыкову-Щедрину: Спасович на процессе не окончательного растоптал девочку, т. е. не использовал показания доктора Сусловой (которая «не усомнилась выдать ей [ребенку] аттестат на всю жизнь») о физиологических пороках ребенка (гуманный Спасович как бы остановился «перед мыслью, что девочке предстоит еще долгое поприще жизни»). Это разумное решение, «нужно отдать справедливость чистоплотности г. Спасовича», ведь «девочка имеет много других пороков, которые требуют педагогического воздействия» [3: с. 218, 214].

По поводу «сильных слов» Спасовича по обвинению неразумного дитяти в том, «что от чернослива до сахара, от сахара до денег, от денег до банковых

билетов — путь прямой, открытая дорога», щедринский комментарий такой: «Высказывать их в защитительной речи, обращенной к присяжным заседателям, все-таки недурно. Хорошо поразить воображение присяжного, сказав: вот девочка, которая была на пути к банковым билетам, но г. Кронеберг ее остановил!» [3: с. 219]. Значит, какие бы это ни были *вздор и галиматья, отдающие ребяческой несостоятельностью и старческим бессилием* у Спасовича (оценки самого Салтыкова-Щедрина), такие обвинения, по его мнению, нужны были, и они были предъявлены в суде для достижения оправдательного вердикта, имея в виду состав коллегии присяжных. И тут истина принесена в жертву обстоятельствам, которыми воспользовался адвокат: «Г. Спасович очень хорошо знает, что существуют аудитории, в среде которых подобные перспективы пользуются силою почти неотразимою, и куда эти аудитории будут существовать, до тех пор и он будет рисовать свои перспективы в интересах подсудимых, которые прибегнут к его адвокатской помощи. Из всего изложенного выше оказывается, что г. Кронеберг отнюдь не истязатель, а только плохой педагог. <...> Плохой педагог, неосторожный судья — и больше ничего. <...> Одним словом, как адвокат, г. Спасович исполнил свое дело вполне исправно. <...> С своей стороны, и присяжные отнеслись к его усилиям с полным доверием и вынесли г. Кронебергу оправдательный вердикт» [3: с. 219–220].

В «Недоконченных беседах» Щедрина содержится совет Спасовичу, как надо было бы построить защитительную речь, чтобы избежать противоречий (сравните с этим совет или мнение Достоевского, полное душевной боли). Спасович, по мнению Щедрина, якобы должен был бы сказать буквально следующее, причем невероятно коротко — намного короче, чем получилась у адвоката его судебная речь: «Речь г. Спасовича не утратила бы своей ценности и не сделалась бы менее убедительною, если б он, не выгораживая своей личности от подозрений в солидарности с пощечинами, выразил прямо и просто, чего он требует от присяжных заседателей. Скомпонованная таким образом речь могла бы иметь приблизительно следующий вид: “<...> На скамье подсудимых находится г. Кронеберг, который обвиняется в истязании своей дочери. Для того чтобы вы могли судить правильно, действительно ли г. Кронеберг виноват в том преступлении, за которое он преследуется <...>, необходимо разрешить три вопроса: 1) имел ли г. Кронеберг право подвергать свою дочь телесному наказанию? — ответом на этот вопрос служит такая-то статья свода законов, которая вполне это право за ним подтверждает; 2) подавала ли Мария Кронеберг повод для педагогических воздействий на теле? — на это служит ответом энергическое показание доктора Сусловой, и 3) можно ли назвать употребленные г. Кронебергом педагогические приемы истязанием? — на это даст вам ответ, во-первых, кассационная судебная практика и, во-вторых, достаточно удовлетворительный вид, который представляли ягодицы Марии Кронеберг при освидетельствовании”» [3: с. 225–226].

Перед нами совет более опытного юриста, каким образом можно было изначально избежать общественного скандала, который развился, возникнув на судебном процессе. В комментарии есть и ирония, и сарказм как субъективная модальность (оценка отношений между участниками судебного процесса, экстраполированных на общую обстановку произвола и бессовестности в обществе). По поводу места в речи Спасовича, где он оправдывает телесные наказания детей, «предотвращающие» их будущие преступления, Щедрин замечает: «Слова сильные, но неосновательные, свойственные тем остервенелым педагогам, которым до того опостылело воспитательное ремесло, что они в каждом воспитываемом готовы усматривать будущего злодея» [3: с. 219]. Что ж, в щедринской оценке много пейоративной экспрессии, даже больше, чем у Достоевского.

В литературном трактате ирония выражена, как и в других произведениях Щедрина, через эвфемистические синонимы (*педагогические воздействия* вм. *побои; *энергическое показание* вм. *бестактное, грубое показание; *достаточно удовлетворительный вид* вм. *вид почти заживших ран после нанесенных побоев; ср. с этим иносказательное щедринское ироническое *аплодисменты* из другого произведения классика в значении ‘пощечины и зуботычины’ в «разговоре» полицейского пристава с крестьянином). Выражение сарказма видится также в словообразовательных приставочно-суффиксальных окказионализмах трактата: вполне *беспощечинные* отношения родителей к детям, идеал *беспощечинности*, возможность каких-то *беспощечинных* педагогических идеалов, возможность существования беспощечинной педагогики (приставка *бес-*, суффиксы *-н-*, *-ость*).

Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин считали состояние морали у адвокатуры безнадежным. Однако душевным страданиям Достоевского, вызванным драматическим противоречием между совестью и законом, в очерке Щедрина противостоит представление об адвокате как «золотаре» (кстати, в очерке не нашлось места для слова *совесть* [2]).

В целом процесс Кронеберга для Салтыкова-Щедрина — это очередной уголовный скандал, который вызвал оживление в печати. Поражает щедринское ироническое заявление: «Жаль, что подсудимый сам сознался в пощечинах, а не будь этого сознания, не было бы и пощечин, так как нет на лице синих и сине-багровых пятен». Подходя по-деловому к фактам уголовного дела, Щедрин уверен во всех своих оценках. Прагматические соображения сменяются у него саркастическим замечанием. Отражая всю гнусность атмосферы суда, писатель иронически-мечтательно, как бы от лица мучителей, восклицает: «Вот кабы найти такой способ, чтобы можно было наказывать сильно и больно, а следов бы не оставалось!» [3: с. 217, 219].

Такого типа анализ текстов как обучающий этап в курсе риторики содержит колоссальный воспитательный ресурс, не считая предметного обучения в речевом оформлении аргументирующей речи [5: с. 69–77].

Библиографический список

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. М.: Изд-е Московской патриархии, 1990.
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1876. Февраль. Гл. 2; Дневник писателя. 1876. Подготовительные материалы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 50–73; 137–166.
3. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Недоконченные беседы. Гл. V. Отрезанный ломоть // Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1973. Т. 15. Кн. 2. С. 212–228.
4. *Спасович В.Д.* Дело о банкире К., обвинявшемся в истязании своей семилетней дочери // Сочинения В.Д. Спасовича. Т. VI. Судебные речи (1875–1882). СПб.: Книжн. маг-н бр. Рымович, 1894. С. 49–71.

Литература

5. *Абрашина Е.Н.* Система заданий и упражнений по обучению риторике в вузах // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2012. № 1 (8). С. 69–77.
6. *Бочкарев А.Е.* К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1 (21). С. 41–53.
7. *Виноградов В.В.* Избр. работы. О языке худож. прозы. М.: Наука, 1980. С. 56–175.
8. *Виноградов В.В.* Из истории изучения поэтики (20-е годы) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 34. 1975. № 3. С. 259–272.
9. *Ганиев Ж.В.* Аргументы к этосу и пафосу у Достоевского-журналиста // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. VIII. Вильнюс: ЛЭУ, 2013. С. 152–160.
10. *Ганиев Ж.В.* Ф.М. Достоевский в защиту дитяти, против горгианской риторики (по «Дневнику писателя» за 1876 г.) // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. «XII Виноградовские чтения». Т. III. М.: МГПУ, 2012. С. 76–80.
11. *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. 204 с.
12. *Строганов М.В.* Два фельетониста: Салтыков и Слепцов (ч. 1) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 18–26.
13. *Хазазеров Г.Г., Лобанов И.В.* Риторика. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 384 с.

Справочные и информационные издания

14. Культура русской речи: энциклопедич. словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

References

Istochniki

1. Bibliya. Knigi Svyashhennogo Pisaniya Vetxogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. S parallel'ny'mi mestami. M.: Izd-e Moskovskoj patriarxii, 1990.
2. *Dostoevskij F.M.* Dnevnik pisatelya. Ezhemesyachnoe izdanie. 1876. Fevral'. Gl. 2; Dnevnik pisatelya, 1876. Podgotovitel'ny'e materialy' // Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. L.: Nauka, 1981. T. 22. S. 50–73; 137–166.

3. *Salty'kov-Shhedrin M.E.* Nedokonchenny'e besedy'. Gl. V. Otrezanny'j lomot' // *Salty'kov-Shhedrin M.E.* Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 15. Kn. 2. M.: Xud. lit., 1973. S. 212–228.

4. *Spasovich V.D.* Delo o bankire K., obvinjavshemsya v istyazanii svoej semiletnej docheri // *Sochineniya V.D. Spasovicha.* T. VI. Sudebny'e rechi (1875–1882). SPb.: Knizn. mag-n br. Ry'movich, 1894. S.49–71.

Literatura

5. *Abrashina E.N.* Sistema zadaniy po obucheniyu ritorike v vuzax // *Vestnik MGPU.* Ser. «Filologicheskoye obrazovanie». 2012. № 1 (8). S. 69–77.

6. *Bochkaryov A.E.* K opredeleniyu koncepta «sovest'» v russkoj yazy'kovoj kartine mira // *Vestnik MGPU.* Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 1 (21). S. 41–53.

7. *Vinogradov V.V.* Iz istorii izucheniya poe'tiki (20-e gody'). *Izv. AN SSSR.* Ser. lit-ry' i yazy'ka. T. 34. 1975. № 3. S. 259–272.

8. *Vinogradov V.V.* Izbr. raboty'. O yazy'ke xudozh. prozy'. M.: Nauka, 1980. S. 56–175.

9. *Ganiev Zh.V.* Argumenty' k e'tosu i pafosu u Dostoevskogo-zhurnalista // *Rusistika i komparativistika: sb. nuch. statej. Vy'p. VIII.* Vilnyus: LEU, 2013. S. 152–160.

10. *Ganiev Zh.V.* F.M. Dostoevskij v zashhitu dityati, protiv gorgianskoj ritoriki (po «Dnevniku pisatelya» za 1876 g.) // *Tekst, kontekst, intertekst: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. «XII Vinogradovskie chteniya».* T. III. M.: MGPU, 2012. S. 76–80.

11. *Ermakova O.P.* Ironiya i eyo rol' v zhizni yazy'ka. Kaluga: KGPU im. K.E. Ciolkovskogo, 2005. 204 s.

12. *Stroganov M.V.* Dva fel'etonista: Salty'kov i Slepzcov (ch. 1) // *Vestnik MGPU.* Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3 (23). S. 18–26.

13. *Xazagerov G.G., Lobanov I.V.* Ritorika. Rostov n/D: Feniks, 2004. 384 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. *Kultura russkoj rechi: e'nciklopedich. slovar'-spravochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva i dr.* M.: Flinta: Nauka, 2003. 840 s.

15. *Stilisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazy'ka / pod red. M.N. Kozhinoj.* M.: Flinta: Nauka, 2003. 696 s.

Zh.V. Ganiev

Ironically about Children's Drama: M.E. Saltykov-Shchedrin as a Rhetorician — a Staunch Supporter of the Letter of Merciless Law

The eternal conflict between conscience and law (its shortcomings and lacunae in legislation) was demonstrated in the celebrated trial, held in St. Petersburg in 1876. In 1930, V.V. Vinogradov introduced the noted comments of Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin on the process into the scientific rhetoric circulation.

Keywords: rhetorical analysis; irony; rhetorical technique; linguistic arrangement.

РУСИСТИКА. ГЕРМАНИСТИКА. РОМАНИСТИКА

УДК 811.161.1

Ю.Е. Прохоров

Русский язык в современном коммуникационном пространстве: роль, место, лингвокультурная парадигма

В статье рассмотрены проблемы соотношения русского языка и русской культуры в глобальном поликультурном общении.

Ключевые слова: язык; культура; межкультурное общение.

Часть 1

В результате глобальных социокультурных изменений, которые произошли в конце XX в. и продолжаются сегодня, русский язык как средство общения оказался в совершенно иной ситуации в мировом коммуникационном пространстве, ситуации, требующей и анализа, и осмысления. При этом короткий период его нового существования, с одной стороны, не позволяет делать однозначные выводы. Но с другой — уже требуют осмысления тенденции его сегодняшнего и будущего существования в этом пространстве. Причем движущей силой этой необходимости во многом являются не собственно «социолингвистический и филологический интересы», а именно лингвометодическая составляющая проблемы: чтобы понять, *как учить*, необходимо прежде всего ответить на вопросы: *зачем учить* и соответственно *чему учить* [4; 8]. Именно с этих позиций попробуем рассмотреть место и роль русского языка в мировом поликультурном и многоязычном пространстве и столь часто, но чрезвычайно невнятно упоминаемое «продвижение» русского языка в мире (или *в мир?*) как инструмента «мягкой силы» [9].

Реальное изменение статуса русского языка в современном коммуникационном пространстве в определенной степени неожиданно поставило перед специалистами ряд вопросов, касающихся, казалось бы, незыблемых общих понятий, которыми традиционно и спокойно пользовались социолингвисты и методисты: что же есть *мировой язык, государственный язык, родной язык, неродной язык, иностранный язык?* Рассмотрим последние три понятия.

Сначала сошлемся на мнение Е.П. Белинской, чье исследование, основанное на анализе научных периодических изданий постсоветского пространства, имеет принципиальное значение для представления современной лингвистической, социолингвистической и лингвокультурной ситуации. С точки зрения ученого, увеличение за последние десятилетия смысловых характеристик понятия *язык* отражает объективную динамику лингвистической и социокультурной ситуации в нашей стране. Из состояния однородности и структурированности социолингвистическое пространство в этнопсихологическом дискурсе «не только смыслово усложняется и диверсифицируется, но и фактически “размывается”, что доказывается отсутствием в нем четких структурных оппозиций» [1: URL].

Причины такого положения дел видятся автору в следующем. Во-первых, сегодня коммуникативная и этнодифференцирующая функции языка более не являются центральными; ведущая роль начинает отводиться символической функции языка — «он мыслится только как основание национальной идентификации, за которой часто не стоит реальное языковое поведение» [Там же]. Во-вторых, имеет место реальный социолингвистический конфликт в ряде регионов постсоветского пространства, свидетельствующий о невозможности «выполнения бывшими *родными* языками, ставшими *государственными* и/или *национальными*, всего набора социальных функций в противовес русскому языку, который, субъективно оказавшись *чужим*, *новым* и даже *иностранным*, эти функции выполняет более успешно» [Там же]. В-третьих, будучи основным символическим средством национальной идентификации, родной язык не становится основанием социокультурной идентичности, он не способен к выполнению функции трансляции ценностей эмоционального и культурного порядка. «Но при этом и русский язык, даже будучи *общим* и *разговорным*, также не выполняет уже этих функций — в силу своей утвердившейся (и политически, и лингвистически) *чуждости*. В результате субъект этой “разорванной” лингвистической реальности становится человеком столь же “разорванного” самосознания и идентичности — национальной, гражданской, социокультурной» (курсив автора. — Ю. П.) [Там же].

Таким образом, даже такие понятия, как *родной язык* и *неродной язык*, нуждаются в переосмыслении с позиций сегодняшних реалий¹. Интересно, что последняя перепись населения России многократно фиксировала расхождения между тем, что сами граждане считают своей национальностью, и тем, какой язык они сами называют родным. Сегодняшняя практика приводит много примеров, когда в семье, где родители — носители разных языков (пусть один из них — русский), рождается ребенок, который проходит базовые этапы социализации в стране и культуре третьего языка. Какой язык он будет

¹ В связи со сказанным примечательным является название очень интересной и точной статьи О. Пуссинен: «*Домашний язык*». Стратегии функционирования русского языка в качестве *второго родного* (на примере русскоязычной диаспоры в Финляндии) (курсив мой. — Ю. П.) [7].

называть *родным*, если язык его *родины* не совпадает ни с одним из языков его родителей? Внутри страны обучение государственному языку (например, русскому) в ряде случаев также в полной мере относится к обучению *неродному языку*. Достаточно указать на полиэтнические классы во всех крупных городах России (и всего мира). А в некоторых ситуациях — а их объективно становится все больше! — обучение в другой стране русскому языку *как родному* (т. е. понимаемому как язык обоих родителей) является в реальности в системе образования обучением *русскому языку как иностранному*.

По отношению к русскому языку далеко не все исследователи готовы признать ту реальность, которая, на наш взгляд, очень точно зафиксирована редакторами сборника «*Slavica Helsingiensia*» — А. Мустайоки и Е. Протасовой в предисловии: «Вслед за ростом русскоязычных сообществ за пределами мест исконного проживания происходит появление русскоязычной печати, образования, литературы, искусства, торговли, сферы обслуживания и, соответственно, терминологии — иными словами, выстраивалась инфраструктура жизни на русском языке, функционирующая в соответствии с законодательствами и отвечающая потребностям тех стран, где она формировалась. Соответственно, развивается и новая прагматика русскоязычного общения, появляются новые, *ad hoc* созданные и отчасти в последующем нормализаторски закреплённые слова русского языка, не известные в метрополии. Конечно, *в определенном отношении такое положение дел способствует отчуждению русского языка от русского человека (по национальности, гражданству или стране проживания) как единственно возможного его носителя, а также позволяет смягчить требования к качеству владения языком и отделить русскость и русскую культуру от собственно языка*» (курсив мой. — Ю. П.) [б: с. 6].

Таким образом, складывается новое, по крайней мере для русского языка, и достаточно сложное соотношение языка и культуры с учетом потребностей данного языка как языка коммуникации в разных лингвокультурных коммуникативных пространствах, под которыми понимается совокупность сфер речевого общения. При этом определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия:

- (русский)² язык функционирует внутри русской культуры, обеспечивая общение в различных коммуникативных пространствах носителей этого языка и этой культуры — *внутрикультурное состояние*;
- (русский) язык функционирует внутри русской культуры, обеспечивая общение в разных коммуникативных пространствах этой культуры носителей другого языка и другой культуры (например, мигрантов) — *околокультурное состояние* (большинство таких носителей не ассимилируются в «языке и культуре», а по необходимости «соблюдают ее» только в тех коммуникативных пространствах, где этого требует прагматика общения);

² В скобках, так как, по нашему мнению, это относится не только к русскому языку.

- (русский) язык функционирует внутри иной культуры, но обеспечивает общение его носителей в некотором наборе коммуникативных пространств (внутрисемейном, внутридиаспорном), при этом элементы родной культуры часто заменяются элементами окружающей культуры, хотя и сохраняются некоторые элементы родной для языка культуры — *внешнекультурное состояние*;
- (русский) язык функционирует как средство общения носителей / не носителей этого языка в рамках некоторой иной культуры, которая не является родной ни для языка, ни для его носителей (огромное количество коммуникативных пространств в сфере политики, экономики и даже различных бытовых ситуаций) — *внекультурное состояние* (например, для английского языка в настоящее время именно это его использование является основным).

В последнее время лингвисты, культурологи и методисты все больше обращают внимание именно на *внешнекультурное состояние* русского языка и русского речевого общения, что обусловлено социокультурными факторами его бытия. В современном европейском (да и не только) коммуникативном пространстве русский язык имеет специфику структуры и содержания коммуникации в прагматике его реализации по нескольким направлениям:

- общение в среде носителей русского языка вне русского лингвокультурного пространства;
- общение между представителями русского и русскоязычного европейского лингвокультурных пространств;
- общение между представителями русского лингвокультурного пространства и представителями европейского лингвокультурного пространства;
- общение между представителями отдельных регионов европейского лингвокультурного пространства.

Как справедливо отмечает В.Н. Белоусов, «разработка и внедрение современных подходов к изучению феномена межкультурной коммуникации, в основе которых лежит диалог языков и культур, обусловили необходимость описания *новых языковых состояний* и рассмотрения значимости русского языка как средства межнационального общения в сложившихся геополитических условиях» (курсив мой. — Ю. П.) [2: с. 10]. Изучение этих *языковых состояний* приводит к появлению таких новых для русского языка его осмыслений, как «теория георусистики», которая крайне неоднозначно воспринимается специалистами. Допуская вариативность русского языка в условиях иного лингвокультурного окружения, многие исследователи категорически не принимают рассуждения об этой вариативности как факте возникновения некоторого «национального» варианта русского языка. Очевидно, что на современном этапе «расхождений» говорить о возникновении «вариантов» действительно рано³. Если они (варианты) и возникают, то на уровне нормы,

³ Хотя существуют разные терминологические взгляды на эту проблему, например, см.: [10; 7].

а не системы языка. Вместе с тем анализ показывает, что постепенно эти изменения нормы входят «в систему», становятся для того или иного лингвокультурного пространства «системой» в речевом общении носителей русского языка, что и сохраняет собственно русский язык как лингвокультурный феномен единым и взаимопонятным в межкультурном общении.

О взаимоотношении нормы и культуры очень точно, на наш взгляд, пишет С.Г. Тер-Минасова: «Нормы, как правило, зарождаются из традиций, но затем, в отличие от традиций, они легитимизируются, санкционируются определенными письменными правилами. Соотношение норм и традиций — еще один параметр различия языков и культур: в некоторых западных культурах больше норм и меньше традиций, в восточных — и в России, стоящей на перепутье, — наоборот, меньше норм и больше традиций. Положение о том, что нормы культуры рождаются из традиций или в результате сознательной кодификации, что они узаконенные, то есть, “законные дети” традиции, обуславливает диалектичность процессов установления нормативности и развития культуры. Диалектичность эта проявляется в том, что культура — это и продукт, и источник нормативности, она одновременно и обогащает человека, и обедняет его, обедняет именно потому, что сдерживает его нормами, не дает реализовать все свои возможности» (курсив автора. — Ю. П.) [10: с. 29]. Мы согласны с тем, как С.Г. Тер-Минасова особо подчеркнула тот факт, что культурная норма — это и обогащающий, и обедняющий процесс. Для процесса преподавания русского языка как иностранного чрезвычайно важны обе эти тенденции. Ведь при родном языке (Я1) и родной культуре (К1) новый язык (Я2) и новая культура (К2) с точки зрения нормативности могут соотноситься по-разному:

- нормативность Я1 и К1 прежде всего схожа с нормативностью Я2 и К2;
- нормативность Я1 прежде всего схожа с нормативностью Я2, а нормативность К1 значительно отличается от нормативности К2;
- нормативность Я1 прежде всего отличается от нормативности Я2, а нормативность К1 схожа с нормативностью К2;
- нормативность Я1 и К1 прежде всего различаются с нормативностью Я2 и К2⁴.

«Отчуждение» русского языка, с одной стороны, от русской культуры (распад лингвокультурного феномена), а с другой — действительно, именно от *русскости* как этносоциокультурного феномена объективно приводит к созданию некоторых социокультурных разновидностей русского языка. Ничего парадоксального в этом отчуждении нет. Более того, даже в пределах одного государства с многонациональным составом при всей *базовой* и определяющей культуре всегда существуют национально-территориальные разновидности организации речевого общения на государственном языке (не на уровне

⁴ Уточнение «прежде всего» связано с тем, что в разных языках и культурах почти всегда можно обнаружить сходные элементы нормативного характера, определяемые некоторыми общими принципами организации человеческого бытия и собственно человека как социально-культурной особи.

хорошего/плохого знания его), а именно с учетом того, на «территории» какой действительности и культуры он обеспечивает существование личности.

С одной стороны, этот язык должен максимально быстро переключиться в обслуживании человека с одной культуры на другую культуру — этого требует сам процесс вживания/выживания. С другой — процесс осмысления новой действительности базируется определенное время на старом когнитивном багаже, «старой» культуре, поэтому процесс овладения новыми элементами речевого общения идет опережающими темпами, а «сознание» как бы «догоняет его» [3].

Здесь можно вспомнить разработанную В. Тэрнером теорию ситуации «ритуала перехода» и центральной фазы этого перехода — промежуточного «лиминального периода», во время которого особенности ритуального субъекта («переходящего») двойственны — он проходит через ту область культуры, у которой для него пока очень мало или вовсе нет свойств прошлого или будущего состояний [11].

Происходит первая стадия «перехода» — от русской языковой личности к русскоязычной личности. С точки зрения организации этой языковой личности (по Ю.Н. Караулову), которая включает в себя вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни, на этой стадии влияние изменения прагматики общения больше трансформирует вербально-семантический уровень, при значительном сохранении базового когнитивного уровня.

Вторая стадия перехода — переход от русскоязычной личности к русскоговорящей личности. Общение на русском языке сохраняется в конкретных коммуникативных пространствах достаточно ограниченных количественно и по числу участников, которые соотнесены прежде всего с новой, не базовой для этого языка культурой. Коммуникация строится на всех трех уровнях с учетом этой культуры, причем когнитивный и прагматический уровни, обусловленные новой культурой, полностью определяют вербально-семантическое содержание речевого общения.

В современном глобальном коммуникативном пространстве, когда коммуникация между представителями различных форм коммуникативного поведения чаще всего проходит на одном языке — английском, можно выделить две противоположные тенденции:

- под единый язык подстраиваются различные национальные модели общения, создавая тем самым некоторую «эсперант-культуру», позволяющую нивелировать эти национальные различия;
- усиление влияния «эсперант-культуры» приводит к обострению внимания к национально-культурным особенностям общения как показателю национально-культурной идентификации каждой личности и всех носителей данного языка и данной культуры в целом.

Помимо сказанного, не следует игнорировать и обратную реальность. На наш взгляд, собственно коммуникация содержит три неслиянных, но и неразсторжимых составляющих. «Это — фигура действительности, в сфере

реально и объективно заданных условий которой она осуществляется, и две фигуры, обеспечивающих ее содержательно-языковую основу: *текст* во всех его проявлениях, который даже “в образе” не отрывает от языка, и *дискурс* — содержательно-речевую основу, собственно вербальное и обычно с невербальным компонентом взаимодействие участников коммуникации. Но при этом все три составляющие находятся в динамическом взаимосоответствии. Так, изменение действительности влечет за собой изменение текста и дискурса; появление новых текстов о том же аспекте действительности приводит к вероятности вариативности дискурса; реализация другого дискурса в коммуникации требует ее участников обращаться к другим текстам и иначе оценивать фигуру действительности. Самый простой пример — иное, чем первоначальное, восприятие социального статуса участника коммуникации при реализации им определенных текстов и дискурсов и т. д.» [7: с. 45].

«Выделенные выше составляющие коммуникации определены нами следующим образом. *Экстравертивная фигура коммуникации* — дискурс: совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности. *Интровертивная фигура коммуникации* — текст: совокупность правил организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности. *Материальная фигура коммуникации* — действительность: совокупность материальных условий осуществления коммуникации представителей данной лингвокультурной общности» [Там же].

Этот конструкт был соотнесен нами с понятием голограммы⁵. Возникающая картина, содержащая полную информацию об объекте, фиксируется на светочувствительной поверхности. Данный метод, применимый к волнам любой природы и любого диапазона частот, может быть использован для распознавания образов, для кодирования информации (курсив мой. — Ю. П.) [10: с. 322]. Выделенные курсивом слова в полной мере соотносятся и с рассматриваемым нами объектом. Во-первых, «между действительностью, текстом и дискурсом, если они неслиянны и нерасторжимы, именно интерференция (наложение, приводящее к усилению или ослаблению) является основой их взаимодействия. При изменении действительности эти изменения накладываются и на текст, и на дискурс, приводя к усилению в коммуникации роли одного и ослаблению роли другого; при изменении качества и (или) объема имплицитной текстовой информации изменяется и дискурс; при потребности изменения роли дискурса усиливается или ослабляется роль текстовой составляющей коммуникации и т. п. Во-вторых, и для кодирования информации, и для распознавания объектов важна взаимосвязь всех трех элементов коммуникации» [7: с. 52].

При внешнекультурном состоянии связки языка и культуры наблюдается постоянно прогрессирующая конгруэнция элементов голограммы — непрерывно варьируемое соотнесение всех трех сфер с учетом языка и условий

⁵ Голограмма — метод получения изображения объекта, основанный на интерференции волн.

общения. Соответственно, изменение фигуры действительности объективно и неизбежно вызывает изменения текста и дискурса.

При внешнекультурном состоянии происходит, на наш взгляд, еще один процесс. Русский язык используется в очень ограниченном количестве коммуникативных пространств — в основных ситуациях общения носителей русского языка в иной культуре применяется и иной язык. Конгруэнция в связке *язык — культура* становится уподоблением новой действительности, что объективно приводит как раз к процессу дивергенции по отношению к собственно русской культуре. Именно возникающая и все более развивающаяся со временем дивергенция выступает причиной того, что сохранение системы как таковой сохраняет язык и позволяет говорить о едином языке, но при этом различаются нормативно-коммуникативные параметры, что влечет за собой определенное нарушение общения.

Стремление «сохранить исходное» проявляется в том, что в условиях конгруэнтности к новым явлениям действительности в определенных коммуникативных пространствах начинает проявляться и «обратная конгруэнция» — стремление организовать все виды коммуникации (вербальные и невербальные, устные и письменные) так, как это принято в исходной лингвокультуре. И если при общении в структуре и в содержании новой действительности происходит уподобление общения этой действительности, то в том случае, когда речь идет о базовой для данного языка действительности (культуре), «вторичная конгруэнция» направлена на некоторое усиление, по крайней мере, внешних параметров этой связи.

Попробуем подобрать для этой ситуации такой термин, который мог бы «работать» и в дальнейших рассуждениях. Допустим: есть субъект, который является носителем одного или более языков. Его социализация протекает в рамках этих языков и сопряженных с ним культур. Например, в России как многоязычном государстве это может быть русский язык, овладение которым происходит в исходной культуре, или любой другой язык, в рамках которого индивид воспитывается в данной стране. При этом возможен и реален (и все более реален!) отрыв одного или более языков от той культуры, в которой и для которой он является базовым. Например, овладение русским языком в семье, живущей в другой стране, объективно не создает того лингвокультурного багажа, который — так же объективно — сложился бы при социализации на этом языке в культуре этого языка.

Современное гуманитарное развитие предполагает, что человек должен иметь возможность и уметь реализовывать потребности своего бытия по крайней мере на нескольких языках и в различных условиях бытия. Это могут быть как языки, приобретенные на разных стадиях его социализации (дом, учеба, окружение и т. п.), так и языки, которыми он должен был овладеть для реализации своих потребностей. Отличительной чертой всех этих языков является то, что они обеспечивают в каждый конкретный момент его *существование* в той или иной культуре, в которой он в настоящий момент находится и реализует свои потребности.

Именно в этой ситуации пребывает любой иностранец, приезжающий в другую страну (другую действительность/культуру) и в целях изучения языка, и в целях получения образования вообще, и в целях работы в условиях этой действительности во взаимодействии с ее представителями. И естественно, что материальной базой этого общения служит конкретная культура, реализуемая на языке и в коммуникации с теми, для кого это условия существования.

В таком понимании русский язык, например, может быть языком существования и в рамках русскоязычной семьи, и в рамках русскоязычной диаспоры, когда общение соотнесено с исходной русской культурой. В определенной степени он может быть в этой среде и языком существования, когда речь идет об ином культурном окружении — обсуждение некоторых ее сторон с позиций стереотипов русской культуры и русского коммуникативного поведения.

Условия современного глобального мира и мобильность человека ставят его перед необходимостью вступать в общение с носителями разных культур и языков в самых разных условиях действительности. При этом собственно языки, на которых осуществляется *сосуществование*, могут быть весьма далеки от той культуры, в среде которой это сосуществование происходит. В современном мире такое общение становится все более и более распространенным. Естественно, что сегодня оно реализуется прежде всего на английском языке. Однако и русский язык занимает в нем достойное место⁶. Интересно, что лет 30–40 назад, когда изучение русского языка во многих странах было обязательным (т. е. подразумевалось, что им «владеет» огромное количество людей), общение на нем как языке сосуществования становилось более ограниченным. Это, на наш взгляд, было обусловлено тем, что он реально не выполнял роли языка сосуществования. В настоящее время, когда практически во всех крупных странах мира есть значительные объединения носителей русского языка, гораздо большее число этих носителей прибывают в страны с разными целями, его роль языка сосуществования в иной культуре становится все более реальной и важной. Один из ярких примеров — недавнее обсуждение вопроса о включении русского языка в качестве рабочего (т. е. языка сосуществования) в деятельность единого европейского сообщества, куда собственно Россия — страна языка — не входит. Наличие больших по величине диаспор требует во многих странах и наличия определенных структур, которые могут осуществлять взаимосвязь с носителями этого языка, когда учет национально-культурной специфики данной диаспоры (как, впрочем, и любой другой) требует владения этим языком и этой культурой. Сосуществование в глобальном экономическом пространстве требует наличия специалистов в сфере делового общения, владеющих русским языком; развитие туризма — специалистов этой сферы. А прагматические потребности работодателей инициируют развитие преподавания русского языка (и любого другого) в стране. Неслучайно русский язык как язык реального сосуществования вышел на второе место в интернет-пространстве [5].

⁶ Другой взгляд на проблему с использованием другой терминологии см.: [10].

Библиографический список

Литература

1. *Белинская Е.П.* Смысловые характеристики понятия «язык» в современной российской этнопсихологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n4-18/514-belinskaya18> (дата обращения: 14.06.2017).
2. *Белюсов В.Н.* О проблемах и перспективах функционирования русского языка в межнациональном общении в современной геополитической ситуации // Язык и общество в современной России и других странах: докл. и сообщения междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.). М., 2010. С. 9–15.
3. *Бубнова И.А.* Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 134–141.
4. *Гончарова В.А.* Метакультура в контексте целей современного иноязычного образования // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 61–68.
5. *Млечко Т.П.* Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев: Славянский ун-т Республики Молдова. 2013. 437 с.
6. *Мустайоки А., Протасова Е.* Быть русским и говорить по-русски [Электронный ресурс] // Slavica Helsingiensia. Т. 24. Русский человек в иноязычном окружении. Helsinki: University of Helsinki. 2004. Р. 5–12. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh24/index.htm> (дата обращения: 14.06.2017).
7. *Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта, 2004. 224 с.
8. *Пуссинен О.* «Домашний язык». Стратегии функционирования русского языка в качестве второго родного (на примере русскоязычной диаспоры Финляндии) // Большие и малые языки в языковом, культурном и образовательном пространстве поликультурного мира: материалы междунар. симпозиума. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 180–202.
9. *Тарева Е.Г.* Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2 (23). С. 94–101.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 334 с.
11. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 280 с.

References

Literatura

1. *Belinskaya E.P.* Smy'slovy'e charakteristiki ponyatiya «yazyk» v sovremennoj rossijskoj e'tnopsixologii [E'lektronny'j resurs] // Psixologicheskie issledovaniya. 2011. № 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n4-18/514-belinskaya18> (data obra-shheniya: 14.06.2017).
2. *Belousov V.N.* O problemax i perspektivax funkcionirovaniya russkogo yazy'ka v mezhnacional'nom obshhenii v sovremennoj geopoliticheskoy situacii // Yazy'k i obshhestvo v sovremennoj Rossii i drugix stranax: dokl. i soobshheniya mezhdunar. konf. (Moskva, 21–24 iyunya 2010 g.). M., 2010. S. 9–15.
3. *Bubnova I.A.* E'voluciya russkoj yazy'kovoj lichnosti // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 134–141.

4. *Goncharova V.A.* Metakul'tura v kontekste celej sovremennogo inoyazy'chnogo obrazovaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 61–68.
5. *Mlechno T.P.* Russkaya yazy'kovaya lichnost' blizhnego zarubezh'ya. Kishinev: Slavyanskij un-t Respubliki Moldova. 2013. 437 s.
6. *Mustajoki A., Protasova E.* By't' russkim i govorit' po-russki [E'lektronny'j reurs] // Slavica Helsingiensia. T. 24. Russkij chelovek v inoyaz'ychnom okruzenii. Helsinki: University of Helsinki. 2004. P. 5–12. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh24/index.htm> (data obrashheniya: 14.06.2017).
7. *Proxorov Yu.E.* Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs. M.: Flinta, 2004. 224 s.
8. *Pussinen O.* «Domashnij yazy'k». Strategii funkcionirovaniya russkogo yazy'ka v kachestve vtorogo rodnogo (na primere russkoyazy'chnoj diaspory' Finlyandii) // Bol'shie i малы'e yazy'ki v yazy'kovom, kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve polikul'turnogo mira: materialy' mezhdunar. simpoziuma. Tver': TvGU, 2010. S. 180–202.
9. *Tareva E.G.* Obuchenie yazy'ku i kul'ture: instrument «myagkoj sily'»? // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2 (23). S. 94–101.
10. *Ter-Minasova S.G.* Vojna i mir yazy'kov i kul'tur. M: Slovo, 2008. 334 s.
11. *Te'rner V.* Simvol i ritual. M.: Nauka, 1983. 280 s.

Yu.E. Prokhorov

**The Russian Language in Modern Communication Environment:
Its Role, Place and Linguocultural Paradigm (Part 1)**

The paper dwells on the correlation issues of the Russian language and Russian Culture in global multicultural communication.

Keywords: language; culture; crosscultural communication.

В.В. Шаповал

О названиях животных в ранних славянских словарях

Латинско-чешский словарь 1511 г. — это первый словарь, в котором чешские слова регулярно использовались во вспомогательной части латинских толкований. Первая (алфавитная) книга и ряд других разделов этого словаря приводят латинские названия животных, птиц, рыб и т. д. Как и в других ранних славянских словарях, некоторые из этих слов являются экзотическими или фантастическими. Примечательно, что эти названия не относятся к живым существам, представленным в Европе. Можно предположить, что они взяты из Библии и учебных текстов того времени.

Ключевые слова: ранние славянские словари; животные; Библия.

Первые печатные латинские словари с включением материала одного из славянских языков начинают создаваться в явной связи с распространением европейского протестантизма в начале XVI в. Языком-объектом в них выступает латинский язык, а славянский материал призван помочь учащемуся. Латынь этой эпохи имела множество функций. С учетом тогдашней синкретической образованности трудно отделить от чисто утилитарной функции общения учебные и религиозные цели. На ранних этапах формирования национальных языков несомненна роль перевода с латыни, латинских вкраплений и цитат для уточнения смысла текста [10: с. 63]. Эта связь важна и для понимания славянского материала в первых словарях.

Нельзя не обратить внимания на то, что среди включенных в алфавитный словник и тематические списки названий живых существ в этих словарях встречаются такие, ареал распространения которых не захватывает Европу. Их наличие в словарях можно объяснить необходимостью изучать и понимать библейские тексты.

В Библии *хамелеон* употребляется один раз в списке нечистых пресмыкающихся в книге Левит (Лев 11:30). В оригинале хамелеон (אֲרָבָה [koaḥ] ‘большой ящер’), как и в греческом тексте χαμαιλέων ‘хамелеон’, стоит на второй позиции списка [1]. В Вульгате это животное замыкает список: «mygale et testudo et stellio et talpa et chamaeleon» ‘землеройка, и черепаха, и (звездчатая) ящерица, и крот, и хамелеон’ [8]. Ареал распространения последнего животного, если принять, что все участники коммуникации имели в виду одну и ту же разновидность ящерицы, включает в себя юг Пиренейского полуострова и юг Малой Азии. Севернее это животное не встречается. Таким образом, западнославянские книжники судили о нем, скорее всего, по словесному описанию, а не по иллюстрациям.

В латинско-чешском словаре 1511 г. *хамелеон* тем не менее описан подробно: «[C*]Ameleon ontis m t est quodam animal sic dictum. quia litz (=licet) fit asperfum albis maculis vt pardus, collo equo f<imi>lis, pedibus bubalis, capite tamen camelo est f<imi>lis Viuit de aere Welbudohlawetz» [7: с. 576] — «Хамелеон (р. п. *-ontis, м.*, 3 скл.) есть <...> животное так нареченное, ибо хотя есть отчасти <с> белыми пятнами, как пардус, шеей лошади подобно, ногами буйволу, головой же верблюду есть подобно. Живет от воздуха. *Верблюдоглавец» (здесь и далее перевод автора статьи. — В. III.).

C* — буква восстановлена нами на месте пропуска, оставленного в печатном издании для рукописного инициала. Печатный текст, как видим, сохраняет некоторые особенности тогдашней рукописной книги. Здесь и далее при цитировании словаря сохранено графическое оформление издания (символы *f*, *z* и т. п.), но лигатуры, сокращения, выносные знаки раскрыты, эти части слов внесены в строку и выделены курсивом. Орфография не правилась по стандартам классической латыни [5].

Последнее слово (*Верблюдоглавец) составлено нами, чтобы передать по-русски внутреннюю форму названия *Welbudohlawetz* по-чешски.

Надо полагать, автор и его читатели опирались на чужие опосредованные свидетельства, а не на свой визуальный опыт. Описание через ряд сравнений с крупными животными деформирует восприятие реальных размеров этой не очень крупной (примерно тридцатисантиметровой) древесной ящерицы.

Верблюд в названии *хамелеон*, очевидно, усмотрен по созвучию с латинскими названиями верблюда (*camelus*) и льва (*leo*). Оба эти названия относятся к лексическому минимуму, они есть даже в кратком латинско-чешско-немецком словаре 1513 г. [2: с. 12]. Наше предположение о том, как название хамелеона членилось составителем словаря, основывается, в частности, на сходном членении в том же словаре 1511 г. следующего за ним слова: «Cameleopardus dictus est / quia camelo et pardo f<imi>lis fit» [7: с. 576] — «Жираф назван <так>, ибо верблюду и леопарду (или другому крупному представителю семейства кошачьих) подобен есть». Разумеется, при такой народно-этимологической трактовке стык двух корневых морфем с наложением двух *-l-* в *c[h]ameleon* выглядит спорно, по-кэрролловски.

Согласно Библии, птицы были созданы на пятый день творения (Быт. 1:21). В словаре 1511 г. содержится подробная характеристика *райских птиц*: «Aves paradisi / volucres sunt sic dicte / non quia de paradiso lint. fed ob <ab?> infligrem pulc<h>ritudinem taliter vocantur Sunt eium tanti decoris. et gl<ori?>ē / vt n<u>llūs eis color de esse creditur Magnitudo eis vt anferum vox ita dulcis et pia / vt in himine excitare possit denocionem et gaudium Raystij ptatzu» [7: с. 564] — «Птицы райские, пернатые суть так нареченные, не потому что из рая были бы, но от приметной красоты так называются. Суть они такового украшения и славы, что никак в существование их расцветки не верится. Размер их как (у) гусей; голос же столь сладок и мил, что в человеке возбуждать может покорность и радость. *Райстии птицы».

В этом описании можно усмотреть полемику с фольклорными представлениями о месте обитания райских птиц, опирающуюся на открытие в то время Новой Гвинеи, где впервые были обнаружены многие виды воробьинообразных. Данные о размерах и качестве пения птиц в словаре в общем точны, хотя и преувеличены.

Пеликан мог быть известен в Чехии, поскольку ареал его обитания на Севере достигает течения Дуная. Однако «словарный» пеликан живет в более экзотическом месте: «*Pellicanus m s est auis egipciaca / habitans in solitudine Nili fluminis. et dicitur q̄i pellem canam habens Pelikan Sfediwek*» [7: с. 572] — «Пеликан (м., 2 скл.), есть птица египетская, обитающая в уединении [у] Нила реки, и называется <так>, как оперение [кожу] серое имеющая. *Пеликан. Шедивек».

Название *Sfediwek* связано с прилагательным *šedý / šedivý* ‘седой’. В описании пеликанов обычно содержится указание на серый цвет. Но сегодня *šedivek* — это народный праздник, лекарственное растение (полынь, *Artemisia pontica*), мухомор серый, а среди орнитонимов встречаются только *vrána šedivka* или *vrána šedá* (*Corvus cornix*), т. е. серая ворона. Словарь латинско-чешско-немецкий 1513 г., что примечательно, не включает слово *šedivek* в качестве синонима ‘пеликана’: «*Pellicanus pellikan pelikan*» [2: с. 11]. Видимо, на фоне регулярных совпадений между двумя словарями следует считать это отсутствие значимым признаком того, что слово *šedivek* было отвергнуто сознательно.

Однако в Вульгате представлено другое наименование пеликана — *onocrotalus* [8]. Есть оно и в словаре 1511 г.: «*Onocrocalus m s est auis longo rostro Nec cum vocē edere voluerit caput in aquas ponit, et sic instar rugitus clamorē (emittit: Морlку hawran k buкаcži podobny*» [7: с. 571] — «Пеликан (*onocrotalus*) (м., 2 скл.) есть птица <с> длинным носом. Сей с криком есть захочет, голову в воды опускает, и так <с> подобным рычанию воплем вынимает. *Морской ворон филину подобный».

Собственно говоря, перед нами грецизм *ὄνοκρόταλος*, который буквально означает ‘ослу’ подобный ‘воплем’. Именно этим объясняется внимание словаря к описанию голоса птицы. На это указывал Д. Скот, обосновывая свою мысль тем, что эта птица Ветхого Завета — в его транслитерации *Kath* (קתל) — это не обязательно пеликан, судя по описанию и месту обитания: «*Onocrotalus, if the etymology be considered, is any bird whose cry is so harsh as to suggest the braying of an ass, whether the bittern, spoonbill, or pelican of the moderns be understood*» [11: с. 138]. *Onocrotalus*, если принять во внимание этимологию, есть любая птица, чей крик настолько груб, что напоминает рев осла, будь то выпь (*Botaurus stellaris*), колпица (*Platalea leucorodia*) или пеликан (*Pelecanus onocrotalus*) в современном понимании. Он опирается на контекст (Пс. 102:7), в котором пеликан выступает как символ одиночества [11: с. 141], на что выше указывает и словарь 1511 г. Здесь в русских переводах закрепилось обобщенное обозначение *птица*, а в греческом исходное *ציפור* [ципор] ‘птица, птичка,

воробей' [1] было переведено как στρουθιον 'воробей' (Пс. 101:8), крик которого до ослиного явно не дотягивает. В Вульгате здесь даже две птицы: «Similis factus sum pellicano solitudinis, factus sum sicut nysticorax in ruinis» (Пс. 102:7) [8] — «Подобен сделался я пеликану одиночества, сделался, как "ночной ворон" (предположительно 'баклан' [5]) в руинах». Таким образом, определить точно библейскую птицу в этих контекстах невозможно, но внимание к ее названиям отразилось в чешском словаре 1511 г.

Иногда составитель славянской части словаря находил лишь приблизительное соответствие латинскому слову. За этими подстановками видится кропотливая работа над письменными свидетельствами, обусловленная стремлением к достоверности в рамках представлений того времени. В отдельных случаях эти соответствия весьма своеобразны, например: *скорпион* (*Scorpio*) в польской части словаря 1533 г. передан как *niedźwiadek* [6: с. 2], т. е. как наименование насекомого, производное от названия медведя (ср. русск. *медведка*), которому в польском соответствует название *niedźwiadek*, но чаще — *turkuć podjadek*.

Порой разные записи одного слова получают сильно различающиеся толкования: «*Phoca uitulus marinus*. Eyn mer kalp. | Morfkue čyele» [6: с. 92] — 'тюлень / морской теленок', а в немецком и польском 'морской теленок'; «*Foca*. Wayßfysch. Wyła rybà» [6: с. 93] — 'тюлень', но в немецком и польском 'белая рыба'. Ср. подобный разброс в толкованиях в более ранних немецких словарях: «*Foca*, f. marina (X vacca? <'корова'>) 30., fota 50., forra 32., forra 34., | phocus 37., eyn zeel-, sel-visch 37. <'рыба парусник / Segelfisch'>, sel, eyn visch <'парусник, рыба'>; focus mer kalff 38. mer-kalb 29. 32. <'морской теленок'>, -kacze 45. <'морской кот'>, -kù 30., -chue 34. <'морская корова'>, -rint, -oss Meg. <'морской телок / телка, бык'>, -kint, -kind 50. <'морской детеныш'>, -chalb, piscis, emfer P.V. <'морской теленок, рыба'> bocas mer-calp, -ochse 40. <'морской теленок, бык'>» [3: с. 178]. Нельзя не заметить, что сложные отношения между ранними славянскими словарями не сводятся к прямому заимствованию, отраженному в чешском словаре 1513 г. «*Foca plotitze weyßfifch*» [2: с. 17]. Немецкая 'белая рыба' соотносится с чешским *plotitze*, совр. *plotice obecná* (*Rutilus rutilus*) 'плотва'. Плотва в десяток раз меньше тюленя и парусника (морской рыбы), но таков был выбор составителя, обусловленный, видимо, тем, что плотва является наиболее типичной разновидностью пресноводной и нехищной 'белой рыбы' (именно так это обозначение надо понимать).

В качестве наименования сельди (для которой в чешском языке использован германизм) взято по отдаленному сходству латинское название рыбного блюда: «*Allec herynk hering*» [2: с. 17], где (*h*)*alec* в классической латыни — некий 'рыбный соус, рассол или рыбный суп, уха' [5].

Чешское название трески в словаре 1513 г. также усвоено из немецкого: «*Strumulus stokwiß stockfifch*» [2: с. 17; 4: с. 527]. Латинское название отмечено в поздней латыни: «strumulus, -i *stockfisch / stockfish: ap. AMERB. I, n° 1, 13» (AMERB. — Die Amerbachkorrespondenz, éd. A. Hartmann, puis B.R. Jenny,

Bâle, en cours de publication depuis 1942; tomes I à IX/2) [6: с. 527, XXXIII]; «*Strumulus, trumbulus 34. stokvisch 34. 37. stocuis 38» (источники нижненемецкие указаны с 1417 г.) [3: с. 351, XIII, XIV].

Вероятно, немецкий язык оказывал решающее влияние на выбор перевода в сложных случаях: «Senta lijn fchleyp» [2: с. 17]. В латинском ‘линь’ — *tinca*, нем. *Schleie*, чешск. *lín*; а лат. *senta* встречается только в поздних источниках: *senta* = *stancius* = *tenca* [3: с. 335, 347, 361].

Можно предположить, что по причине активных культурных связей опыт предшественников учитывался при включении в словарь нового славянского языка. Так, одна ошибка в названии кита позволяет думать, что составитель польского словаря, издававшегося с 1526 г., знал чешский словарь 1513 г., где кит и сом соседствуют: «Rumbus fum stoer | Cetus welryb walfisch» [2: с. 16]. Грецизм *rhombus* — это не ‘сом’ (как в чешском ряду) и не ‘осетр / Stör’ (как в немецком), а ‘камбала или палтус’. Однако соседство названия сома с названием кита (*welryb*, совр. *velryba*) в чешском столбце могло быть причиной их смешения в позднейшем польском словаре: «*Balena, ge. fe. de. i. eyn walfisch. Sum, | Cetus idem, ge. ma. de. ij. | Cete pluraliter idem, ge. ne. indeclinabile*» [6: с. 92]. Вряд ли в воображении польского составителя кит (лат. *balaena* — усатый кит) предстал как (усатый) *som*. При этом кит ниже именуется им же описательно как ‘большая рыба’, последнее находим в немецком и польском описательном обозначении ‘торговца китами’: «*Cetarius. Einer der do groß vifch verkeufft. Maż ktory wyelkye ryby przedaye*» [6: с. 92].

Другой пример вероятного влияния находим в разделе «De serpentibus» (О змеях) того же словаря. Это ряд из двух разных животных: «*Vipera ge. fe. de. i. eyn notter. | Yáfczurkà. | Echidna idem, ge. fe. de. i.*» [6: с. 95], в котором почему-то латинскому и немецкому ‘гадюка / Nauter’ соответствует польское ‘ящерица / jaszczurka’. Ср.: «*Vip-era, -pera adere, eyn worm 38. -pa nauter 32. vespera nater *K. V. ...*» (*K. V.* — Voc. rerum ex officina J. Keller in Augusta a. 1468) [3: с. 382, XXI]. Но и в чешском словаре 1513 г. соседствуют ящерица и гадюка: «*Lacerta gestierka eyder | Vipera gestier gifftnater*» [2: с. 16], гадюке соответствует ‘ящер’ (в чешском ряду) и ‘ядовитая гадюка / Giftnauter’ (в немецком). Опять чешский *ящер* поставлен в ряд с латинской ‘гадюкой’ раньше польской *ящерицы*.

Отметим, что составителю чешской части словаря порой не удавалось найти даже приблизительное соответствие. В кратком словаре 1513 г. обнаруживаем такие условные подмены: «*Triton ktoznitzneumidielati walfergot*» [2: с. 10] — Тритон — <чешск.:> который-ничего-не-умеет-делать (*sic!*) — <нем.:> водный бог; «*Albica duchniekteraky alp*» [Там же] — Эльф — дух-некоторый — эльф; «*Alota ryba nieyaka quappe*» [2: с. 17] — Налим (*Lota lota*) — рыба некая — налим (нем. *Quappe*). Как видим, подмены могут оцениваться как малореалистичные или непонятные (соответствие слова *тритон*), или как неполное толкование, имеющее параллели и в современных словарях (какая-то рыба, какой-то дух).

Таким образом, анализ встречающихся в ранних славянских словарях названий экзотических животных позволяет заключить, что их появление могло быть связано с изучением распространенных библейских сюжетов. Выяснение этих аспектов истории ранней западнославянской лексикографии представляет интерес еще и потому, что ее влияние заметно в русских азбуковниках [9].

Библиографический список

Источники

1. Параллельная русская Библия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.godrules.net/para7> (дата обращения: 06.04.2017).
2. Dictionarius: trium linguaru[m]. latine. teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprime vtilis. Wien: Hieronymus Vietor & Johann Isingriener, 1513. 20 p.
3. *Diefenbach L.* Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis. Frankfurt am Main: J.D. Saueßländer's Verlag, 1867. XXIV. 388 p.
4. Lexique de la prose latine de la Renaissance. Dictionary of Renaissance Latin from prose sources. Leiden; Boston: Brill, 2006. L, 684 p.
5. Lingua Aeterna [Электронный ресурс]. URL: <http://linguaeterna.com> (дата обращения: 06.04.2017).
6. *Murmelius J.* Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum tum pueris tum adultis utilissimus, cum Germanica atque Polonica interpretatione. Cracoviae: Hieronymus Vietor, 1533. 44 + 210 p.
7. *Vodňanský J.* Vocabularium cuius nomen Lactifer. Pilsen: Nicol. Bakalarz, 1511. 589 p.
8. Nova Vulgata [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_vetus-testamentum_lt.html (дата обращения: 06.04.2017).

Литература

9. Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Западнославянская лексика в древнерусских азбуковниках // Двужычие и взаимовлияние языков. Чебоксары: [Б.и.], 1990. С. 59–64.
10. Чупрына О.Г. Дискурсивные особенности английского средневекового медицинского трактата // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4 (24). С. 57–66.
11. *Scot D.* On the *Kath* of the Ancient Hebrews, considered as the Pelican of the Moderns // The Magazine of Natural History and Journal of Zoology, Botany, Mineralogy, Geology, and Meteorology. V. 2. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, Paternoster-Row, 1829. P. 137–142.

References

Istochniki

1. Parallel'naya russkaya Bibliya [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.godrules.net/para7> (data obrashheniya: 06.04.2017).
2. Dictionarius: trium linguaru[m]. latine. teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprime vtilis. Wien: Hieronymus Vietor & Johann Isingriener, 1513. 20 p.

3. *Diefenbach L.* Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis. Frankfurt am Main: J.D. Saueßländer's Verlag, 1867. XXIV, 388 p.
4. *Lexique de la prose latine de la Renaissance. Dictionary of Renaissance Latin from prose sources.* Leiden; Boston: Brill, 2006. L, 684 p.
5. *Lingua Aeterna* [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://linguaeterna.com> (data obrashheniya: 06.04.2017).
6. *Murmelius J.* Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum tum pueris tum adultis utilissimus, cum Germanica atque Polonica interpretatione. Cracoviae: Hieronimus Vietor, 1533. 44 + 210 p.
7. *Vodňanský J.* Vocabularium cuius nomen Lactifer. Pilsen: Nicol. Bakalarz, 1511. 589 p.
8. *Vulgata* [E'lektronny'j resurs]. URL: http://w2.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_vetus-testamentum_lt.html (data obrashheniya: 06.04.2017).

Literatura

9. *D'yachok M.T., Shapoval V.V.* Zapadnoslavyanskaya leksika v drevnerusskix azbukovnikax // Dvuyazy'chie i vzaimovliyanie yazy'kov. Cheboksary': [B. i.], 1990. S. 59–64.
10. *Chupry'na O.G.* Diskursivny'e osobennosti anglijskogo srednevekovogo medicinskogo traktata // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4 (24). S. 57–66.
11. *Scot D.* On the Kath of the Ancient Hebrews, considered as the Pelican of the Moderns // The Magazine of Natural History and Journal of Zoology, Botany, Mineralogy, Geology, and Meteorology. V. 2. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, Paternoster-Row, 1829. P. 137–142.

V.V. Shapoval

On the Names of Animals in Early Slavic Dictionaries

The Latin-Czech dictionary of 1511 is the first one, where Czech words were regularly used as an auxiliary part of the word-definitions. The 1st (alphabetic) book and a number of other sections of this dictionary give Latin terms for animals, birds, fishes, etc. Like in other early Slavic dictionaries, some of these words are exotic and (or) fantastic. It's worthy of note that these nominations do not concern living creatures inhabiting Europe. One might suppose they are taken from the Bible and other texts used for learning purposes in that time.

Keywords: early Slavic dictionaries; animals; Bible.

Н.М. Девятова

Сравнение и (или) приложение: к проблеме синкретичных синтаксических конструкций

Статья посвящена проблеме синтаксических конструкций с союзом КАК. Автор поднимает вопрос о структурной и содержательной близости приложений и сравнительных оборотов, выявляет зону их синкретичности и условия реализации разных значений. Синкретичными признаются единицы — обороты с существительными с союзом КАК, входящие в предложение с глаголом модусного значения. Приложение в таком контексте содержит потенциальную возможность быть развернутым в сравнительную конструкцию. В статье решается вопрос о месте таких единиц в системе русского сравнения.

Ключевые слова: приложение; эталонное сравнение; синкретичная конструкция; диктум; модус; авторизующий глагол.

Интерес к разнообразным синтаксическим конструкциям с союзом КАК обусловлен разными причинами, прежде всего проблемой их пунктуационного оформления. Это касается как приложений и близких к ним по значению оборотов со значением «в качестве», так и ряда сравнительных оборотов. О проблеме их пунктуационного оформления и тонких смысловых различиях конструкций мы писали ранее [5].

Обращает на себя внимание прежде всего их внешнее сходство, за которым можно усмотреть некоторую содержательную близость. Поэтому актуальной представляется проблема границ на этом участке языковой системы, где проходит грань между приложением и сравнением, выявление синкретичных конструкций, в которых можно видеть признаки обеих конструкций — и приложения, и сравнения.

Приложения и обороты со значением «в качестве» называют значимый признак лица или предмета. Поскольку это единицы одного компонентного состава, их часто считают синонимическими. Мы полагаем, что приложения и обороты со значением «в качестве» — это одна единица в разных позициях употребления. Такая единица, по нашему мнению, имеет значение таксономической характеристики. Мы обращали внимание и на то, что некоторые из оборотов могут быть развернуты в сравнительную конструкцию, т. е. наряду со значением таксономической характеристики потенциально содержать в себе и значение сравнительное. Вспомним хрестоматийный пример: *Богат, хорош собою, Ленский везде был принят как жених* (А.С. Пушкин). Ср.: *Ленский — жених* — существительное называет признак лица и выражает значение таксономической характеристики. Оборот можно развернуть в придаточное, и это придаточное

можно квалифицировать как сравнение: *Ленский был принят (так), как принимают женихов*. Возможность преобразования в сравнительное придаточное объясняется компонентным составом исходного предложения. Встает вопрос, какие единицы допускают подобную трансформацию, чем различаются исходное и преобразованное предложение.

Поднимая вопрос о типологии реального сравнения в русском языке, мы выделяли три типа сравнения: образное, логическое, эталонное [4]. В образном сравнении сопоставляются объекты, принадлежащие к разным онтологическим классам. Эталон сравнения обычно имеет обобщенную референцию. В логическом сравнении [7] сопоставляются объекты одного класса, характеризующиеся одинаковой референцией. В эталонном сравнении объект соотносится с классом, эталон сравнения имеет обобщенную референцию.

Трансформированную конструкцию — полученное придаточное сравнительное — следует отнести к эталонному сравнению, в котором действие лица сравнивается с нормой его обычного осуществления, а объект сравнения с классом. Можно заметить, что единица *как жених* является оборотом «в качестве», поскольку относится к сказуемому и зависит от него. Вместе с тем предложение содержит потенциальную возможность выражать сравнение. Такие конструкции мы будем считать синкретичными. В настоящей статье речь пойдет о двух типах синтаксических конструкций, в отношении которых возникает вопрос о принадлежности их к приложению или сравнению. Это 1) предложения типа *Богат, хорош собою, Ленский везде был принят как жених*, которые мы склонны квалифицировать как синкретичные конструкции; 2) предложения, выражающие эталонное сравнение, прототипом которого мы считаем сравнение *как человек..., как все*. Например: *Разве, милая, тебя люблю я, как человек человека?* (З. Гиппиус) — как любит человек человека.

Анализ приложений с союзом КАК на фоне сравнительных конструкций позволит выявить их отличительные признаки, установить границы «синкретичной» зоны, показать условия реализации разных значений.

Приложение как явление языка составляет привычный объект лингвистики [1; 9–11], тогда как проблема отношения приложения и сравнения в лингвистике не поднималась.

Анализ приложений и оборотов со значением «в качестве» позволяет говорить, что не все они допускают преобразование в сравнительную конструкцию. Например: *Князь Андрей вскоре после приезда своего, как камергер, явился ко двору и на выход* (Л.Н. Толстой) — явился как камергер, но не как является камергер. Предложение не содержит указания на норму осуществления действия.

Необходимо выяснить, когда перед нами только приложение (или оборот со значением «в качестве»), когда приложение способно выражать и сравнительные отношения, когда единица выражает только сравнение. Проблема отдельных сравнительных конструкций и предложений с составным сказуемым

рассматривалась в монографии Н.А Герасименко [3], подробный анализ которой дается в нашей работе [6].

Примеры первого типа отличаются тем, что сказуемое (глагол) помимо диктумного смысла (обозначения события — Ленского принимали в разных домах), содержит и модусный смысл (выражает определенную точку зрения, в частности, тех, кто считал Ленского женихом, принимал за жениха). Глаголы, выражающие точку зрения говорящего, называются авторизирующими глаголами: *считать(-ся)*, *называть(-ся)*, *представлять(-ся)* и т. п.

И приложения, и обороты со значением «в качестве» входят в предложение, осложняя его дополнительным предикативным значением. Они называют значимый признак лица или предмета. Как отмечает Н.С. Валгина, приложения дают другое название предмету. Автор отмечает богатую палитру значений, выражаемых приложением: «Приложения могут характеризовать предмет в отношении возраста, родства, профессии, специальности, рода занятий, национальной и социальной принадлежности..., могут служить обозначением качества, свойства определяемого предмета» [2: с. 36]. Приложение с союзом КАК передает и дополнительное обстоятельственное значение. Следовательно, сказуемое основного предложения и приложение находятся в причинно-следственных отношениях по отношению друг к другу (о разных типах причинно-следственных отношений см.: [12]). Например:

Женя думала, что я, как художник, знаю очень многое и могу верно угадывать то, чего не знаю (А.П. Чехов).

Ср.: *знаю очень многое, потому что я художник*. Обстоятельственные отношения можно видеть и между сказуемым и оборотом «в качестве». Ср.: *Я знаю очень многое как художник*.

Приведем некоторые примеры приложений, извлеченные из нашего текстового материала: *как артиллерист, как домашний человек, как лицо высокопоставленное, как честный человек, как камергер, как сын своего отца, как слабые и ничтожные люди, как любимый ученик, как жена главного управляющего, как женщина, как опытный охотник, как полковой командир* и др.

А.Ф. Прияткина значение приложений определяет как «чистое значение функции и значение сущности» [8: с. 15]. Комплекс названных значений, как отмечает автор, лучше всего передает слово *будучи*. А.Ф. Прияткина приводит и перечень глаголов, в соединении с которыми способны употребляться приложения с союзом КАК.

Поскольку граница между приложением и сравнением охватывает зону эталонного сравнения, назовем «типичную» конструкцию такого сравнения. Это сравнения, организованные гипонимом «человек». Слово *человек* обычно выступает в распространенном обороте: *как человек опытный, как человек образованный, как человек степенный* и т. п. Например: *В Берлине студенты одеваются, как все люди* (И.С. Тургенев); *Я приехал к вам как благородный человек к благородному человеку, — повторил Рудин* (И.С. Тургенев).

Наличие дополнительного сравнительного значения мы проверяем, преобразуя оборот в сравнительное придаточное. Сам сравнительный оборот мы рассматриваем как неполное придаточное предложение.

Способность оборотов со словом *человек* выражать эталонное сравнение мы объясняем их семантикой — способностью выражать два смысла: 1) *быть* и 2) *вести себя как...* Классическое приложение выражает смысл *быть* и не выражает смысла *вести себя как*.

Эталонное сравнение выражает и преобразованная конструкция *Ленский был принят так, как принимают женихов*.

Сравнительный смысл аккумулируется в конструкциях с определенными глаголами. Это глаголы, выражающие модусную семантику — отражающие точку зрения говорящего. Ср.: *Она и все семейство Ростовых приняли князя Андрея как старого друга, просто и радушно* (Л.Н. Толстой). Приложение в контексте таких глаголов выражают два смысла: диктумный — *князь Андрей — старый друг; Его приняли, как принимают старого друга*. Глагол *принять* включает и модусный смысл — *приняли, поскольку считали его старым другом*. Или: *На Марию Дмитриевну, хотя и боялись ее, смотрели как на шутиху* (Л.Н. Толстой); *Мария Дмитриевна — шутиха (ее считали шутихой, воспринимали ее как шутиху)*. Ср.: *как смотрят на шутиху*.

Другие единицы не допускают преобразования в сравнительное придаточное. Это связано с семантикой глагола, с которым вступает в связь существительное. Например:

А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей (Н.В. Гоголь).

Глагол *позаботиться* не имеет модусного смысла — точки зрения говорящего, а передает только объективный — диктумный смысл. Здесь выражается только значение таксономической характеристики: *Лука Лукич — смотритель учебных заведений*. Приписывая предикативный признак лицу, существительное приобретает признак «определенности» и мыслится как известное.

В следующем примере выражается еще более «определенное» значение, поскольку приложение приписывает единственный, уникальный признак. Поэтому мы находим здесь значение «в качестве» и не находим сравнительного значения. Ср.: *И сам Иоанн, которому Иуда оказывал теперь глубокое почтение как любимому ученику Иисуса и своему заступнику в случае с тремя динариями, стал относиться к нему несколько мягче и даже иногда вступал в беседу* (Л. Андреев).

Невозможность преобразования в сравнительную конструкцию объясняется не семантикой глагола — глагол допускает толкование его как глагола авторизующего: *оказывать глубокое почтение* (потому что считали любимым учеником Иисуса). Препятствие связано с референтным значением именной группы *любимый ученик Иисуса*. Синкретичные конструкции имеют иные референтные показатели. Нельзя считать их конкретно-референтными,

вместе с тем мы не склонны видеть здесь и значение обобщенной референции. Предикат (*Лука Лукич — смотритель учебных заведений; Мария Дмитриевна — шутиха*) соотнесен с конкретным именем и этим как бы уже выделен из класса. При следующем употреблении имени приложение может стоять перед ним: *смотритель учебных заведений Лука Лукич; шутиха Мария Дмитриевна* и др. Между тем в эталонном сравнении мы будем говорить об обобщенной референции и включенности объекта в состав класса. Ср.: *как любит человек человека* и др. Например:

Александру, как всякому творцу, необходимо было поощрение. Он расцвел от Лениного смеха, от ее сияющих глаз. (В. Токарева). Ср.: как необходимо поощрение всякому творцу. Как всякому творцу — эталонное сравнение; здесь лицо сравнивается с классом — классом творцов. Здесь нет значения таксономической характеристики. Ср.: **Александр — всякий творец*, **всякий творец Александр*, но *Александр — один из творцов*.

Эталонное сравнение имеем и в следующем примере: *Князь Андрей, как все люди, выросшие в свете, любил встречать в свете то, что не имело на себе общего светского отпечатка* (пример из работы А.П. Вьяльсовой). Мы не считаем такие конструкции синкретичными. Они выражают эталонное сравнение и не выражают значение таксономической характеристики, при которой предикативный признак, названный существительным, приписывается индивидуализированному субъекту. В зоне синкретичных конструкций остаются примеры с глаголами модусной семантики *приняли, смотрели, оказывали почтение* и т. п. Они выражают смысл «считать кого-то кем-то». В таких предложениях выражается и значение таксономической характеристики, потенциально они содержат и сравнительное значение, поскольку такие обороты могут быть развернуты в сравнительное придаточное. Остается вопрос, в какой пропорции соотносятся эти значения. При каких условиях проявляется сравнительное значение? Можно ли считать такие единицы вариантами одной синтаксической конструкции или это разные единицы?

Мы полагаем, что значение таксономической характеристики и сравнительное значение, возникающее в контексте модусных глаголов, — это значения неравноценные. Основное значение, выражаемое этими конструкциями, — это значение таксономической характеристики: *Князь Андрей — старый друг; князь Андрей — камергер* и др. Сравнительный смысл — это потенциальное значение, имплицитный смысл. Этот смысл реализуется при развертывании оборота в сравнительное придаточное. Что меняется в значении конструкции при развертывании приложения в сравнительное придаточное? Если посмотреть на строение типичной сравнительной конструкции и конструкции, представляющей результат преобразования оборота «в качестве» в придаточное, то можно заметить различия в строении таких придаточных.

В типичной сравнительной конструкции при преобразовании субстантивного оборота в придаточное существительное занимает позицию подлежащего

субъекта. Например: *Строен и бел, как березка, их внук* (С. Есенин). — Ср.: *как стройна и бела березка* (образное сравнение).

В отличие от типичного сравнения, в синкретичных единицах существительное занимает другую позицию. Ср.: *Она и все семейство Ростовых приняли князя Андрея как старого друга, просто и радушно* (Л.Н. Толстой) — *как принимают старого друга*. В развернутой конструкции существительное заняло позицию дополнения. Дополнение имеет значение обобщенной референции — как принимают старого друга (старых друзей).

Проблема границ приложения и сравнения касается и оборотов *как человек*. Например: *Расставание ваше было тяжелым. Тому, чем ты его попрекала, я, как человек опытный, не удивляюсь*. (М. Метлицкая);

А то, что он добр и исцеляет больных, это так уж ничего не стоит, по-вашему? Нет, вы скажите как честный человек! (Л. Андреев).

Различение оборотов *как человек*, являющихся приложениями и эталонным сравнением, мы связываем с проблемой определенности номинации. В приложениях мы будем говорить о значении определенности. Ср.: как старого друга — это старый друг, старый друг князь Андрей. Конструкции эталонного сравнения не допускают такого прочтения. **Всякий творец Александр*.

Следующий пример допускает разное прочтение: *Графиня***, конечно, не имела злой души; но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему* (П.).

Существительное может быть прочитано в обобщенном значении — как любая женщина..., либо в более конкретном — графиня — женщина, избалованная светом; эта избалованная светом женщина. Более вероятным оказывается вариант прочтения как приложения. Эталонное сравнение — второй пример, встречающийся в этом же предложении, — *как и все люди*.

Конфликт может разрешаться контекстом. Так, в следующем примере единственный вариант прочтения оборота как эталонного сравнения задает распространение оборота: Например:

Ежели бы она [Элен] стала скрывать свои поступки, вытупываться хитростью из неловкого положения, она бы этим самым испортила свое дело, сознав себя виноватою; но Элен, напротив, сразу, как истинно великий человек, который может все то, что хочет, поставила себя в положение правоты, в которую она искренно верила, а всех других в положение виноватости (Л. Толстой).

Таким образом, внешне похожие конструкции — приложение и эталонное сравнение — представляют разные типы единиц. Синкретичными мы считаем только те конструкции с приложением, которые включают в себя глагол модусного значения. Такое контекстное окружение создает условия для актуализации сравнительных отношений. Такие отношения реализуются при преобразовании оборота в сравнительное придаточное. При этом основным в таких конструкциях является значение таксономической характеристики; сравнительным — значение вторичное, имплицитное.

Библиографический список

Литература

1. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. II. 4-е изд. Киев: Радяньська школа, 1953. 436 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Учебник Агар, 2000. 416 с.
3. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: МГОУ, 2012. 292 с.
4. Девятова Н.М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: 2012. 49 с.
5. Девятова Н.М. Знаки препинания перед союзом КАК // Русский язык в школе. 2002. № 5. С. 83–86.
6. Девятова Н.М. Рецензия на монографию Н.А. Герасименко «Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование» (М.: МГОУ, 2012. 292 с.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 134–137.
7. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: ЛГУ, 1978. 159 с.
8. Прияткина А.Ф. Союз «как» в значении «в качестве». Дальневосточный ГУ, 1975. 199 с.
9. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 400 с.
10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2001. 624 с.
11. Широкова Н.А. Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1960. 155 с.
12. Ярыгина Е.С. Еще раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 52–62.

References

Literatura

1. Bulaxovskij L.A. Kurs russkogo literaturnogo yazy'ka. T. II. 4 izd. Kiev: Radyans'ka shkola, 1953. 436 p.
2. Valgina N.S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazy'ka. M.: Uchebnik Agar, 2000. 416 p.
3. Gerasimenko N.A. Bisubstantivny'e predlozheniya v russkom yazy'ke: struktura, semantika, funkcionirovanie. M.: MGOU, 2012. 292 s.
4. Devyatova N.M. Diktumno-modusnaya organisaciya sravnitel'ny'x konstrukcij v russkom iazy'ke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M.: 2012. 49 s.
5. Devyatova N.M. Znaki prepiniya pered soyuzom KAK // Russkij yazy'k v shkole. 2002. № 5. S. 83–86.
6. Devyatova N.M. Recenziya na monografiyu N.A. Gerasimenko «Bisubstantivny'e predlozheniya v russkom yazy'ke: struktura, semantika, funkcionirovanie» (M.: MGOU, 2012. 292 s.) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 134–137.

7. *Ogol'cev V.M.* Ustoichivy'e sravneniya v sisteme russkoj frazeologii. L.: LGU, 1978. 159 s.
8. *Priyatkina A.F.* Soyuz «kak» v znachenii «v kachestve». Dal'nevostochny'j GU, 1975. 199 s.
9. *Shapiro A.B.* Osnovy' russkoj punktuacii. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 400 s.
10. *Shaxmatov A.A.* Sintaksis russkogo iazy'ka. 3-e izd. M.: Editorial URSS, 2001. 624 s.
11. *Shirokova N.A.* Tipy' sintaksicheskix konstrukcij s sravnitel'ny'm soyuzom v sostave prostogo predlozheniya. Kazan': Izd-vo KGU, 1960. 155 s.
12. *Yary'gina E.S.* Eshhyo raz o «kommunikativnom podxode» k slozhnomu predlozheniyu (k voprosu o vozmozhnostyax lingvisticheskogo e'ksperimenta // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 52–62.

N.M. Devyatova

**Comparison and (or) Application:
on the Issue of Syncretic Syntactic Constructions**

The article deals with the issue of syntactic constructions with the conjunction «КАК» (AS / LIKE), raises the question of the structure and content proximity of appositions and comparative units and reveals the zone of their syncretism and the conditions for realization of different meanings. Phrases with nouns and the conjunction "КАК" (in both meanings of AS and LIKE) making part of the sentence with the verb of modus value are recognized as syncretic units. The apposition in such context contains a potential to be deployed in a comparative construction. The article examines the question of the place of such units in the system of Russian comparison.

Keywords: apposition; reference comparison; syncretic construction; dictum; modus; authorizing verb.

А.Е. Гусева,
Т.В. Первак

Типы модификаций фразеологизмов как следствие языковой игры в теледискурсе (на материале мокьюментари «Штромберг»)

Авторы статьи исследуют сложную проблему модификации фразеологизмов как одного из видов языковой игры. Рассматривают основные приемы модификаций фразеологизмов, использованные в немецком комедийном телесериале «Штромберг», приводят их классификацию по структурно-семантическому признаку. Оценивают количественное соотношение фразеологизмов, относящихся к каждому из приемов, что позволяет обнаружить особенности их функционирования в современном немецком языке.

Ключевые слова: языковая игра; модификация фразеологизмов; формально-семантическая классификация; фразеологический эллипсис; двойная актуализация.

Основная цель любого комедийного сериала состоит в привлечении зрителя к экранам телевизора на длительный период и сохранении его интереса к фильму эпизод за эпизодом. Одним из средств достижения этой цели является живой язык персонажей с использованием большого количества неординарных шуток. В данной статье анализируется такой сложный прием языковой игры, как модификация фразеологизмов.

В качестве объекта исследования выбрана речь персонажей немецкого комедийного телесериала «Штромберг», снятого в жанре мокьюментари. В научной литературе *мокьюментари* определяется как кинематографический или телевизионный жанр, представляющий выдуманные истории как запись событий реальной жизни. Это своеобразный призыв зрителей к игре [12: р. 49]. При этом фразеологизмы обладают неисчерпаемым ресурсом для реализации этой игры. Актуальность статьи обусловлена неизменным интересом лингвистов к выражению комического посредством модификации фразеологизмов, а также недостаточной изученностью этого языкового явления в области теледискурса [5, 10].

Окказиональное употребление фразеологизмов или их модификация определяется как прием, состоящий в изменении структуры и (или) семантики фразеологизмов в целях усиления выразительности, а также для достижения определенного стилистического эффекта, чаще всего — комического [13: с. 188].

В телесериале «Штромберг» модификация фразеологизмов — один из основных способов создания *языковой игры*. Согласно В.З. Санникову,

под языковой игрой понимается некоторая языковая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим, и именно так понимаемая слушающим [10: с. 23]. В качестве обязательных элементов языковой игры выделяются аномальность (отступление от языковой нормы) и адресованность (нацеленность на адресата).

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов, в частности А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и Г. Бургера [4, 11]. Так, Г. Бургер предлагает следующую классификацию фразеологических модификаций, включающую в себя три типа:

I. Формальная модификация без изменения семантики фразеологизма, включающая в себя только структурные изменения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

II. Формально-семантическая модификация, приводящая к изменению семантики фразеологизма и актуализации свободного значения словосочетания.

III. Семантическая модификация без формальных изменений, при которой наблюдается «столкновение» буквального и актуального значений [11: с. 159].

В рамках данной статьи ставится цель проследить и проанализировать реализацию вышеуказанных типов модификации фразеологизмов для создания комического эффекта.

I. К первому типу модификаций, т. е. формальной модификации, без изменения семантики, по Г. Бургеру, практический материал исследования позволяет отнести следующие приемы модификаций фразеологизмов: фразеологический эллипсис, расширение состава фразеологизма, образование композитов, грамматические модификации.

1. *Фразеологический эллипсис* встречается в I и II типах модификаций и характеризуется опущением одного или нескольких компонентов с различными целями, например, придать речи лаконизм или живость при сохранении смысла фразеологизма. А.В. Кунин отмечает, что «редуцированные знаменательные компоненты хотя и опущены, но при окказиональном употреблении настолько семантически весомы, что без их воспроизведения в сознании слушающего понимание редуцированной фразеологической единицы невозможно. Таким образом, редуцированные компоненты — это значащее отсутствие. Оно реализуется в контексте и вызывается не избыточностью, а стилистически маркированной экономией языковых средств, выполняющей определенное коммуникативное задание» [7: с. 105]. Зрители оказываются вовлеченными в языковую игру, в процессе которой им нужно выполнить это задание и восстановить в памяти исходный фразеологизм, например:

Wenn Sie so schlau sind, dann ... Sie müssen man den Wirsing einschalten, bevor Sie mir so eine Scheiße vor die Nase halten! Ich hab hier weiß Gott anderes zu tun, als mit Ihnen hier Maulaffen zu ... äh ... [2: S. 12].

Не вспомнив глагола *feilhalten* во фразеологизме *Maulaffen feilhalten* / *глазеть*, Штрюмберг выхватывает из рук договор и бьет им сотрудирика по голове.

Фразеологический эллипсис несет дополнительный эмоционально-экспрессивный заряд и нередко позволяет завуалировать стилистически сниженные выражения, которые постоянно срываются с языка у Штромберга, например:

Na, Tanja, alles wieder fit im ... Aso, ich meine, geht's wieder? [1: S. 20].

Штромберг обрывается на вопросе *Alles fit im Schritt?* / (фам.) *все в порядке?*, так как *der Schritt* / шаг обозначает еще и интимную часть тела и в обращении к женщине звучит непристойно.

Приведем пример, в котором восстановление исходного состава фразеологизма *jmdm. brennt die Sicherung durch* / *терять контроль над собой* является инструментом декодирования языковой игры, в обратном случае возникает недопонимание всего диалога:

Stromberg: *Ah, Herr Friebe, ganz kurz ... Also, wegen gestern, da muss ich mich ... also, da ist mir kurzfristig die Sicherung ... Sie kennen das ja sicher ...*

Friebe: *Ehrlich gesagt, nein* [1: S. 163].

2. *Расширение состава фразеологизма* затрагивает как лексический состав, так и синтаксис идиомы. В состав фразеологизма вводится определение, выраженное прилагательным или причастием, относительным придаточным предложением, или генитивный атрибут [4: с. 485], например:

Freunde sind ja das Salz in der Suppe des Lebens, das ist ja ganz wichtig! Ich sag mal so: Frauen sind wie Zahnbürsten, nützlich, wichtig, und so weiter, aber man sollte ein und dieselbe nicht zu lange haben. Freunde dagegen, das ist ja was fürs Leben... [2: S. 179].

Ввод определения в родительном падеже в состав фразеологизма *das Salz in der Suppe* / *самое интересное* не изменяет семантику, но помогает уйти от стереотипного высказывания и создает яркий неожиданный образ.

3. *Образование композитов* в составе фразеологизма дает возможность «поиграть» как с формой лексической единицы, так и с ее содержанием за счет употребления в необычном контексте, например:

< ... > und nur weil so ,n «junger» Herr Becker, so ,n Bäckerjunge ... nur weil der hier seine Milchzähne fletscht, lass ich mir ja keine Schwachheiten ... äh ... noch bin ich ja voll da ... wie gesagt ... [2: S. 31].

Языковая игра заключается в семантической несовместимости композита *Milchzähne* с фразеологизмом *Zähne fletschen* / *скалить зубы*, а использование в этом же примере омофонов *so 'n «junger» Herr Becker* и *so 'n Bäckerjunge* свидетельствует о творческом подходе сценаристов к применению языкового арсенала.

4. *Грамматические модификации* фразеологизмов в сериале «Штромберг» представлены изменением числа существительного, залога, изменением/отсутствием артикля:

Na ja, bei mir in der Abteilung sind ,n paar alte Semester, die haben natürlich Schiss vor so ,nem Test [2: S. 77].

Изменение числа существительного и степени сравнения прилагательного во фразеологизме *ein älteres Semester sein* / *уже немолодой, в годах* повышает экспрессивность выражения.

II. Формально-семантическая модификация представлена такими приемами, как лексическая замена, расширение состава фразеологизма, свободное употребление отдельных компонентов фразеологизма, фразеологизм как средство связи текста, контаминация, фразеологический эллипсис, нагромождение идиом, метаязыковой комментарий. Важно отметить, что в отличие от формальной модификации, в данном типе модификации изменение структуры фразеологизма приводит к актуализации свободного значения всего фразеологизма или его отдельных компонентов [8].

1. *Лексическая замена* одного из компонентов фразеологизма является одним из самых продуктивных способов создания языковой игры в «Штромберге». Такой игровой прием позволяет создавать тексты, которые станут источником удовольствия для реципиента. Обыгранные цитаты требуют от зрителей некоторой интеллектуальной активности, а такого рода вынужденная дешифровка текста способна доставить интеллектуальное удовольствие [6: с. 37], например:

Mein lieber Mann, die Neuen ... wie die Osis: kommen rüber, haben keine Ahnung und fragen einen ,n Loch in ,n Kopf ... [2: S. 11].

Зрители, воспринимают модификацию фразеологизма *jmdm. ein Loch in den Bauch fragen (salopp) / замучить кого-л. (своими) расспросами* как игровую в процессе ее соотнесения с закрепленной в языке формой и семантикой.

2. *Расширение состава фразеологизма* используется для повышения экспрессивности речи, для расстановки нужных смысловых акцентов, например: *Ah, hier, die kleine Buhrer, Buchhaltung, die hat's auch faustdick ... in der Bluse und hinter ,n Ohren ... [2: S. 142].*

Языковая игра построена на использовании несинонимичных выражений *in der Bluse* и *hinter ,n Ohren* в качестве таковых во фразеологизме *es [faust] dick hinter den Ohren haben (ugs.) / быть пройдохой*. Путем намеков Штромберг пытается рассказать всему отделу, как он провел вечер с Сабиной Бурер. Изменение непосредственного окружения идиомы приводит к актуализации буквального значения.

Подобные модификации наблюдаются при использовании сложных наречий:

Wenn ich denen da oben nach ,n paar Wochen sage «der Becker, der ist ja noch klatschnass hinter den Ohren», dann ist der aber ratzfatz wieder weg ... Wieso kopiert der den Scheiß denn nicht [2: S. 29]?

Фразеологизм допускает различные вариации, например, *noch feucht / nass / nicht trocken / hinter den Ohren sein (ugs.) / быть неопытным*, использование же наречия *klatschnass / промокший насквозь, до нитки* повышает экспрессивность выражения.

Частым приемом является расширение фразеологизма с помощью ввода атрибутивного определения, например:

Wenn ich eins hasse, dann ist das dieses aufgeblasene Getue ... «Ich war in Zürich und Brüssel und blabla» ... Ich war auch schon mal in Brüssel ... ,n Wochenende, und die kochen auch nur mit ganz lauwarmem Wasser ... [2: S. 35].

Фразеологизм *auch nur mit Wasser kochen* (ugs.) / *быть не лучше, чем другие* используется в сериале дважды: *Sie gehen zur Helios, hab ich gehört? Da war ich auch vorher ... Die kochen da auch nur mit ganz lauwarmem Wasser* [2: S. 277].

3. Свободное употребление отдельных компонентов фразеологизма основано на разложении его структуры и употреблении в новых несвойственных синтаксических связях, как правило, с введением придаточного предложения, например:

Wir müssen das blinde Huhn an die Hand nehmen und ihm zeigen, wo das Korn hängt. Und darum geht es... und nicht nur bei Behinderten. Ne, es geht hier um Minderheiten aller Art: um normale Leute, um Ausländer; um...alles Mögliche [3: 0:03:16].

Пример строится на обыгрывании пословицы *Ein blindes Huhn findet auch ein Korn.* / *Бывает, что и дурак метким словом обмолвится* и фразеологизма *jmdn. an die Hand nehmen* / *ответить за руку*. Очевидно, что абсурдность высказывания и создает комический эффект.

4. Фразеологизм как средство связи текста характеризуется применением его отдельных компонентов на протяжении всей реплики, как в составе фразеологизма, так и отдельно, например:

Wenn du im Sumpf steckst, musst du dich an den eigenen Haaren da wieder rausziehen ... Beziehungsweise, kannst du dich auch an den Haaren von anderen ... also ... es geht ja nicht um die Haare, sondern dass du aus dem scheiß Sumpf wieder rauskommst, das ist wichtig. Von mir aus auch im Jeep oder was, nur raus aus dem Sumpf ... Darum geht's! [2: S. 296].

Фразеологизм *sich an den eigenen Haaren aus dem Sumpf ziehen* / *самостоятельно выпутаться из затруднительной ситуации* является в данном примере текстоструктурирующим средством. Языковая игра достигается не только переосмыслением фразеологизма, но и обыгрыванием ситуации его употребления.

5. Контаминация объединяет в ходе речевого общения структурные элементы (части) двух языковых единиц на базе их внешнего сходства, функциональной и смысловой близости, например:

Büro ist wie unter lauter Haien zu schwimmen, da brauchst du nur leichtes Nasenbluten zu kriegen, dann ist sofort Feierabend ... die warten doch alle nur darauf, dass sie dich ... Da kannst du jahrelang hier die Kuh sein, die den Karren vom Eis ... sobald du auch nur einmal bockst, sobald du nur ein einziges Mal einbrichst im Eis, da sind die Haie gleich da. Ja, aber so ist das [2: S. 261].

Контаминация фразеологизмов *die Kuh vom Eis bringen* / *разрешить трудную проблему* и *an einem schweren Karren ziehen* / *тянуть лямку* приводит к появлению буквального значения «быть коровой, тянущей лямку».

6. Фразеологический эллипсис интенсифицирует отдельные элементы смысла, например:

Ich hab mir das g'rad noch mal ... was Sie gesagt haben, mit dem teamfähig und dem seidenen Faden und so weiter ... [2: S. 251].

Штромберг, понимая зыбкость своего положения в компании, пытается уладить ситуацию и произносит слова, сказанные ранее его начальником

Бекером. Контекстуальное окружение фразеологизма *an einem dünnen [seidenen] Faden hängen* / висеть на волоске в усеченной форме приводит к актуализации свободного значения.

7. Нагромождение идиом характеризуется сочетанием нескольких фразеологизмов в одном контексте, например:

Das ist alles ... Klar hab ich Fehler gemacht! Auf jeden Fall, nur, die sitzen da oben doch alle in ganz, ganz glasigen Glashäusern, ja, aber die ganze Zeit mit solchen Steinen nach mir schmeißen! Ich meine, die können sich alle, alle, wie sie da sind, können die sich mal an die eigene Nase ... und da ist einiges an Nase da, bei etlichen ... [1: S. 232].

Данный пример представляется особенно интересным, поскольку, наряду с нагромождением фразеологизмов (*wer im Glashaus sitzt, soll nicht mit Steinen werfen* / Других не суди, на себя погляди, *sich an die eigene Nase fassen* / оглянуться на себя), в нем совмещены такие приемы модификации, как ввод атрибутивного определения, эллипсис и аллитерация.

8. Метаязыковые комментарии возникают, когда говорящий осознает метафорический, переносный смысл используемого им выражения и подчеркивает это понимание с помощью определенных языковых средств, например:

Der kommt nicht rein und sagt guten Tag, sondern der springt mir durch den Sitzplan praktisch sofort mit dem nackten Arsch ins Gesicht [2: S. 27].

Штромберг сокрушается на своего начальника и прибегает к сниженному фразеологизму *jmdm mit dem [nackten] Arsch ins Gesicht springen* / накинуться на кого-либо в сопровождении метаязыкового комментария *praktisch* / практически.

III. Семантическая модификация без формальных изменений или прием двойной актуализации значения [4] заключается в одновременном контекстуально обусловленном соположении двух семантических планов фразеологизма, как правило, в целях создания языковой игры, например:

Einige wollten sich, was weiß ich, beim Tag der offenen Tür hier dann irgendwie an die offene Tür ketten und so weiter; da hab ich gesagt, nee, komm, lieb gemeint, aber das ist ja auch Quatsch, nur, das zeigt, dass die Abteilung mich auf der menschlichen Ebene ... [2: S. 299].

Синонимичное использование в предложении одного и того же компонента *offene Tür* и в составе свободного словосочетания, и в составе фразеологизма *Tag der offenen Tür* / день открытых дверей вызывает ироническое звучание.

Метафора, заложенная в контексте, может прочитываться буквально, например:

Im Büro wäscht ja nicht nur eine Hand die andere, sondern da waschen sich komplette Kollegen gegenseitig, im Idealfall ... [2: S. 189].

При повторном воспроизведении глагола *sich waschen* удачно применен метод противопоставления с помощью союза «*sondern*», в результате чего наблюдается ремотивация фразеологизма *eine Hand wäscht die andere* / рука руку моет.

К этому же типу модификации отнесем реализацию полисемантизации или осознанной актуализации обоих значений, при декодировании которых контекст ясен в равной степени, например:

«Was gibt's denn, Ulf?» — *Du, Bert, sag mal, ich hatte da neulich mal einen weichen Keks gefunden, weißt du, wo der ist?* — «Oh, ich glaube, den hab ich bei Ernie im Kopf versteckt». — *Du meinst, Ernie hat den weichen Keks im Kopf?* — «Ja, der Ernie sagt immer so Sachen wie okeese und tschüss» [1: S. 87].

Языковая игра в данном примере имеет установку на остроумный эффект, что доставляет зрителю эстетическое удовольствие при декодировании фразеологизма *einen weichen Keks haben* / *быть не в своем уме*.

Далее в таблице приведены выявленные типы различных приемов модификации фразеологизмов с указанием количественных показателей примеров по каждому типу.

Частотность различных приемов модификации фразеологизмов

Модификация	Используемый прием	Количество примеров	Количество примеров / процентное соотношение
Формальная	Фразеологический эллипсис	15	31 / 28 %
	Расширение структуры	4	
	Образование композитов	2	
	Грамматические изменения	10	
Формально-семантическая	Лексическая замена	29	66 / 59 %
	Расширение состава	12	
	Свободное употребление отдельных компонентов	11	
	Фразеологизм как средство связи текста	5	
	Контаминация	5	
	Фразеологический эллипсис	2	
	Нагромождение идиом	1	
Метаязыковые комментарии	1		
Семантическая	Двойная актуализация	14	14 / 28 %
Итого		111	111

Таким образом, проанализировав типы модификаций фразеологизмов современного немецкого языка, являющиеся следствием языковой игры в теледискурсе, приходим к следующим выводам:

1. Представленная в статье классификация по структурно-семантическому принципу иллюстрирует возможные приемы модификаций фразеологизмов в теледискурсе, наиболее частотными из которых являются лексическая замена, фразеологический эллипсис, расширение структуры фразеологизма, двойная актуализация.

2. Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что модификация фразеологизмов может проходить с изменением и без изменения семантики

фразеологизма, но наиболее интересные игровые модификации, как правило, затрагивают семантический уровень фразеологизма.

3. Примеры показывают, что игровой эффект обеспечивают как оригинальность модифицированных фразеологизмов, так и использование их в необычном контексте, актуализирующем два разных смысла фразеологизма.

Библиографический список

Источники

1. *Stromberg*. Die Originalbücher der 1. Staffel. Leck: Egmont, 2007. 254 S.
2. *Stromberg*. Die Originalbücher der 2. Staffel. Leck: Egmont, 2007. 319 S.
3. *Stromberg*. Staffel 3. Brainpool TV GmbH. 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM).

Литература

4. *Добровольский Д.О.* Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 744 с.
5. *Захарова М.В.* Языковая игра (современный этап) // Вестник МГПУ. Сер.: «Филологическое образование». 2009. № 1 (2). С. 34–38.
6. *Ильцова С.В., Амири Л.П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 3-е изд. М.: Флинта, 2013. 296 с.
7. *Кунин А.В.* Лингвистические особенности фразеологического эллипсиса // Вопросы фразеологии: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 131. М., 1978. С. 105–126.
8. *Рахманкулова И.-Э.С.* Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 28–35.
9. *Рыбакова Е.А.* Лингвистические аспекты игры слов в языке современной немецкой молодежи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 359 с.
10. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
11. *Burger H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 4., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt, 2010. 239 S.
12. *Roscoe J., Hight C.* Faking it: Mock documentary and the subversion of factuality. Manchester: Manchester University Press, 2001. 240 p.

Справочные и информационные издания

13. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 480 с. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/23.pdf> (дата обращения: 16.06.2017).

References

Istochniki

1. *Stromberg*. Die Originalbücher der 1. Staffel. Leck: Egmont, 2007. 254 S.
2. *Stromberg*. Die Originalbücher der 2. Staffel. Leck: Egmont, 2007. 319 S.

3. *Stromberg*. Staffel 3. Brainpool TV GmbH. 2013. 2 e'lektron. opt. diska (CD-ROM).

Literatura

4. *Dobrovol'skij D.O.* Besedy' o nemeczkom slove. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2013. 744 s.

5. *Zaxarova M.V.* Yazy'kovaya igra (sovremenny'j e'tap) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2009. № 1 (2). S. 34–38.

6. *Il'jasova S.V., Amiri L.P.* Yazy'kovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy'. 3-e izd. M.: Flinta, 2013. 296 s.

7. *Kunin A.V.* Lingvisticheskie osobennosti frazeologicheskogo e'llipsisa // Voprosy' frazeologii: sb. nauch. tr. MGPIIYa im. M. Toreza. Vy'p. 131. M., 1978. S. 105–126.

8. *Raxmankulova I.-E'.S.* Strukturno-funkcional'ny'j podchod k issledovaniju nemeczkix frazeologizmov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovo obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 28–35.

9. *Ry'bakova E.A.* Lingvisticheskie aspekty' igry' slov v yazy'ke sovremennoj nemeczkoy molodezhi: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015. 359 s.

10. *Sannikov V.Z.* Russkij yazy'k v zerkale yazykovoj igry'. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2002. 552 s.

11. *Burger H.* Phraseologie. Eine Einfu'hrung am Beispiel des Deutschen. 4., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt, 2010. 239 S.

12. *Roscoe J., Hight C.* Faking it: Mock documentary and the subversion of factuality. Manchester: Manchester University Press, 2001. 240 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. E'nciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vy'razitel'ny'e sredstva russkogo yazy'ka i rechevy'e oshibki i nedochety' [E'lektronny'j resurs] / pod red. A.P. Skovorodnikova. 3-e izd., stereotip. M.: Flinta, 2011. 480 s. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/23.pdf> (data obrashheniya: 16.06.2017).

A.E. Guseva,

T.V. Pervak

Types of Phraseological Unit Modification as a Result of Wordplay in TV-discourse (Based on the Mockumentary «Stromberg»)

The article investigates into modification of phraseological units (PUs) as a method of wordplay. The authors deal with the main modification types of PUs reviewed in the German TV-comedy «Stromberg» and give their structural and semantic classification. Quantitative ratio of the PUs relating to each method are estimated, which allows to find some features of functioning of idiom modifications in the modern German language.

Keywords: wordplay; phraseological unit modification; structural and semantic classification; phraseological ellipsis; double actualization.

М.А. Кузина

Слово и словарь: экзотизмы в англоязычных словарях и текстах

В статье ставится цель оценить эффективность дефиниций экзотизмов, регистрируемых в четырех учебных моноязычных словарях: Longman Dictionary of Contemporary English (1995, 2015), Cambridge International Dictionary of English (1995), Cambridge Advanced Learner's Dictionary (2013). Дефиниции экзотизмов сопоставляются с фактическим употреблением этого вида заимствований на страницах ведущих британских и американских ежедневных изданий.

Ключевые слова: заимствования; экзотизмы; словарная статья; толковый словарь; лексикографическое описание.

З аключительным этапом ассимиляции заимствованной единицы в языке-реципиенте традиционно считается ее включение в «бумажные» словари (особенно в краткие и учебные) того или иного языка-реципиента [6; 8]. Основные отличительные признаки учебных словарей — меньшие формы, большая учебная направленность и ориентация на определенный этап обучения. Все это определяет критерии, по которым производится отбор языкового материала: количество заголовочных слов и включение наиболее употребительных и актуальных лексических единиц, охватывающих разные речевые ситуации. Таким образом, заимствованные единицы, регистрируемые учебными словарями, должны входить в лексический минимум и получать доступное толкование с многочисленными примерами употребления, а также сопровождаться необходимым комментарием относительно их орфографических, фонетических, грамматических, словообразовательных и стилистических особенностей.

В настоящей статье рассматривается эффективность дефиниций экзотизмов — заимствований из языков Южной Азии, регистрируемых англо-английскими словарями. Под *лексикографической эффективностью* предлагается понимать понятность дефиниции и ее соответствие современным особенностям употребления определяемой лексемы в речи. Данный критерий построения как макроструктуры, так и микроструктуры словаря, строго ориентированного на запросы пользователя, рассматривается в ряде теоретических работ по лексикографии. Так, В.В. Морковкин указывает на обязательность соответствия словаря «основным принципам лексикографического конструирования, т. е. эффективности, простоты и красоты» [7: с. 46]. Однако лексикографическая эффективность не получает достаточной теоретической разработки (особенно относительно экзотизмов как заголовочных слов).

Настоящая публикация содержит результаты исследования, проведенного на материале четырех моноязычных словарей: Longman Dictionary of Contemporary English (1995, 2015), Cambridge International Dictionary of English (1995), Cambridge Advanced Learner's Dictionary (2013). Для выявления основных контекстов употребления анализируемых экзотизмов были использованы статьи онлайн-версий ведущих британских и американских ежедневных газет: «The Guardian», «The Independent», «The New York Times» и «Washington Post». Следует подчеркнуть, что традиционно основным функциональным стилем, органично задействующим экзотизмы, считается стиль художественной литературы (Л.А. Инютина, Л.П. Крысин, Н.Г. Михайловская, Л.Г. Самотик, Ф.П. Филин, А.Д. Шмелев и др.). Материал настоящего исследования показывает, что многие лексемы, которые можно возвести к этимону в одном из юго-азиатских языков, характеризуются высокой частотностью употребления (десятки тысяч случаев употребления на одно периодическое издание) и в современных средствах массовой информации [1–4].

Изучение лексикографического описания и употребления в речи заимствований из языков Южной Азии представляется актуальным в связи с изменением статуса данной группы заимствований. В конце XX в. заимствованные единицы из азиатских языков рассматривались как оказавшие несущественный вклад в развитие словарного состава английского языка. Общее отношение к единицам данного происхождения отражает цитата из учебника по истории английского языка В.Д. Аракина: «Заимствования из языков народов Африки, Азии и Америки не могут считаться многочисленными и особого значения в пополнении словарного состава английского языка не имеют» [5: с. 233]. Однако для английского языка последних десятилетий характерно активное использование лексических единиц из вышеуказанных языков в мультикультурной художественной литературе и в средствах массовой информации. Этим объясняется интерес современных зарубежных лексикографов к словам данного происхождения. В частности, составители третьего издания Большого Оксфордского словаря оценивают общий вклад языков Южной Азии в английский язык как все более и более значимый и пропагандируют активное включение в словари современного английского языка и детальное описание данных лексем [10: р. 386–389].

Печатное издание учебного словаря, как правило, содержит около 120–130 слов из языков Южной Азии, а Большой Оксфордский словарь включает более 500 лексем юго-азиатского происхождения [10: р. 386–389].

Зонтичный термин *заимствования из языков Южной Азии* обозначает все слова, которые можно возвести к тому или иному слово-прототипу в санскрите (например, *ashram*, *Brahman/Brahmin*, *karma*), в хинди (например, *bangle*, *mahout*, *pukka*), в урду (*begum*, *biriani/biryani*, *hookah*) и еще в 13 языках данного региона (например, от этимонов в тамильском языке ведут свое происхождение лексемы *catamaran*, *pariah*, *patchouli*) [10: р. 386–389]. Примерно в 25 % случаев заимствование из языка индийской группы происходило

при помощи европейского языка-посредника. В качестве языков-посредников часто выступает либо португальский язык, либо индийский английский. Так, лексемы *bandan(n)a*, *banyan*, *betel*, *mandarin*, *mango*, *pariah*, *teak* были заимствованы в английский язык непосредственно из португальского языка: португальцы первыми из европейцев основали колонии на береговых территориях полуострова Индостан (Гоа, Дадра, Даман, Диу, Нагар-Хавели, Мумбаи (позже Бомбей), распространяя католицизм и строя города на европейский манер. Согласно лексикографическим данным лексемы *ayah*, *gymkhana*, *loot* были заимствованы в английский язык при посредстве индийского английского (Indian English), т. е. регионального варианта английского языка, выделяемого в рамках контактной вариантологии [11: с. 184].

Для оценки эффективности лексикографического описания экзотизмов необходимо, во-первых, оценить понятность дефиниции как таковой и, во-вторых, сравнить дефиницию (включая все виды дополнительных лексикографических помет) с употреблением рассматриваемой лексемы в текстах современных средств массовой информации.

С этой точки зрения все анализируемые единицы были условно разделены на три группы:

1. Заимствования, словарные дефиниции которых достаточно информативны и максимально близко отражают их фактическое употребление в речи.
2. Заимствования, словарные статьи которых не отражают в полной мере особенности их употребления в речи.
3. Заимствования, словарные статьи которых содержат избыточную информацию.

Обратимся к примерам словарных статей, дающих достаточно полное представление о референте заголовочного слова и особенностях употребления самой лексемы.

Лексема *samosa* (индийский треугольный пирожок с острой мясной или овощной начинкой) зарегистрирована в четырех толковых словарях: *samosa* /sə'məʊsə/ N[C] a type of Indian food made from meat or vegetables covered in thin pastry and cooked in hot oil [14; 15]; *samosa* /sə'məʊsə/ N[C] a South Asian food consisting of a small pastry case in the shape of a triangle, filled with vegetables or meat and spices and fried [12, 13].

В современных англоязычных СМИ данное заимствование всегда употребляется без пояснений, как, например, в статье из «The Independent» от 20 февраля 2016 г.: *We have armies in Iraq and Syria that are hungry like lions: they drink Vimto and eat samosas* [2] — *Солдаты наших армий в Ираке и Сирии голодные, как львы: они пьют Вимто и едят самосы* (здесь и далее перевод наш. — М. К.).

Словарные дефиниции такого предмета одежды, как *summerbund*, подчеркивают и «чужой», и «свой» характер заимствования: в одном из значений слово продолжает употребляться для обозначения реалии стран Южной Азии

(пояс-кушак, особенно в Индии), а в другом — полностью ассимилировавшемся значении (камербанд, широкий пояс под смокинг) — оно употребляется для обозначения предмета европейского гардероба: *cummerbund* / 'kʌməbʌnd/ N [C] *a wide piece of cloth that a man wears around his waist as part of a suit worn to very formal occasions* [14; 15]; *cummerbund* / 'kʌməbʌnd/ N [C] *a wide piece of cloth worn round the waist, esp. by men, as part of formal or Middle Eastern clothing* [12; 13].

Пример употребления лексемы «камербанд» в статье из «Washington Post» от 12 октября 2016 г. свидетельствует о том, что это слово уже ассимилировалось в одном из своих значений: *No word on who will be there (perhaps Stefani's steady and «The Voice» co-host, Blake Shelton?), since the White House tends to keep its guest list close to the cummerbund* [4] — Нет информации об участниках (возможно, кандидатура Стефани утверждена, как и Блейка Шелтона, одного из наставников «Голоса?»), так как Белый дом склонен сохранить формальность вечернего мероприятия с черным галстуком-бабочкой, смокингом и камербандом. Однако встречаются и контексты употребления данного заимствования в культурно-маркированном значении. Например, в статье из «The Guardian» от 16 декабря 2002 г. читаем: *They came, deep in discussion, often arm-in-arm, along the narrow corridor to the conference arena: a beturbanned Shia cleric in flowing brown robes debating Saddam's war crimes with a sharp-suited former general of the Republican Guard; a Kurdish rebel in cummerbund and baggy trousers mulling the finer points of federalism with a leader of Iraq's Turkoman community* [1] — Они приближались, увлеченные беседой, рука под руку, вдоль по узкому коридору к конференц-залу: шиитский священник в тюрбане и струящемся коричневом халате обсуждал военные преступления Саддама с одетым с иголки бывшим генералом Республиканской гвардии; курдский повстанец в камербанде и поношенных брюках размышлял над особенностями федерализма с лидером иракских туркоманов.

Справедливо отметить, что более половины проанализированных словарных статей можно охарактеризовать как точно отражающие употребление их заголовочного слова в современной прессе на английском языке. Однако есть и примеры словарных статей, которые не учитывают ряд значений заголовочного экзотизма, неверно указывают стилистические особенности его употребления в речи или вообще не включают данную лексику в свой словарь. Ко второй условно выделяемой группе заимствований, словарные статьи которых не содержат весь объем информации, необходимой для понимания их употребления в речи, отнесем лексические единицы *coolie*, *avatar*, *ayah*.

Так, дополнительные лексикографические пометы в толковых словарях характеризуют экзотизм *coolie* как этнофолизм (выраженная негативная коннотация данной лексики служит запретом к ее использованию): *coolie* / 'ku:li/ N [C] *old-fashioned an unskilled worker who is paid very low wages, especially in parts of Asia* [14]; *coolie* / 'ku:li/ N [C] *taboo old-fashioned a very offensive*

word for an unskilled worker who is paid very low wages, especially in parts of Asia. Do not use this word [15]. Примеры же употребления в современных СМИ (в частности, в «The New York Time» от 24 июня 2016 г.) указывают на то, что для носителей английского языка это слово может быть незнакомо: оно употребляется преимущественно как историзм без какой-либо негативной коннотации, выделяется кавычками и сопровождается дополнительным пояснением: *The 'coolie' Asian workers imported to the post-Civil War South, the Filipino agricultural laborers of California's Central Valley and the inhabitants of San Francisco's and New York's 19th-century Chinatowns, were all workers, most at the bottom of the economic ladder* [3] — 'Кули', наемные работники из Азии, которых привозили на юг США после отмены рабства, филиппинцы, занятые в сельском хозяйстве Калифорнийской долины, жители китайских кварталов Сан-Франциско и Нью-Йорка в XIX веке — это простые рабочие, в основном находящиеся на низшей ступени экономической лестницы.

Займствованное из хинди слово *avatar* в течение нескольких веков имело узкоспециализированное значение земного воплощения божества, однако в последние годы развило и новое культурно неокрашенное значение — «графическое представление пользователя электронных устройств». Данное значение пока нерегулярно регистрируется учебными словарями (только в одном из четырех анализируемых лексикографических источников): *avatar /ˌævəˈtɑːr/ N [C] an image that represents you in online games, chat rooms, etc. and that you can move around the screen: You can talk to other avatars with your words displayed in a cartoon bubble; (especially in Hinduism) a god who appears on earth as a person* [13]. В подобных случаях речь идет о неэффективном лексикографическом описании — ведь на страницах современных СМИ (в статье из «Washington Post» от 12 ноября 2016 г.) данное заимствование употребляется только в этом значении: *To teach empathy, a virtual-reality exercise has participants simulate being homeless and riding a bus. The other passengers all have stories. You click on each avatar to find out more* [4] — С целью научить эмпатии в одном из заданий в виртуальной реальности от участников требуют примерить роль бездомного в автобусе. У всех других пассажиров есть своя жизненная история. Участники кликают аватара, чтобы узнать больше о других.

Экзотизм *ayah* (айя, няня или служанка из местных жителей) зарегистрирован в одном из четырех моноязычных словарей: *ayah /'ɑː/ N [C] IndE, PakE a nurse who looks after children* [14]. Несмотря на то, что англо-английские словари демонстрируют тенденцию к «невключению» данной лексемы в свои словники, няни из числа азиатского населения не только воспитывали Р. Киплинга, но и по сей день растят детей в домах как англичан, так и выходцев из Южной Азии, проживающих на Британских островах и получивших современное обозначение «British Asian» [9: p. 135]. Сохраняющуюся актуальность данного слова подчеркивает тот факт, что *ayah* употребляется от 20 до 100 раз на страницах современных СМИ [1–4]. Показательным является его употребление в некрологе

из британской «The Guardian» от 14 августа 2011 г. о кончине 98-летней няни Ратны Вади, воспитавшей 19 детей за свою карьеру: *She was a shining example of the conscientious and trustworthy “ayah” — the Urdu word for the traditional children’s nurse* [1] — *Она была блестящим примером добросовестной и заслуживающей доверия “айей” — это слово из урду используют для обозначения няни из числа местных жителей.*

Английская дефиниция в третьем издании словаря «Longman Dictionary of Contemporary English» [14] достаточно подробно поясняет значение заголовочного слова, тем не менее в современном англоязычном тексте приводится пояснение данной единицы, что позволяет говорить о сохранении восприятия данного понятия как принадлежащего «чужой» культуре и малознакомого среднестатистическому читателю.

Третья группа словарных статей — а именно: словарные статьи с избыточной информацией — выделена весьма условно. Сюда можно отнести дефиниции заголовочных слов, которые не утратили национально-культурного компонента значения, но регулярно используются в речи и их значения хорошо известны. Для некоторых из них характерна излишняя детализированность дефиниций, в то время как ряд других регулярно встречающихся, но известных более узкому кругу людей экзотизмов — например *tomtom*, *betel*, *kedgeree* — получают излишне генерализированное толкование. В четырех анализируемых ежедневных изданиях регулярно встречающиеся экзотизмы употребляются без пояснения, например в британской «The Guardian» от 10 ноября 2013 г.: *Can western women carry off sari — and should they even try?* [1] — *Могут ли западные женщины правильно носить сари — и стоит ли им вообще пытаться это делать?*

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что основным условием достижения лексикографической эффективности словарных статей с заголовочным словом-экзотизмом является составление комплексной дефиниции с емкой этимолого-культурологической и исторической информацией. Также представляется целесообразным выверять стилистические пометы заголовочных слов, приводить точную информацию по частотности их употребления в современной речи и иллюстрировать их минимальную регулярную сочетаемость. Лексикографическая эффективность словарей, содержащих экзотическую лексику, значительно повышается посредством снабжения отдельных словарных статей иллюстрациями или создания специальных тематических вкладок с иллюстрациями.

Библиографический список

Источники

1. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 20.03.2017).
2. The Independent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 20.03.2017).

3. The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 20.03.2017).
4. Washington Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 20.03.2017).

Литература

5. Аракин В.Д. История английского языка: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Физматлит, 2003. 272 с.
6. Донец П.Н. Электронные словари и концептологический анализ // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 101–105.
7. Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: МГУ, 1970. 71 с.
8. Осипова Л.И. О типах лингвистических словарей // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 37–46.
9. Чупруна О.Г., Паршина Н.Д. Cross-Cultural Communication. All You Need to Know: учеб. пособие по межкультурной коммуникации. М.: Ленанд, 2015. 240 p.
10. Durkin Ph. Borrowed Words: A History of Loanwords in English. Oxford: Oxford University Press, 2014. 491 p.

Справочные и информационные издания

11. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова [и др.]; под общ ред. М.Г. Лебедевко, З.Г. Прошиной. М.: Флинта-Наука, 2015. 630 с.
12. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1774 p.
13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 1844 p.
14. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman Group Ltd, 1995. 1668 p.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Pearson Education Limited, 2015. 2161 p.

References

Istochniki

1. The Guardian [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.independent.co.uk/> (data obrashheniya: 20.03.2017).
2. The Independent [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (data obrashheniya: 20.03.2017).
3. The New York Times [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.nytimes.com/> (data obrashheniya: 20.03.2017).
4. Washington Post [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (data obrashheniya: 20.03.2017).

Literatura

5. Arakin V.D. Istoriya anglijskogo yazy'ka: ucheb. posobie. 2-e izd. M.: Fizmatlit, 2003. 272 s.
6. Donecz P.N. E'lektronny'e slovari i konceptologicheskij analiz // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 101–105.

7. *Morkovkin V.V.* Ideograficheskie slovari. M.: MGU, 1970. 71 s.
8. *Osipova L.I.* O tipax lingvisticheskix slovarej // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoje obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 37–46.
9. *Chupry'na O.G., Parshina N.D.* Cross-Cultural Communication. All You Need to Know: ucheb. posobie po mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: Lenand, 2015. 240 p.
10. *Durkin Ph.* Borrowed Words: A History of Loanwords in English. Oxford: Oxford University Press, 2014. 491 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii / I.N. Zhukova [i dr.]; pod obshh. red. M.G. Lebed'ko, Z.G. Proshinoj. M.: Flinta-Nauka, 2015. 630 s.
12. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1774 p.
13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 1844 p.
14. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman Group Ltd, 1995. 1668 p.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Pearson Education Limited, 2015. 2161 p.

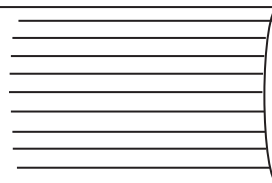
M.A. Kuzina

A Word and a Dictionary:

Exotic Words in English-English Dictionaries and in English-language Texts

The article aims at evaluating the dictionary entries with «exotic loanwords» as their headwords. The definitions of over 100 headwords from the four monolingual dictionaries: Longman Dictionary of Contemporary English (1995, 2015), Cambridge International Dictionary of English (1995), Cambridge Advanced Learner's Dictionary (2013) are studied to find how accurately they reflect the actual usage of the headwords in question in modern British and American periodicals.

Keywords: loanwords; exotic words; dictionary entry; monolingual dictionary; dictionary entry.

**Е.Л. Фрейдина,
Г.С. Абрамова**

Паузация как маркер разговорности в современном британском устном дискурсе

В статье рассматривается вопрос о коммуникативном статусе элементов разговорности в современном устном дискурсе. В центре внимания роль паузации в реализации разговорности в диалоге-интервью и академической публичной речи. На основании обобщения данных аудиторского и электроакустического анализа выявляются основные тенденции использования пауз и их функции. Обосновывается необходимость комплексного изучения стилевой вариативности компонентов просодии с учетом совокупности контекстных факторов.

Ключевые слова: разговорность; пауза; просодическая вариативность; стилевое варьирование звучащей речи; просодическое оформление речи.

Современное речевое общение отличается активное взаимодействие всех его участников на основе коммуникативного сотрудничества. В условиях демократизации общения все более заметна тенденция использования неформальной, естественной манеры речи в различных коммуникативных ситуациях. В результате уместным становится применение элементов разговорности в различных жанрах устного речевого дискурса — от бытового общения до публичной речи.

В связи с этим актуальным является вопрос о функциональных особенностях и коммуникативном статусе подобных элементов в зависимости от жанровой специфики дискурса. Представляется, что проявления разговорности не следует отождествлять с разговорной речью. Преобладание разговорной тональности не означает, что публичная речь сливается с разговорной. Слушатели вряд ли ожидают, что публичное выступление будет звучать как обыденный повседневный разговор [8: р. 642].

Как известно, разговорную речь отличает определенный набор просодических признаков. К числу наиболее значимых принято относить особенности членения звучащей речи, а также характер паузации. На сверхсегментном уровне «общими особенностями нормативной спонтанной речи являются:

членение текста на единицы разной размерности, носящее системный характер, специфичный для спонтанной речи, включение в синтагмы пауз хезитации, как заполненных, так и незаполненных» [2: с. 347]. Кроме того, разговорность проявляется в темповой неоднородности, специфике акцентного выделения, преобладании просодических моделей незавершенности и других особенностях мелодики.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования, направленного на выявление особенностей паузации как одного из просодических маркеров разговорности. Цель исследования, выполненного авторами на материале образцов современных британских телевизионных интервью и лекций, состояла в сопоставлении особенностей реализации данного просодического параметра и установлении тенденций проявления разговорности в разных жанрах дискурса. Материалом исследования послужили развернутые монологические высказывания, фрагменты аудиозаписей интервью представителей британской поп-культуры (общее время звучания — 75 минут), а также фрагменты лекций, прочитанных преподавателями британских университетов, записанные в момент исполнения (общее время звучания — 5 часов). Фонетическое исследование включало в себя аудиторский анализ, выполненный двумя профессиональными аудиторами, и электроакустический анализ — с использованием программы (Speech Analyzer (v. 3.0.1)).

Прежде всего необходимо отметить некоторые дискурсивно-прагматические особенности интервью, вошедших в корпус исследования. Они относятся к медиадискурсу и характеризуются двойной адресацией: интервью заведомо предназначены для прослушивания большой аудиторией, в которую входят зрители в студии, телезрители и зрители Всемирной сети. Медиainterview с известными лицами (так называемыми celebrities), как правило, характеризуются большим интересом к личности представителей массовой культуры, в частности, к их личной жизни. В рамках жанра интервью говорящий участвует в неформальном общении с интервьюером, в то же время обращенность к широкой аудитории предполагает определенный уровень контроля над речью. По мнению Т.И. Шевченко, интервью «представляется промежуточным этапом между подготовленным публичным выступлением типа лекции и доклада, с одной стороны, и разговорной речью неофициального характера, с другой». При этом «сигналом этих смещений в сторону разговорной речи может служить общее понижение высотного регистра, вариативность темпа и громкости, наличие большого количества пауз хезитации» [5: с. 114–115].

Отмеченные особенности были выявлены и во фрагментах интервью, вошедших в корпус нашего исследования. В центре нашего внимания — пауза как маркер разговорности. Пауза (перерыв в звучании) традиционно описывается с учетом следующих факторов: положение паузы во фразе (финальные и нефинальные паузы); длительность паузы (сверхкраткая, краткая, средняя,

длительная, сверхдлительная); функции паузы (синтаксическая, эмфатическая, пауза хезитации). Все эти факторы учитывались в ходе исследования, однако пристальное внимание было уделено именно паузам хезитации, которые традиционно ассоциируются со спонтанной разговорной речью.

Следует отметить, что паузы хезитации (паузы колебания, неуверенности) полифункциональны: они могут использоваться в ходе речевого планирования (самокоррекция, подыскивание слова), могут являться индикатором физического и психологического состояния говорящего, могут применяться как средство контакта. Речевые колебания, как известно, связаны со спонтанностью в условиях, когда текст рождается непосредственно в момент речи и возникает проблема выбора языковых единиц и планирования высказывания в целом.

Паузы хезитации традиционно подразделяются на две группы: незаполненные (unfilled) и заполненные (filled) [6: р. 31]. В качестве «заполнителей» используются, как правило, звуковые комплексы *er, erm. mm*. Характерно, что использование пауз хезитации и, в частности, соотношение количества заполненных и незаполненных пауз в звучащей речи значительно подвержено индивидуальному варьированию, в связи с чем при обсуждении функционирования пауз можно говорить лишь о некоторых тенденциях [6: с. 30].

Представим некоторые данные об особенностях паузации во фрагментах интервью. В основном границы межпаузальных групп в речи представителей британской поп-культуры (Софи Элис Бекстор, Джей Кей) не продиктованы синтаксическим и логическим членением предложения и текста. Основу речевого потока составляют межпаузальные группы неравномерной длины, в речи прослеживаются как очень длинные межпаузальные группы (12–14 слогов), так и короткие (1–2 слога). Данный факт может быть проиллюстрирован следующим примером. Продолжительность высказывания 8 секунд, из них общее количество пауз — 6, все паузы сверхкраткие, не обусловленные синтаксическим и смысловым членением высказывания:

But > I'm |, I'm | (333 мс), I > should, you know || (295 мс), underline that I \haven't been like \dieting | \anything like that || (275 мс), I was | I was °actually feeding || (343 мс) the \kid while I was \making a \video ||, so it was all quite \complicated ||| [Софи Элис Бекстор].

Неравномерная сегментация речевого потока характерна для неподготовленной разговорной речи. Хотя интервью обращено к большой аудитории, анализ образцов звучащей речи показывает, что у информантов отсутствуют навыки публичного говорения, поскольку членение речевого потока не обусловлено факторами логики, уместности или направленности на улучшение взаимопонимания между говорящим и слушающим. Отличительной особенностью речи всех представителей поп-культуры является наличие большого количества пауз хезитации, как заполненных, так и незаполненных, неравномерное членение высказывания, отсутствие разнообразия в мелодическом

репертуаре, использование вводных конструкций типа *you know, I think* и т. д., жаргонизмов и элементов разговорной речи. Длительность пауз колеблется от сверхдлительных до сверхкратких. Отмечается преобладание сверхкратких пауз, значительную часть которых составляют паузы хезитации:

Hm, | (380 мс) it's | a ^highly il'legal thrill. ||| (1030 мс) I > mean | (70 мс), when | you're \out (279 мс) in | the \great thing | about the I ^talian \autostrada, | you \used to \stop | (868 мс), the |... er... (65 мс) you \stop at the | (57 мс), you know | the ticket sort of booth thing | (381 мс) and >they go | «\fast, \fast, you \drive \fast», | and all they do|, I mean, they're en\couraging you| to drive this thing fast and iso ||| [Джей Кей].

Как известно, уместность использования паузации оптимизирует восприятие и понимание звучащей речи. В то же время немотивированное использование пауз (особенно длительных и сверхдлительных), напротив, придает речи некоторую хаотичность и затрудняет ее понимание.

Данные, полученные в ходе анализа образцов интервью, показывают, что речь всех информантов отличается высокой степенью паузальной насыщенности и широким использованием пауз хезитации, что характерно для современной разговорной речи. Переходя к рассмотрению особенностей проявления разговорности в британской академической публичной речи, следует остановиться на некоторых контекстных факторах, которые обуславливают специфику стилизации в данном жанре риторического дискурса. Прежде всего особая тональность общения определяется установкой на коммуникативное сотрудничество, которая проявляется в непринужденности, неформальности общения оратора и аудитории. Очевидно, что в большинстве случаев лекция подготовлена заранее и строится на основе письменного текста, однако в процессе взаимодействия оратора и аудитории возникает элемент спонтанности. Важно подчеркнуть, что элементы разговорности могут использоваться в качестве стратегии контакта, с тем чтобы придать общению живой и естественный характер и оптимизировать взаимодействие с аудиторией.

Рассуждая о проявлениях разговорности в публичной речи, Д. Кристал отмечает, что «естественность» не означает, что по своему фонетическому оформлению публичная речь совпадает с повседневным общением. Скорее это особый ораторский прием: снижение степени формальности в тех случаях, когда высокое красноречие может подавлять слушателей [7: с. 122].

Как мы уже отмечали, паузация является одним из просодических маркеров разговорности. По нашим наблюдениям, сделанным в ходе анализа образцов современной британской академической публичной речи, длина межпаузальных групп, измеряемая количеством слогов значительно варьируется. Наряду с короткими (1–2 слога) и средними (6–7 слогов) межпаузальными группами, присутствуют и длинные межпаузальные группы (до 14 слогов) и даже сверхдлинные (28–31 слог). Вариативность длины межпаузальных групп, т. е. членение теста на единицы разной размерности, является одним из индикаторов

стилевой неоднородности академической публичной речи. Длительность пауз существенно варьируется (от сверхкратких до сверхдлительных):

And | (150 мс) what you find | (320 мс) interestingly | (350 мс) with just about any corpus || (640 мс) is that nearly half of the number of words | (240 мс) in your corpus || (430 мс) I mean different meanings of words | (180 мс) different words ||| (1100 мс) nearly half | (160 мс) occur once ||| (лекция «Corpus Studies in Linguistics», лектор Маргарет Картрайт).

Важно подчеркнуть, что в публичной речи паузы хезитации приобретают особый функциональный статус. Так, для британской лекции характерно использование пауз хезитации, как заполненных, так и незаполненных, как средства формирования разговорной тональности общения, маркера неформального, непринужденного, спонтанного общения.

I've said you can always use different branches of linguistics, | er | some of them obviously of more importance than the others. || Really | the sound patterns that you use in poetry: | alliterations, | rhyme, | those things. || When studying a poem, | you've often got to spend more time of those, | then you would want to in fact. || Whereas you might have less to say on the phonology side | if studying a piece of prose, || but not necessarily so. || Er | But now you can do stylistic study in different ways. ||| (лекция «Stylistics», лектор Брайан Смол).

В приведенном выше фрагменте лекции паузы хезитации используются для того, чтобы подобрать наилучшую формулировку. Создается впечатление, что лектор рассуждает вместе со слушателями, вовлекает их в совместную риторическую деятельность. Заполненные паузы хезитации не являются индикатором неподготовленности оратора, они придают общению непринужденный характер, создавая у слушателей ощущение спонтанности речепорождения, придавая речи естественность.

Следует отметить, что в лекциях могут присутствовать целые фрагменты, реализованные в разговорной тональности (примеры из личного опыта оратора, вставные рассказы, шутки). Кроме того, использование пауз хезитации в риторическом дискурсе обусловлено и явлением речевого отгораживания, характерным для британской лингвокультуры. В приведенном ниже фрагменте паузы хезитации, наряду с другими маркерами речевого отгораживания (*I think, maybe*), способствуют снижению категоричности высказывания, реализуют стратегии дистанцирования и неимпозитивности:

And I think on top of that | what else it does | and | maybe more connected to this particular talk | is | it exposes students to lots of useful vocabulary and grammar ||| (лекция «Approaches to EFL Teaching», лектор Тимоти Вилсон).

Использование пауз хезитации в сочетании с другими маркерами разговорности демонстрирует взаимопонимание между участниками дискурса. Отмечая, что «разумное» использование пауз и других средств, характерных для разговорной речи, реализует «лингвистическую эмпатию», Д. Кристал подчеркивает, что ключевыми являются слова «judicious» и «cautious», иными

словами, элементы разговорности следует использовать «разумно» и «с осторожностью» [7: с. 124].

Подводя итог, необходимо отметить, что сопоставительный анализ данных, полученных в ходе изучения особенностей паузации в монологических высказываниях в рамках интервью и в образцах академической публичной речи, позволил выявить следующие общие тенденции: степень паузальной насыщенности достаточно высока; длительность пауз существенно варьируется; отмечается использование пауз хезитации, как заполненных, так и незаполненных.

При этом наблюдаются существенные количественные расхождения. Так, в академической публичной речи паузы хезитации составляют около 8 % от общего количества пауз, в то время как во фрагментах интервью они составляют приблизительно 40 %. Однако, на наш взгляд, количественные признаки не являются в данном случае фактором, позволяющим разграничить естественную разговорную речь и элементы разговорности, отличающие современный риторический дискурс. Представляется, что, проводя параллели такого рода, необходимо учитывать специфику самого дискурса, контекстные факторы, а в связи с этим и те функции, которые реализуют паузы. Так, в первом случае высокая степень паузальной насыщенности обусловлена спонтанным характером речепорождения, невысоким уровнем речевой культуры информантов, а также их стремлением следовать «модным» произносительным тенденциям, характерным для речи молодежи. Важно отметить, что меняются и требования к публичной звучащей речи в связи с изменением статуса произносительного стандарта под влиянием средств массовой информации, «повышается роль средств массовой коммуникации как общенационального стандарта» [4: с. 24]. Другими словами, средства массовой коммуникации устанавливают новые тенденции и стандарты для произносительной нормы английского языка. Следует также учитывать такой аспект, как инновационные процессы в произношении, поскольку «именно модифицированные региональные типы произношения, возникающие благодаря явлению аккомодации или конвергенции, т. е. при взаимодействии людей из разных регионов и социальных слоев, представлены наиболее широко в речи современных англичан» [3: с. 731].

В образцах лекций выявленные просодические параметры, участвующие в процессе «вербального моделирования», основанного на важнейшей функции языка — функции воздействия, или манипулятивной функции, используются для осуществления риторических задач оратора (оптимизации восприятия информации аудиторией, поддержания контакта, обеспечения выразительности речи) [1: с. 42]. Кроме того, академическая публичная речь отражает современные нормы культуры речевого общения, а речь лекторов в меньшей степени подвержена инновационным произносительным тенденциям.

Представленные наблюдения показывают, что изучение просодических маркеров стилевого варьирования звучащей речи предполагает и подробный анализ контекстных факторов в их сложном взаимодействии. Такой подход

позволяет не только зафиксировать определенные тенденции просодического оформления звучащей речи, но и установить особенности их функционирования в устном речевом дискурсе.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 42–49.
2. Общая и прикладная фонетика / Л.В. Златоустова [и др.]; под общ. ред. Р.К. Потаповой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. 415 с.
3. Михалева Е.И. Влияние политики мультикультурализма на диалекты Англии // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; Мин-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамбовск. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов, 2016. Вып. 27. С. 730–735.
4. Михалева Е.И. Место диалектной речи в фонетической системе английского языка // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1 (9). С. 24–28.
5. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высш. шк., 1990. 142 с.
6. Cruttenden A. Intonation. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 201 p.
7. Crystal D. The Gift of the Gab. How Eloquence Works. New-Haven and London: Yale University Press, 2016. 243 p.

Справочные и информационные издания

8. Encyclopedia of Rhetoric / ed. by Thomas Sloane. Oxford: Oxford University Press, 2001. 837 p.

References

Literatura

1. Vikulova L.G., Novikov N.V. Formirovanie negativnogo obraza politika v mass-medijnom diskurse: predmetnaya sfera sport // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 42–49.
2. Obshhaya i prikladnaya fonetika / L.V. Zlatoustova [i dr.]; pod obsh. red. R.K. Potapovoj. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1997. 415 s.
3. Mixaleva E.I. Vliyanie politiki mul'tikul'turalizma na dialekty' Anglii // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka / gl. red. serii N.N. Boldy'rev; Min-vo obr. i nauki RF, Ros. akad. nauk, In-t yazy'koznaniya RAN, Tambovsk. gos. un-t im. G.R. Derzhavina, Ros. assoc. lingvistov-kognitologov. M.: In-t yazy'koznaniya RAN; Tambov, 2016. Vy'p. 27. S. 730–735.
4. Mixaleva E.I. Mesto dialektnoj rechi v foneticheskoy sisteme anglijskogo yazy'ka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 1 (9). S. 24–28.
5. Shevchenko T.I. Social'naya differenciaciya anglijskogo proiznosheniya. M.: Vy'ssh. shk., 1990. 142 s.

6. *Cruttenden A.* Intonation. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 201 p.

7. *Crystal D.* The Gift of the Gab. How Eloquence Works. New-Haven and London: Yale University Press, 2016. 243 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Encyclopedia of Rhetoric / ed. by Thomas Sloane. Oxford: Oxford University Press, 2001. 837 p.

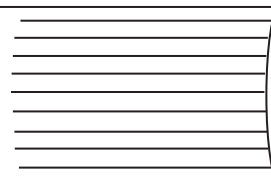
E.L. Freydina,

G.S. Abramova

Pauses as Markers of Conversational Style in British Oral Discourse

The paper reports on the study of the communicative status of conversational elements in oral discourse. Focus is given to the pauses as markers of conversational style in interviews and academic public presentations. Drawing on the findings made in the course of the perception and acoustic analysis the authors outline the main tendencies in the use of pauses and describe their functions. It is argued that the study of stylistic variation of prosodic parameters should be carried out with regard to the contextual factors.

Keywords: conversational style; pause; prosodic variation; appropriateness; stylistic variation of speech; speech prosody.

**А.В. Щепилова, О.А. Сулейманова,
М.А. Фомина, А.А. Водяницкая**

Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе

В статье рассматриваются релевантные характеристики университетского веб-сайта как особого вида образовательного дискурса. В связи с существенным влиянием веб-сайта на рейтинг университета авторы рекомендуют при создании сайта учитывать ценности целевой группы, особенности психологического восприятия графического и лингвистического наполнения сайта.

Ключевые слова: образовательный дискурс; веб-сайт университета; адресат; ценности.

Образование представляет собой одну из самых обширных сфер человеческой деятельности и рассматривается как ведущий фактор социального, политического и экономического развития, а человек образованный, способный к поиску и освоению нового знания и принятию нестандартного решения, является наиважнейшей ценностью и основным капиталом современного общества. Необходимость интеграции в современное глобальное образовательное пространство требует изучения и критического анализа зарубежных образовательных ресурсов и в этой связи иноязычного образовательного дискурса. Активно продолжающийся поиск способов конструирования таких актуальных типов дискурса, как образовательный (см.: [3; 4; 11; 15]), нуждается во всестороннем анализе его видов, в выделении релевантных параметров, точном определении формата коммуникации, учет которых позволит выстроить результативное взаимодействие участников коммуникации. Немаловажным оказывается и учет существующей системы норм и «конвенционально установленных ориентиров», задающих «рамочное пространство для действия закрепленных стандартов и проявления творческой свободы субъекта деятельности» — университета — при создании веб-сайта (подробнее о категории нормативности см.: [13: с. 80–81]). Рассмотрим модель взаимодействия коммуникантов в образовательном дискурсе на материале анализа сайтов вузов и проанализируем фактор адресата в данном дискурсивном жанре.

1. Веб-сайт как особый вид образовательного дискурса

Образовательный дискурс как актуальный тип дискурса в общей системе дискурсивных формаций выделяется практически всеми исследователями и как вид институционального дискурса связывает на уровне коммуникации образовательные учреждения и их потребителей, позволяет исследовать языковые средства, используемые в данном виде деятельности, в связи с их прагматическим потенциалом. Образовательный дискурс определяется как институциональный в силу того, что является статусно-ориентированным, он задает определенную картину мира и систему ценностей, а также систему статусно-ролевых отношений, ориентирован на определенные социальные группы и направлен на включение адресата в определенную социальную группу.

Наличие рынка образовательных услуг влечет за собой потребность в рекламе и адекватной организации взаимодействия с заинтересованным сообществом в рамках учреждения в виде ежегодного набора абитуриентов, профориентационных мероприятий, консультационных услуг, системы тестирования и др. Все эти виды деятельности нуждаются в публичной репрезентации и получают анонсированное выражение в форме сайтов образовательных учреждений, они формируют ряд направлений коммуникации образовательных учреждений с потребителями образовательных услуг, или адресатом дискурса. Веб-сайты приобретают все большую значимость и серьезно влияют на рейтинговые показатели вузов в ряде рейтинговых систем, в том числе и в отечественных: например, Национальный рейтинг университетов «Интерфакс» на основе автоматизированных средств сбора информации оценивает вузы по сумме результатов шести частных рейтингов, каждый из которых имеет определенный вес в итоговом рейтинге. Частные рейтинги рассматривают такие сферы деятельности университета, как образование, исследования, социальная среда, интернационализация, инновации и предпринимательство, бренд. В частном рейтинге «Бренд» оцениваются коммуникации бренда университета, а именно сайт; в итоговом рейтинге «Бренд» имеет вес 15 % (Методология формирования Национального рейтинга университетов «Интерфакс», 2016).

Можно предположить, что значимость сайта вуза при наблюдающемся росте информатизации будет только возрастать в том числе и потому, что совершенствование качества контента сайта вуза или увеличение его посещаемости — процессы более доступные и оперативные, чем фундаментальные изменения в характере научной деятельности вуза.

2. Особенности веб-дискурса

Такой вид коммуникации нуждается в исследовании, в том числе через конструирование адресата данного типа дискурса: анализ его потребностей, его «чувствительности» к речевому воздействию.

Веб-сайт представлен гибридным дискурсивным жанром (в понимании О.А. Костровой [4]), для него свойственна интердискурсивность как «взаимодействие между различными типами дискурса, то есть интеграция, перекрещивание различных областей человеческого знания и практики» [12: с. 36], что означает, что в его формировании участвуют разнообразные лингвистические и паралингвистические средства. Иными словами, при восприятии и, соответственно, анализе веб-сайтов значим оптимальный выбор единиц всех семиотических систем: графической, лингвистической, культурологической. Необходимы учет воздействия всех этих систем на адресата, опора на эффективные стратегии их воздействия. Одним из важных факторов является выбор адекватной адресации дискурса. Адресация попадает в фокус системного интереса лингвистики сравнительно недавно. Исследуется адресация в художественных текстах, в диалоге и внутренней речи, в сакральных текстах, а также средствах массовой информации и Интернете [5], однако адресация в веб-дискурсе не получает на данный момент исчерпывающего описания — так, в работе А.А. Атабековой исследуются коммуникативные неудачи на материале сайтов различной направленности. Анализируя лингвистическую составляющую веб-страниц, ученый приходит к выводу, что «на пространстве Web-страницы коммуникативные неудачи могут быть вызваны несоответствием практических целей автора и адресата информации, различием в объеме и содержании их лексикона, несовпадением концептуальных элементов языковой картины мира» [1]. Г.И. Назарова изучает форум как жанр интернет-дискурса и выделяет, вслед за Э.Б. Яковлевой, две адресации форума — аксиальную (сообщение предназначено для одного определенного адресата) и ретиальную, предполагающую множественность адресатов [7] (об особенностях форума как речевого жанра интернет-дискурса см. также [8]). О.Н. Морозова изучает сайты британских политиков с точки зрения их языковой составляющей, уделяя особое внимание способам обращения политиков к представителям различных социальных групп [6]. И.Н. Потеряхина отмечает роль гиперссылок на корпоративном сайте, что делает адресата информации активным пользователем, самостоятельно принимающим решение о необходимости расширения информации, представленной на сайте [9]. Исследуя различные жанры интернет-коммуникации на основе различного набора «ключевых технических функций, которые предоставляют пользователю современные компьютерно-сетевые технологии» [10: с. 63], О.Ю. Усачева отмечает персональную адресацию жанра электронной почты, в то время как в интернет-форуме коммуникация может быть имперсональной и персональной.

Таким образом, к настоящему моменту адресация веб-сайта получила ряд частных описаний, однако интересующий нас аспект не составил фокус специального исследования, что заставляет специально обратиться к данной теме.

Ориентация текстов на реципиента на образовательных сайтах осуществляется через особый тип дискурса — персуазивный, т. е. речевое взаимодействие коммуникантов с целью воздействия адресанта на реципиента и побуждения его к совершению определенных действий. В основе акта персуазивной коммуникации лежат стратегии привлечения внимания к объекту, создания положительного имиджа объекта и стратегия поддержки интеракции «адресант – адресат».

Иными словами, сайт должен привлекать внимание, создавать положительный в глазах реципиента образ объекта, побуждать его к продолжению взаимодействия в различных форматах. Этому в значительной степени способствует запоминающийся образ университета для потенциального абитуриента. Активное вербальное предъявление имиджа предполагает использование разнообразных языковых средств.

В связи с этим возникает вопрос отбора речевых стратегий и вербальных средств их репрезентации. При создании дублирующего иноязычного сайта, ориентированного на носителей инокультурной модели, речь не может идти о «простом» переводе сайта на иностранный язык (чаще всего английский как язык глобальной коммуникации), ситуация усложняется прежде всего в силу того, что целевая группа чрезвычайно разнородна. В таком случае выстраивается комплексный имидж адресата, основанный на учете набора релевантной для него иерархии свойств. Понятно при этом, что для представителя русскоязычной культуры иерархия будет выстраиваться несколько иначе, чем для представителя англо-саксонской или китайской культуры в том числе и потому, что правила приема в вузы в ряде стран значительно различаются. Различны мотивация и степень мотивированности абитуриентов, механизм финансирования обучения, наличие/отсутствие платы за обучение, роль родителей при выборе профессии их ребенка и мн. др.

Неодинаков и выбор языковых средств, обусловленный различием в наборе стилевых регистров в языке (два — в английском, например, и пять — в русском) и затруднением в выборе верной «тональности» сайта: например, нарушение требования к стилистическому регистру — излишний академизм или, напротив, хипстерский язык — сужает целевую аудиторию.

Потребности целевой аудитории в значительной степени определяются системой национальных ценностей и приоритетов, а также условиями реализации означенных ценностей. Так, в обществе с образованием как основой прогнозируемого благосостояния и успешной карьеры, при наличии конкурсной системы отбора кандидатов (например, в Великобритании или США), причем бесплатным, абитуриент нацелен на получение качественного академического образования и позитивно реагирует именно на академичный стиль сайта для абитуриентов.

Дискурс сайтов основан на широком использовании высокостандартизованной институциональной лексики, «имиджевых» слов с положительной

коннотацией, стилистически маркированной речи, содержащей модную лексику (прилагательные в сравнительной и превосходной степени, аллитерация, консонанс, рифма — *vibrant community*).

3. Параметры рейтинга сайтов

Для оценки сайта предлагается использовать пять критериев, первым из которых является **дизайн сайта** [14] — именно он играет важную роль в формировании образа сайта и становится одним из решающих факторов, влияющих на первое впечатление пользователя. Дизайн сайта оценивается по параметрам целостности стилевого оформления, используемого шрифта, сочетаемости с оформлением подсайтов, удобства просмотра фотографий/ видеофайлов и кроссбраузерности. **Навигацию**, второй критерий, рассматривают с точки зрения доступности, простоты перемещения по сайту, удобства структурирования сайта, наличия основных разделов. Важно наличие карты сайта, предупреждение при переходе на сторонние ресурсы и файлы, работоспособность поисковой системы. В качестве третьего критерия выдвигается **контент**, или информационное содержание сайта: здесь учитываются такие параметры, как контактная информация, основная информация (документация), представленность учебного процесса, внеучебной деятельности, информация о днях открытых дверей и приемной комиссии. Четвертый критерий оценивания — степень **интерактивности**: наличие и качество интерактивных сервисов, например наличие обратной связи, ссылок на социальные сети, возможности подписки на новости, обновляемость сайта и возможность регистрации на нем, а также наличие внутренней информационной системы (вход по логину и паролю). В качестве пятого критерия выбирается **видимость сайта**, т. е. доступность в Интернете, наличие важнейших технологических характеристик и элементов, обеспечивающих удобство его использования [14].

Предлагаемый набор характеристик сайта в принципе на практике и реализуется в российском образовательном пространстве. Другое дело, что требования нуждаются в ранжировании, а также в детализации — ср., например, третий критерий, где перечислены основные разделы сайта, однако не определена их приоритетность и — что чрезвычайно существенно — не заданы лингвистические параметры и коммуникативные стратегии, на основе которых должно строиться сообщение. Создание иноязычной версии сайта требует учета межкультурных аспектов передачи и восприятия информации, что заставляет обратиться к опыту зарубежных исследователей в анализе эффективности и значимости сайтов.

4. Вербальные стратегии сайта

При определении содержания и «упаковки» информации на сайте во внимание принимаются закономерности построения дискурса и его восприятия. Оптимальным считается «активное» восприятие, которое достигается благодаря использованию разнообразных стратегий и тактик вербального поведения и манипулирования целевой аудиторией. Имеет место большая ориентация на реципиента — именно учет его интересов и «борьба» за его внимание ставятся во главу угла не только в специально ориентированных дискурсах типа рекламного, но и в веб-дискурсе, когда не менее важно не только убедительно представить некоторые идеи, но и мотивировать аудиторию на продолжение взаимодействия и в конечном счете на принятие ожидаемого решения, например, поступить в данный вуз.

Исходя из принципа *кооперации* (П. Грайс), «ваш коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель этого диалога» — текст выступления должен быть сбалансирован таким образом, чтобы не нарушать по крайней мере три из четырех постулатов (максим):

- максима количества: общение должно содержать не больше и не меньше информации, чем нужно;
- максима качества: высказывание должно быть истинным, не следует говорить то, на что нет достаточных оснований;
- максима способа: следует выражаться ясно, избегать непонятных фраз, неоднозначности, многословия [2: с. 224].

Как хорошо известно из практики, многословие, нерелевантная информация препятствуют эффективной коммуникации, несоблюдение этих принципов общения может вести к взаимному непониманию и мешать конструктивному диалогу.

Ситуация общения определяет также и стремление слушающего включиться в речевое взаимодействие в качестве равноправного партнера — исходя из этого нужно построить образ того, каким хотел бы видеть себя абитуриент (тактика подстраивания). При этом задается некий уровень престижности через совокупность факторов (которые можно регулировать, в отличие, например, от рейтинга вуза, определяемого независимо от вуза). Тип абитуриента определяется в значительной степени рейтингом вуза; на сайте вуз, в свою очередь, также может задавать тип абитуриента и влиять тем самым на набираемый контингент — какого студента мы хотим видеть? Какие у него установки? Какова его система ценностей и карьерных устремлений? Степень гражданской зрелости?

Обратимся к содержанию вышеозначенных максим применительно к задачам обсуждаемого дискурса и к интерпретации сущности речевого общения. Исследователи рассматривают его как процесс взаимодействия человека

с человеком, осуществляемый с помощью средств вербального и невербального воздействия и преследующий цель достижения изменений в познавательной, мотивационной, эмоциональной и поведенческой сферах участвующих в общении лиц. Специфические свойства вербальной коммуникации обусловлены в современных условиях существованием плотного информационного потока, когда доступность информации в различных форматах притупляет восприятие, реципиент окружен огромными ее потоками, и требуются яркие и выразительные приемы привлечения и удержания его внимания (см. приведенные далее рекомендации, п. 5).

5. Рекомендации по повышению эффективности сайта: ориентация на адресата

Как отмечает американский исследователь эффективности веб-сайтов К. Шервин, «сайт университета влияет на развитие имиджа учебного заведения, на степень доверия общества к нему. В этой связи стремление максимально приблизить сайт своего университета к нуждам пользователей сайта / целевой группы способствует достижению глобальных институциональных целей университета» [17]. Исследуя обширный эмпирический материал и опираясь на представительную экспериментальную базу, К. Шервин предлагает систему критериев оценки эффективности сайта, или «уровень полезности сайта» на основе десяти параметров: лингвистических, оформительских, психологических и др. Исследование выполнено в рамках одного из приоритетных направлений научной школы, основанной Д. Нильсеном и Д.А. Норманом, в целях изучения функционирования веб-сайтов различных компаний (см. сайт <https://www.nngroup.com>, где представлены методики данной научной школы, учитывающие психологические, дизайнерские, лингвистические и другие аспекты взаимодействия веб-сайта с пользователями). Было протестировано 57 университетских сайтов на предмет их полезности, в качестве информантов выступили 33 человека (от 16 до 68 лет) из США, Канады, Великобритании и Тайваня. Абитуриенты и их родители выполняли задания, приближенные к реальности, — например, участникам предлагалось представить, что учитель порекомендовал им подать документы в определенный университет. Просмотрев разделы сайта данного университета, информанты должны были определить, насколько он соответствует их ожиданиям. Далее участникам эксперимента предлагались более конкретные задания, например, найти информацию о стоимости обучения в университете.

Задаваясь вопросом о том, должен ли университет затрачивать свои ресурсы на построение сайта по законам эффективности, К. Шервин приходит к выводу, что данная необходимость продиктована психологическими и когнитивными особенностями представителей основной целевой группы —

абитуриентов, вчерашних выпускников школ. При этом даже высокий уровень развития интеллекта и осведомленности не может гарантировать эффективность поисковой деятельности абитуриента, поскольку потенциальный студент не владеет навыками поиска информации, перефразирования запроса и т. д. Обилие терминологии, принадлежащей к сфере академического курса, нередко может вводить абитуриента в заблуждение и вызывать психологический дискомфорт.

В большинстве случаев студенты испытывают затруднения, связанные с поиском необходимой информации, — одни сайты предоставляют пользователям всю необходимую информацию на понятном языке, с учетом законов восприятия информации, в то время как в оформлении и лингвистическом наполнении других сайтов прослеживаются определенные ошибки. Анализ положительных и отрицательных сторон веб-сайтов позволяет создать «дорожную карту» для создателей университетских сайтов с тем, чтобы повысить адресность сайта.

1. Логотип университета должен быть представлен на каждой странице веб-сайта, что обусловлено тем, что не все посетители начинают знакомство с веб-сайтом учебного заведения с главной страницы: у главного веб-сайта университета могут быть микросайты, а также сайты подразделений. Многие попадают на внутренние разделы сайта через поисковик. Важно, чтобы во время пребывания на этих дополнительных ресурсах пользователи осознавали, информацию о каком университете они просматривают. Важно также, чтобы логотип вуза занимал на странице ведущую позицию, что позволит создать в сознании реципиента прочную связь между просматриваемой информацией и соответствующим учебным заведением. В таком случае разумно, чтобы логотип одновременно выполнял роль ссылки на главную страницу сайта.

2. Необходимо использовать видеоматериалы и фотографии, отражающие ценности и приоритеты университета: например, наличие снимков спортивных событий позволяет сделать вывод о том, что развитие спорта является одним из приоритетных направлений университета. Необходимо помнить, что каждый снимок, запечатлевающий конкретное событие, в то же время репрезентирует часть целостной концепции вуза. Пользователи всегда могут отличить фотографии, отражающие реальную жизнь университета, от изображений общего характера, которые создают неблагоприятное впечатление о сайте и об университете. Будучи общеплановыми, они не позволяют выявить ценности учебного заведения, показывая, что создатели сайта пренебрегли этим важным аспектом. Например, пользователи положительно оценивают фотографии, которые дают возможность сделать выводы об обучении и о студенческой жизни. К. Шервин приводит следующий отзыв посетителя одного из университетских сайтов: *При просмотре фотографий создается впечатление, что речь идет не о финансовой составляющей, а об учебной — я получу образование и буду гордиться этим. Я вижу множество улыбающихся лиц людей, которые любят свое дело* [17: URL].

3. Необходимо, чтобы информация в разделе «Об университете» была репрезентативной — этот раздел играет ключевую роль при принятии решения о поступлении в университет. Как показывает анализ, многие вузы уделяют недостаточно внимания этой важной составляющей веб-сайта, представляя обобщенную, нерелевантную информацию. Возможно существенно улучшить впечатление адресата путем включения информации, отражающей самые важные аспекты функционирования университета. Особое внимание необходимо уделить лингвистической составляющей данного раздела: язык должен быть простым, эффективным и доступным, а перечень основных фактов об университете — легким для восприятия. Использование видеоматериалов о жизни вуза также способствует привлечению внимания самой широкой аудитории. Например, на странице Брауновского университета лаконичная подача релевантной информации делает данную веб-страницу удобной для восприятия и не требует временных затрат для ознакомления с ключевыми фактами об университете (рис. 1).

Facts About Brown

- ▼ Facts About Brown
  - Enrollment
  - Faculty & Employees
  - Undergraduate Admission
  - Research, Libraries, and Athletics
  - Facts about financial aid
  - History
  - Mission
  - ▶ Administration
  - ▶ Visit Brown

Student Enrollment
Full-time students and part-time degree-seeking students as of Nov. 2015:

- Undergraduate: 6,320
- Graduate: 2,230
- Medical: 523
- Total: 9,073

Total faculty (does not include adjunct, visiting, clinical, and other "non-regular" faculty): 731

Admission
Number of applicants, Undergraduate Class of 2019: 30,397

Admitted: 2,580 (8.5%)

Рис. 1. Веб-страница сайта Брауновского университета

4. Необходимо подчеркивать достижения университета и его сильные стороны, уникальность учебного заведения по сравнению с другими. В связи с тем, что пользователи сайта в большинстве случаев не вчитываются в текст, а ограничиваются просмотром основной информации, необходимо привлекать их внимание к ценной и потенциально убедительной информации. Это в равной степени относится и к глобальному сайту, и к веб-страницам и сайтам подразделений. Удобное для восприятия расположение информации повысит интерес посетителя к данным сведениям и будет способствовать вниманию к другим фактам и данным (см., например, в этой связи исследование [16]).

5. Перечень программ и специальностей университета должен быть доступным. Решающим фактором для потенциальных студентов является

наличие информации о конкретных программах и специальностях. Как показал эксперимент К. Шервин, 48 % пользователей сайта не смогли найти информацию об интересующих их программах, несмотря на то, что информация была представлена на сайте, но ее поиск был осложнен рядом факторов, среди которых — представленность конкретной программы не на основном сайте, а на сайтах подразделений. В случае если программа не была найдена, студенты считали, что она отсутствует. Автор исследования предлагает объединить информацию обо всех программах и специальностях в одном разделе сайта, при необходимости сгруппировав их по областям деятельности или по институтам и подразделениям. Ср. сайт Мельбурнского университета, где информация о курсах и программах объединена в разделе «Поиск курса / программы» (рис. 2). Информация для бакалавров и магистрантов представлена в отдельных подразделах. При этом адаптация информации для неподготовленного пользователя проявляется в том, что при описании программ бакалавриата и магистратуры используются оценочные слова и выражения, подчеркивающие престижность диплома Мельбурнского университета. Разветвленная система гиперссылок, удобная навигация, позволяющая найти через поисковый запрос необходимые специальность, курс и т. д., определяют данный ресурс как университетский сайт, в высокой степени ориентированный на адресата.

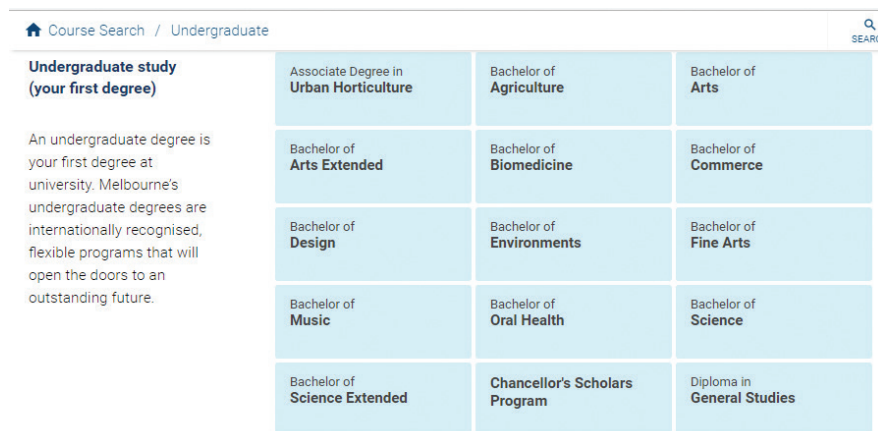

Рис. 2. Раздел «Поиск курса / программы» на сайте Мельбурнского университета

6. Информацию о трудоустройстве рекомендуется размещать в разделе «Выпускники». При выборе учебного заведения одним из решающих факторов может стать наличие на сайте университета информации о том, будет ли вложение в обучение выгодным: дает ли диплом университета возможность реализовать себя на избранном пути. На сайте должны быть сведения о том, чем занимаются выпускники вуза, конкретные цифры и ссылки на соответствующие источники. Как показало исследование К. Шервин, именно раздел «Выпускники» ассоциируется с информацией о трудоустройстве — например, анализ сайта Бристольского университета свидетельствует о том, что руководство данного учебного заведения уделяет большое внимание подготовке выпускников

к осуществлению профессиональной деятельности, что подтверждают различные программы, мотивационные курсы, советы по саморазвитию, доступные в соответствующих разделах непосредственно на сайте. Какие-либо конкретные факты о трудоустройстве выпускников на сайте не приводятся, однако обширное сотрудничество с выпускниками вуза (например, студенты могут проходить производственную практику на предприятиях, на которых работают выпускники Мельбурнского университета), вовлечение их в жизнь учебного заведения позволяют сделать выводы о помощи по трудоустройству со стороны университета. Отметим, что разделы о профориентации имеют двойную адресацию, поскольку содержат информацию для выпускника и для потенциального работодателя. Ср. скриншот страницы сайта Имперского колледжа (Лондон), где представлена информация о возможностях трудоустройства (рис. 3). За каждым разделом представленной страницы следует разветвленная система ссылок на необходимые ресурсы для планирования карьеры и получения работы.

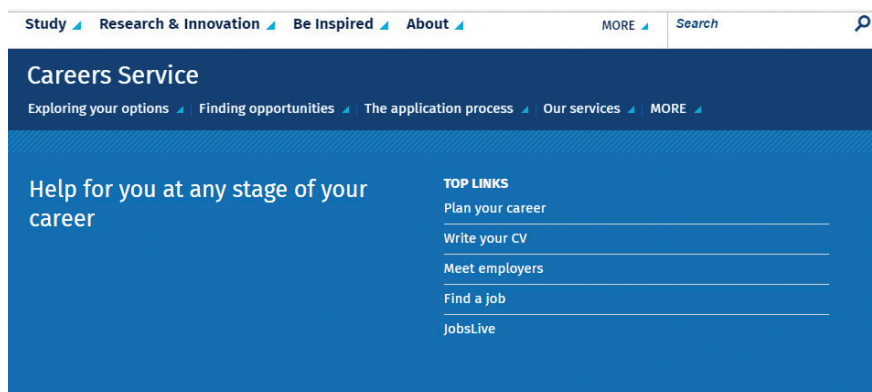

Рис. 3. Информация о трудоустройстве на сайте Имперского колледжа (Лондон)

7. В разделе «Поступающим» / «Поступление» необходимо указывать точные сроки подачи документов и подробно описывать процесс поступления. В случае если для разных специальностей сроки подачи документов варьируются, необходимо посвятить этому аспекту отдельный раздел. Так, на сайте Массачусетского технологического института приведена информация о сроках подачи документов (на различных этапах), о сроках проведения тестов, собеседований и т. д. Для поступивших студентов в разделе «Академический календарь» студенческая жизнь представлена с точки зрения ключевых дат, которые охватывают не только академический год, но и время каникул.

8. Необходимо ориентироваться на адресата веб-сайта. К. Шервин предлагает создателям сайта проанализировать веб-сайт университета с точки зрения восприятия абитуриента и проследовать по ссылкам, которые его, возможно, привлекут. Подобный метод дает возможность не только убедиться в доступности или недоступности необходимых сведений об университете, поступлении и т. д., но и предотвратить появление нерелевантной или противоречивой

информации. Такое «путешествие» по университетскому сайту целесообразно начинать с различных разделов, чтобы определить, насколько они соответствуют целям и задачам веб-сайта. Привлечение к такому анализу по крайней мере пяти пользователей повышает эффективность сайта на 85 %.

9. Необходимо использовать литературный язык. Как показывает практика, разговорный регистр на сайте университета вызывает негативную реакцию у молодых людей. Серьезное отношение абитуриента к выбору вуза, обусловленное тем, что плата за обучение сопряжена для него с финансовыми затратами, требует со стороны учебного заведения такого же серьезного отношения. Вопреки сложившимся стереотипам, студенты не приемлют разговорную или хипстерскую (= подстраивание под молодежный или ярко выраженный рекламный дискурс) лексику в академической среде. Лучший способ обратиться к абитуриентам на их языке заключается в возможности предоставить самим студентам право рассказать об обучении в вузе. Содержание студенческих обращений может быть более аутентичным и приближенным к молодежной речи — к тому же наличие подобных материалов на страницах сайта свидетельствует о доверии, которое оказывает университет своим учащимся.

К. Шервин проанализировала стилистические преобразования, которые произвели на сайте Университета Глазго Каледониан, — в предыдущей версии сайта были представлены видеосюжеты, содержащие молодежный жаргон. Новая версия отличается более академичным стилем, содержит релевантную для каждого поступающего информацию о трудоустройстве, однако и она не вполне удачна — так, цифры на голубом фоне воспринимаются как реклама, а использование маркетинговых приемов на сайте учебного заведения в большинстве случаев вызывает негативную реакцию реципиента сайта, поскольку обучение в вузе связано со стремлением к высоким целям и ценно само по себе.

10. Необходимо помнить о важности внешних (по отношению к веб-сайту) ресурсов, содержащих информацию об университете. Как показал анализ, наличие сжатой релевантной информации на других сайтах нередко выгодно отличает их от веб-сайта университета, привлекая большее количество пользователей. Информацию, которую посетители сайтов получают через Google, на форумах, где можно ознакомиться с отзывами студентов о своем университете, из других источников, отличает краткость и доступность. Университет может привлечь внимание абитуриентов и их родителей к своему сайту, оснастив его разветвленной системой внутренней навигации. Кроме этого необходимо регулярно проверять достоверность сведений о вузе, представленных на других сайтах.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что адресация дискурса оптимизируется за счет следующих факторов:

- системного учета особенностей ценностной ориентации целевой группы (абитуриенты, студенты, иностранные абитуриенты);
- использования речевых стратегий и тактик, обеспечивающих активное восприятие речевых произведений;
- учета мультимодальности восприятия и синергетического эффекта.

Как представляется, опора на данные рекомендации позволит создавать веб-сайты, построенные по законам восприятия информации, с учетом интересов определенной целевой группы и нацеленные на представление востребованной информации пользователям сайта с опорой на законы психологического восприятия графического и лингвистического наполнения.

Библиографический список

Литература

1. *Атабекова А.А.* Лингвистический дизайн web-страниц: проблемы «коммуникативных неудач» // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах (Communication Across Differences). Коммуникация-2002: материалы междунар. науч.-практ. конф. 2002. Ч. 1. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 148–153.
2. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
3. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 254 с.
4. *Кострова О.А.* Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. 208 с.
5. Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. 512 с.
6. *Морозова О.Н.* Особенности лингвистического контента современных британских политических персональных сайтов // Политическая лингвистика. Вып. 2. 2011. С. 146–151.
7. *Назарова Г.И.* Форум как жанр интернет-дискурса и его лингвистические особенности [Электронный ресурс]. URL: http://kpfu.ru/staff_files/F55304328/Nazarova.G.I..2014.pdf (дата обращения: 04.03.2017).
8. *Патрушева Л.С.* Форум как речевой жанр интернет-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 23 с.
9. *Потеряхина И.Н.* Языковые особенности корпоративных сайтов // Вестник ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 111–113.
10. *Усачева О.Ю.* К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2009. № 3. С. 55–65.
11. *Хурыз И.П.* Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 86–93.
12. *Чернявская В.Е.* Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стиль. Коммуникации в экономике: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 23–42.
13. *Чернявская В.Е.* Ценностные ориентиры научной деятельности: бескорыстие исследователя или экономизация науки? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 80–86.
14. *Яковлева Э.Б.* Полилог как новый объект лингвистики // Лингвистическая полифония: сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой / отв. ред. В.А. Виноградов. М., 2007. С. 184–199.
15. *Hyland K.* Humble Servants of the Discipline? Self-Mention in Research Articles // English for Specific Purposes. Vol. 20. Issue 3. Elsevier, 2001. P. 207–226.

16. *Nielsen J.* Website Reading: It (Sometimes) Does Happen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nngroup.com/articles/website-reading/> (дата обращения: 24.02.2017).
17. *Sherwin K.* University Websites: Top 10 Design Guidelines [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nngroup.com/articles/university-sites/> (дата обращения: 30.01.2017).

References

Literatura

1. *Atabekova A.A.* Lingvisticheskiy dizajn web-stranicz: problemy' «kommunikativny'x neudach» // *Kommunikaciya: teoriya i praktika v razlichny'x social'ny'x kontekstax* (Communication Across Differences). *Kommunikaciya-2002: materialy' mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2002. Ch. 1.* Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2002. S. 148–153.
2. *Grajs G.P.* Logika i rechevoe obshhenie // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike.* Vy'p. 16. *Lingvisticheskaya pragmatika.* M.: Progress, 1985. S. 217–237.
3. *Diskurs kak social'naya deyatelnost': priority' i perspektivy': materialy' mezhdunar. nauch. konf. M.: IPK MGLU «Rema», 2011. 254 s.*
4. *Kostrova O.A.* Diskursivny'e stereotipy': mezhkul'turny'j aspekt konceptosfery'. Samara: Izd-vo PGSKA, 2015. 208 s.
5. *Logicheskij analiz yazy'ka. Adresaciya diskursa / otv. red. N.D. Arutyunova.* M.: Indrik, 2012. 512 s.
6. *Morozova O.N.* Osobennosti lingvisticheskogo kontenta sovremenny'x britanskix politicheskix personal'ny'x sajtoy // *Politicheskaya lingvistika.* Vy'p. 2. 2011. S. 146–151.
7. *Nazarova G.I.* Forum kak zhanr internet-diskursa i ego lingvisticheskie osobennosti [E'lektronny'j resurs]. URL: http://kpfu.ru/staff_files/F55304328/Nazarova.G.I..2014.pdf (data obrashheniya: 04.03.2017).
8. *Patrusheva L.S.* Forum kak rechevoj zhanr internet-diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2015. 23 s.
9. *Poteryaxina I.N.* Yazy'kovy'e osobennosti korporativny'x sajtoy // *Vestnik ChelGU. Ser. «Filologiya. Iskusstvovedenie».* 2011. № 33 (248). Vy'p. 60. S. 111–113.
10. *Usacheva O.Yu.* K voprosu o zhanrax internet-kommunikacii // *Vestnik MGOU. Ser. «Russkaya filologiya».* 2009. № 3. S. 55–65.
11. *Xuty'z I.P.* Lingvokul'turny'e tradicii v prostranstve akademicheskogo diskursa: osobennosti konstruirovaniya // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2016. № 3 (23). S. 86–93.
12. *Chernyavskaya V.E.* Intertekstual'nost' i interdiskursivnost' // *Tekst – Diskurs – Stil'. Kommunikacii v e'konomie: sb. nauch. st. SPb.: Izd-vo SPbGUE'F,* 2003. S. 23–42.
13. *Chernyavskaya V.E.* Cennostny'e orientiry' nauchnoj deyatelnosti: beskory'stie issledovatelya ili e'konomizaciya nauki? // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2014. № 3 (15). S. 80–86.
14. *Yakovleva E'B.* Polilog kak novy'j ob'ekt lingvistiki // *Lingvisticheskaya polifoniya: sb. v chest' yubileya prof. R.K. Potapovoj / otv. red. V.A. Vinogradov.* M., 2007. S. 184–199.
15. *Hyland K.* Humble Servants of the Discipline? Self-Mention in Research Articles // *English for Specific Purposes.* Vol. 20. Issue 3. Elsevier, 2001. P. 207–226.
16. *Nielsen J.* Website Reading: It (Sometimes) Does Happen [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.nngroup.com/articles/website-reading/> (data obrashheniya: 24.02.2017).
17. *Sherwin K.* University Websites: Top 10 Design Guidelines [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.nngroup.com/articles/university-sites/> (data obrashheniya: 30.01.2017).

**A.V. Schepilova, O.A. Suleimanova,
M.A. Fomina, A.A. Vodyanitskaya**

Target Audience in Contemporary Educational Discourse

The paper aims at highlighting relevant features of university web-site as a specific genre of educational discourse. Regarding an outreach influence of university web-site on university ranking, one should take into account diverse aspects of its functioning in the Internet. The authors argue that a full-fledged university web-site corresponds to the values of its target audience and is developed in compliance with psychological perception of graphic and linguistic contents of a web-site.

Keywords: educational discourse; university web-site; target audience; values.

**А.И. Смирнова,
О.В. Гаврилина**

Современная литература в системе школьного изучения и внеклассного чтения

Авторы статьи анализируют актуальные программы среднего общего и основного общего образования, выявляют аспекты изучения литературы конца XX – начала XXI в. в школе, рассматривают программы элективных курсов, посвященных современной литературе. Предлагают новый подход в изучении современной литературы, при котором актуализируются те или иные тексты предшествующих периодов. Приводят примеры прочтения двух произведений.

Ключевые слова: современная литература; периодизация; образовательные стандарты; В. Пьецух; О. Славникова.

Школьная программа нового поколения построена таким образом, что преобладающее внимание направлено на литературу XVIII–XIX вв., поэтому вопрос о современной литературе, ее роли и месте в школьном изучении является далеко не праздным и более чем актуальным.

В статье «...“Чему-нибудь и как-нибудь...”: современная русская литература в средней школе» критик Д. Дмитриев прослеживает историю изучения круга произведений, относившихся к кругу «современной литературы» на протяжении XIX–XX вв., и приходит к выводу, что современная литература всегда была представлена в школьной программе, менялся лишь ответ на вопрос о степени ее присутствия: «*Знакомить* или *изучать?*» [6].

Действительно, общее представление о современной литературе школьники получают. За невозможностью полноценно представить ее в рамках школьной программы некоторое время назад была предпринята попытка создания элективных курсов, т. е. курсов по выбору для мотивированных учащихся. Сейчас этот формат отошел на второй план, но подготовленные методические пособия и программы по-прежнему востребованы с точки зрения подачи материала и выбора художественных текстов для прочтения. Например, антология «Современная русская литература: 1970–1990-е гг. Книга для учителя» (2002, сост. С. Дмитренко), «Русская литература последних десятилетий. Конспекты уроков для учителя» (2007, сост. В.Г. Маранцман), учебное пособие для 11-го класса Т.Г. Кучиной «Современный отечественный литературный процесс» (2008), пособие для учащихся 10–11-х классов Н. Беляевой «Современная русская поэзия» (2011),

программа элективного курса для 10–11-х классов Б.А. Ланина «Современная русская литература» (2004, 2006, 2007). Кроме того, на открытых электронных ресурсах представлены разработки программ по современной литературе, подготовленные учителями различных региональных школ. Эти программы незначительно различаются подходом к подаче информации и выбору текстов для изучения, но каждая из них ставит целью познакомить школьников с творчеством современных авторов (преимущественно 1980–1990-х гг.) и сформировать литературный вкус у учащихся, умение самостоятельно выбирать художественные произведения для прочтения.

Чтобы определить роль и место изучения современной литературы в школе, обратимся к «Примерной основной образовательной программе среднего общего образования», в которой предполагаемые результаты обучения поделены на две группы: «Выпускник научится» («результаты, достижение которых обеспечивается учителем в отношении всех обучающихся, выбравших данный уровень обучения») и «Выпускник получит возможность научиться» («обеспечивается учителем в отношении части наиболее мотивированных и способных обучающихся, выбравших данный уровень обучения») [10: с. 22]. Каждая из этих групп, в свою очередь, делится на базовый и углубленный уровни.

В программе рекомендуемые для чтения и изучения произведения представлены в трех списках. Современные писатели входят в список С, созданный на основе историко-литературного и проблемно-тематического принципа. Список для прочтения в 5–8-х классах в интересующем нас разделе определен таким образом: «Проза и поэзия о подростках и для подростков последних десятилетий авторов — лауреатов премий и конкурсов (“Книгуру”, Премия им. Владислава Крапивина, Премия Детгиза, Лучшая детская книга издательства “РОСМЭН” и др.)» [10: с. 253]. Далее следует список авторов, чьи произведения скорее относятся к жанру подростковой беллетристики, а во главу угла поставлено не столько знакомство с современной литературой, сколько (и это целесообразно с точки зрения возраста читателей) степень увлекательности (приключенческий, социальный и другие аспекты).

Для прочтения в 10–11-х классах предлагаются следующие произведения: Б. Акунин «Азазель»; С. Алексиевич «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики»; стихотворения, рассказы и лекции о русской литературе Д.Л. Быкова; Э. Веркин «Облачный полк»; Б.П. Екимов «Пиночет»; А.В. Иванов «Сердце Пармы», «Золото бунта»; В.С. Маканин «Кавказский пленный»; В.О. Пелевин «Затворник и Шестипалый», «Жизнь насекомых»; М. Петросян «Дом, в котором...»; Л.С. Петрушевская «Новые робинзоны», «Свой круг», «Гигиена»; З. Прилепин «Санька»; В.А. Пьецух «Шкаф»; Д.И. Рубина «На солнечной стороне улицы», «Я и ты под персиковыми облаками»; О.А. Славникова «Сестры Черепановы», «2017»; Т.Н. Толстая «Поэт и муза», «Серафим», «На золотом крыльце сидели», «Кысь»; Л.Е. Улицкая «Сонечка»; Е.С. Чижова «Крошки Цахес» [11: с. 248–249].

Выделим ряд проблемных вопросов, связанных с изучением современной литературы. Первый из них — вопрос о количестве часов, отведенных на предмет. На наш взгляд, эту дисциплину можно с успехом вынести во внеурочную и даже внешкольную деятельность — например, предлагая ученикам обсуждать прочитанное посредством интернет-ресурсов (форумы, группы в социальных сетях, чаты). Этот процесс может быть реализован силами самих учеников: они могут самостоятельно выбрать удобную платформу, установить правила взаимодействия и продумать все необходимые для продуктивного и комфортного обсуждения нюансы.

Второй вопрос касается границ современной литературы и задач ее изучения в школе. Ответ на него зависит от цели, которую мы ставим перед собой: охарактеризовать некий хронологический период в истории литературы или сформировать интерес к текущему литературному процессу?

В связи с вышесказанным целесообразным представляется еще один путь, который условно можно назвать *ретроспективным* или *актуализирующим*. Его суть заключается в том, что в процессе знакомства с современной литературой школьникам предлагаются для дополнительного прочтения произведения писателей предшествующих периодов (от наиболее близких к современности до более отдаленных). Такой подход позволит не только проследить развитие и трансформацию идей, но и выявить истоки художественных процессов в современной словесности, а также поможет преодолеть сложившийся в восприятии читателей разрыв между классической литературой и новейшей.

Обратимся к рассказам Вяч. Пьецуха «Шкаф» и О. Славниковой «Сестры Черепановы», рекомендованным для прочтения в 10–11-х классах [11: с. 249], и рассмотрим их в русле предложенного подхода.

Анализируя с учениками рассказ «Шкаф» (1997), важно выявить исторический контекст основных событий произведения, раскрыть глубину авторского замысла. Рассказ начинается с истории шкафа, который «долгое время числился по бутафорскому цеху Орловского драматического театра имени Тургенева и преимущественно играл в пьесе “Вишневый сад”». В основе сюжета лежит ситуация замещения: героиня перестает жить так, как все, включая и соседей по коммунальной квартире, и переселяется в шкаф. Шкаф уже в прошлой своей «жизни» в театре выполнял заместительную функцию: «обыкновенный, двустворчатый, орехового дерева... был он не книжный, как следовало у Чехова, а платяной». Но ему пририсовали масляной краской решетчатые окошки «и зрители фальши не замечали» [2]. После пятнадцатилетней службы в театре шкаф в 1948 г. был подарен актрисе Ольге Чумовой в связи с двадцатилетием ее сценической деятельности.

Следуя за развитием сюжета, — на первый взгляд, достаточно незатейливого — школьники обратят внимание на то, что шкаф заменяет для героини весь мир и на фоне шкафа воссоздается история людей. «Изнутри шкаф оказался на удивление поместительным <...>. На задней стенке имелось

созвездие загадочных дырочек таинственного происхождения, похожее на созвездие Близнецов» [2]. Ольга обнаружила в шкафу еще одного обитателя — паучка, «к которому у нее сразу возникло некоторым образом коммунальное отношение, т. е. отношение одновременно товарищества и разлада» [2]. Авторская ирония направлена на создание картины абсурдного существования жильцов коммунальной квартиры № 4, в которой из-за «ненормальной слышимости и случилась история», связанная с арестом мужа Ольги по доносу соседа. Абсурдным оказался и повод ареста: за вечерним чаем Марк «осмелился критически высказаться о характере войны 1812 года в изображении Л.Н. Толстого в “Войне и мире”» [2].

В рассказе Вяч. Пьецуха речь идет о событиях 1950-х гг., но для современных молодых людей коммунальные квартиры и сталинские репрессии являются скорее чем-то абстрактным, ушедшим в прошлое, о чем они имеют смутное представление. Поначалу легкость авторского слога, ирония, динамика сюжетного действия могут ввести читателя в заблуждение относительно жанровой разновидности произведения как «смешного случая», однако завершение истории ареста мужа Ольги Чумовой переводит повествование в иную — драматическую — плоскость, подается документально точно и лаконично, лишено иронического подтекста: «...Увели его, бедолагу, год держали в тюремной камере, осудили за участие в подпольной фашистской организации и упекли в колымские лагеря. Там он как в воду канул, ни слуху ни духу не было о нем до самого освежающего 1956 года, когда Ольга Чумовая получила из областного отдела госбезопасности свидетельство о смерти ее супруга от воспаления легких и справку, извещающую о том, что за отсутствием состава преступления дело гражданина Чумового производством прекращено» [2]. Так, в рассказе реализуются мотивы «подмены» (приговора), «замещения» (подлинное/фальшивое, правда/ложь), приобретающие в контексте произведения онтологический смысл.

Пережитое героиней понятно взрослому читателю, однако для школьников контекст политической жизни страны середины XX в. не актуализирован. Учителю необходимо нацелить их на исследование исторических реалий описываемых в рассказе событий, на понимание психологии человека, живущего во времена репрессий в атмосфере постоянного страха. В качестве дополнительных источников можно рекомендовать роман О.А. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (1999), в котором речь идет о том, как репрессии и войны отразились на судьбах последующих поколений; повесть Л.К. Чуковской «Софья Петровна» (1965), время написания которой приходится на период «оттепели», возвращения и невозвращения репрессированных.

Рассказ О. Славниковой «Сестры Черепановы» (2008) был написан на основе научных и документальных источников, «автор перерыл научные статьи, видел любительские съемки, беседовал с очевидцами», поэтому жанр рассказов, представленных в сборнике «Любовь в седьмом вагоне», писательница определяет как «достоверную фантастику» [3: с. 7]. При чтении рассказа стоит обратить внимание на личности отца и сына Черепановых, на темы изобретательства и русских

умельцев, значительно опередивших свое время, сопоставить рассказ с описаниями паровозов в других литературных произведениях (стихотворение «Железная дорога» Н.А. Некрасова, пьеса А.С. Островского «Гроза» и др.).

Если же говорить о круге затрагиваемых в рассказе проблем, то можно предложить учителю обратиться к вопросам профессиональной, научной этики. Это может быть разговор и о работе продюсера (по сюжету, именно с появлением съемочной бригады просыпается интерес местной администрации к восстановленной сестрами железной дороге, что и приводит к ее демонтажу); и о том, что сами сестры изначально нашли применение своим техническим способностям в сфере нестандартной, но весьма востребованной в деревенской жизни, — в восстановлении испорченных самогонных аппаратов, что поддерживало алкоголизм среди мужского населения.

Рассматривая вопросы профессиональной этики в рассказе О. Славниковой, можно провести параллель с рассказом С. Василенко «Город за колючей проволокой», в котором есть эпизод с режиссером, снимающим фильм о закрытом военном городке. Желая развлечь зрителя провокацией, он задумывает «гадость» [1: с. 199]: в качестве одного из героев фильма избирает мальчика с синдромом Дауна, предлагая девочкам, играющим с особым ребенком, начать его обзывать. «Гадость» в результате приводит к серьезному конфликту, разрыву дружбы, к разрушению отношений, сложившихся между детьми.

Еще одна проблема, затронутая в рассказе О. Славниковой, — бессилие обычного человека перед лицом власти, бюрократии. Эпизод, связанный с появлением милиционера, перекликается с рассказом А.П. Чехова «Злоумышленник». Только у О. Славниковой «злоумышленница» Фекла прекрасно понимает, что «ежедневное прибытие в район самодельного, нигде не зарегистрированного транспортного средства нарушает какой-нибудь закон, а если даже нет — все равно нарушает ход вещей, по которому живут остальные нормальные люди, не изобретающие паровозов» [3: с. 282]. Обвинение, предъявленное изобретательнице, куда абсурднее: «Вы построили а-гра-амадный самогонный аппарат на колесах и возите его по всему району, вроде рекламы», причем для этого правонарушения даже нет уголовной статьи («Раньше за это была статья сто пятьдесят восьмая Уголовного кодекса. Сейчас этой статьи нету...» [3: с. 290]), но тут же находится другая, «за производство несертифицированного товара» [3: с. 291]. В этой связи можно вспомнить «Дубровского» А.С. Пушкина, «Шинель» Н.В. Гоголя и задать учащимся вопрос: если проблема злоупотребления властью столь актуальна и сегодня, то о чем это говорит — о бессилии литературы повлиять на жизнь или о неразрешимости самой проблемы? В прозе современных писательниц проблемы бюрократии и злоупотребления властью осмысливаются на различном материале (рассказы «Восковая даль» И. Полянской, «Город за колючей проволокой» С. Василенко и др.).

Среди злободневных социально-психологических проблем современные авторы избирают и проблему алкоголизма. Так, в рассказе О. Славниковой речь идет об алкоголизме родителей, чьи дети вынуждены слишком рано становиться

взрослыми, брать на себя тяготы по обеспечению семьи. Отец сестер Черепановых однажды попал «в колонию за пьяную драку и нанесение увечий средней тяжести», а после смерти жены «исчез окончательно». После этого старшая, талантливая Фекла, которой прочили научную карьеру и которую ожидали в двух университетах, «стала мамкой и для маленькой Машки, и для трех младших братьев» [3: с. 257] и, «конечно, никуда не поехала» [3: с. 265].

Эта проблема затрагивается и в рассказе Н. Ключаревой «Юркино Рождество» (2009). Юрка, герой рассказа, с детства натерпевшийся от пьянства родителей, повзрослев, однажды меняет замок в двери, благодаря чему получает возможность самостоятельно устраивать собственную жизнь. Чтобы полностью стереть память о прошлом, в 16 лет он меняет фамилию и отчество (становится вместо Кривова Юрьевым).

В контексте рассматриваемой проблемы можно провести параллель с классической литературой и вспомнить о Мармеладове из романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского (из-за алкоголизма отца дочь вынуждена зарабатывать на жизнь проституцией). Или менее известный пример: повесть С.П. Соболевой «История Поли» [4], впервые опубликованная за несколько месяцев до романа Достоевского, в том же 1866 г. Алкоголизм отца, чиновника четырнадцатого класса, становится причиной постоянных насмешек над двумя сестрами, Полей и Машей, которые из-за нужды вынуждены постоянно думать о заработке. И если у старшей, Поли, появилась возможность учиться и стать впоследствии гувернанткой, то младшая, Маша, девочка лет восьми, вынуждена помогать мачехе-портнихе. Вскоре младшая серьезно заболевает и умирает.

Итак, знакомство с современной литературой в школе может способствовать активизации интереса учеников к прочитанным произведениям классиков, пониманию того, что литературное наследие прошлых эпох не только не теряет своей актуальности, но и гораздо больше связано с современностью, чем это кажется на первый взгляд. Более глубоким может стать понимание сути терминов «вечные проблемы» или «вечные темы», к которым часто обращаются в школьном курсе литературы. «Вечные проблемы» — не те, которые не решаются и не требуют решения, а те, осмысление которых привлекает писателей разных поколений.

Надо отметить, что возможности предлагаемого подхода позволяют говорить о работе не только с мотивированными, одаренными или выбирающими для себя филологическое образование учениками. Чтение под другим углом зрения дает возможность обсуждать на примере прочитанных книг широкий круг социальных, психологических, нравственных, этических и прочих проблем, что может оказать непосредственное влияние на профессиональное и личностное становление выпускников.

Процесс изучения литературы, таким образом, может стать двунаправленным: изучая современную литературу, мы рассматриваем предшествующую с новых позиций и открываем ее новые смыслы и забытые имена; а открытие нового в прошлом поможет расставить акценты, незаметные при ознакомительном прочтении.

Библиографический список

Источники

1. *Василенко С.* Город за колючей проволокой // Дневные и утренние размышления о любви. М.: Союз российских писателей, 2016. С. 184–206.
2. *Пьецух В.А.* Шкаф [Электронный ресурс] // Новый мир. 2007. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/2/pjezuh.html (дата обращения: 27.05.2017).
3. *Славникова О.* Сестры Черепановы // Любовь в седьмом вагоне: Рассказы. М.: АСТ : Астрель, 2009. С. 256–296.
4. *Соболева С.П.* История Поли // Свидание: Проза русских писательниц 60–80-х годов XIX века / сост., авт. вступ. статьи и примеч. В. Ученова. М.: Современник, 1987. С. 281–362.

Литература

5. В пространстве художественного текста [литература XX–XXI вв.]: малые эпические и лирические формы на уроках литературы в средней школе: учеб.-метод. пособие / ред. коллегия: А.И. Смирнова, Э.Ф. Шафранская [отв. ред.]. М.: МГПУ, 2015. 180 с.
6. *Дмитриев Д.* «...Чему-нибудь и как-нибудь...»: современная русская литература в средней школе [Электронный ресурс] // Новый мир. 2002. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/2/dmit.html (дата обращения: 22.05.2017).
7. Русская литература на рубеже XX–XXI веков / сост. Е. Погорелая, И. Шайтанов. М.: Журнал «Вопросы литературы», 2011. 336 с.
8. *Романова Г.И.* Ближе к классике! (Обсуждение «примерной основной образовательной программы по литературе для 10–11 классов» на кафедре русской литературы ИГН) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2 (22). С. 93–100.
9. *Смирнова А.И.* Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 8–15.

Справочные и информационные издания

10. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования. 2016. 569 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2015/07/Primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
11. Примерная основная образовательная программа основного общего образования. 2015. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2015/06/primernaja-osnovnaja-obrazovatel'naja-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

References

Istochniki

1. *Vasilenko S.* Gorod za kolyuchej provolokoj // Dnevny'e i utrennie razmy'shleniya o lyubvi. M.: Soyuz rossijskix pisatelej, 2016. S. 184–206.
2. *P'eczux V.A.* Shkaf [E'lektronny'j resurs] // Novy'j mir. 2007. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/2/pjezuh.html (data obrashheniya: 27.05.2017).

3. *Slavnikova O.* Sestry' Cherepanovy' // Lyubov' v sed'mom vagone: Rasskazy'. M.: AST : Astrel', 2009. S. 256–296.

4. *Soboleva S.P.* Istoriya Poli // Svidanie: Proza russkix pisatel'nicz 60–80-x godov XIX veka / sost., avt. vstup. stat'i i primech. V. Uchenova. M.: Sovremennik, 1987. S. 281–362.

Literatura

5. V prostranstve xudozhestvennogo teksta [literatura XX–XXI vv.]: maly'e e'picheskie i liricheskie formy' na urokax literatury' v srednej shkole: ucheb.-metod. posobie / red. kollegiya: A.I. Smirnova, E'.F. Shafranskaya [otv. red.]. M.: MGPU, 2015. 180 s.

6. *Dmitriev D.* «...Chemu-nibud' i kak-nibud'...»: sovremennaya russkaya literatura v srednej shkole [E'lektronny'j resurs] // Novy'j mir. 2002. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2002/2/dmit.html (data obrashheniya: 22.05.2017).

7. Russkaya literatura na rubezhe XX–XXI vekov / sost. E. Pogorelaya, I. Shajtanov. M.: Zhurnal «Voprosy' literatury'», 2011. 336 s.

8. *Romanova G.I.* Blizhe k klassike! (Obsuzhdenie «primernoj osnovnoj obrazovatel'noj programmy' po literature dlya 10–11 klassov» na kafedre russoj literatury' IGN) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2 (22). S. 93–100.

9. *Smirnova A.I.* Lokus doma v sovremennoj russoj proze // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 8–15.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma srednego obshhego obrazovaniya. 2016. 569 s. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2015/07/Primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya.pdf> (data obrashheniya: 15.06.2017).

11. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma osnovnogo obshhego obrazovaniya. 2015. 560 s. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2015/06/primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-osnovnogo-obshhego-obrazovaniya.pdf> (data obrashheniya: 15.06.2017).

A.I. Smirnova,

O.V. Gavrilina

Modern Literature in the System of School Education and Extracurricular Reading

The authors analyze the current programs of secondary compulsory and general compulsory education, reveal aspects of learning literature of the late XX – early XXI century at school, and examine the programs of elective courses on contemporary literature. They propose a new approach to learning contemporary literature, which helps foreground works of previous periods. Model perusal of two works is suggested.

Keywords: contemporary literature; periodization; educational standards; V. Pietsukh; O. Slavnikova.

Э.Ф. Шафранская

Внеклассное чтение: роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы»

В статье рассматривается роман Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», рекомендуемый для изучения на уроках внеклассного чтения в 10–11-х классах средней школы. Анализируется заглавие романа, прослеживаются темы таланта, города-вавиллона, карнавальной культуры.

Ключевые слова: заглавие; талант; город; карнавал.

В «Примерной основной образовательной программе среднего общего образования»¹ (2016), одобренной решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, целью учебного предмета «Литература» названо формирование культуры читательского восприятия и достижение читательской самостоятельности обучающихся, основанных на навыках анализа и интерпретации литературных текстов. Одна из задач учебного предмета «Литература» — овладение навыком анализа текста художественного произведения. Анализ, помимо прочего, включает в себя умение выделять основные темы произведения, определять его проблематику, место, время и способ изображения действия, сопоставлять прямой и переносный планы текста, умение видеть подтексты. Согласно списку С для внеклассного чтения учащимся 10–11-х классов предлагается ознакомиться с романом Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» (2006). Сделанные в настоящей статье аналитические акценты помогут учителю-словеснику организовать работу над произведением.

Заглавие романа отсылает к английской песне 1930-х гг. «On the Sunny Side of the Street». Аутентичный англоязычный вариант песни² был популярен среди советских меломанов 1930–1950-х гг.³ А в заглавии романа о Ташкенте увековечен русский перевод песни «На солнечной стороне улицы». Вера Щеглова, героиня романа, в детстве слышит эту песню и, не понимая слов, чувствует ее настроение: «Низкий мужской голос напевал-проговаривал беззаботную песню, и целая картина возникала от слияния его хрипловатого тембра, ритмично раскованной музыки и незнакомых слов чужого языка...»

¹ Примерная основная образовательная программа среднего общего образования. 2016. URL: <http://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2015/07/Primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya.pdf>.

² Музыка Дж. Макхью, стихи Д. Филдс.

³ Г. Винокурова и Г. Вайнштейн — авторы перевода, сделанного в 1999 г.

[4: с. 273]. Повзрослев и уже находясь далеко от той *солнечной стороны улицы*, она вновь слышит ту песню — «только сейчас Вера понимала — *про что она...*» [4: с. 403].

Выражение *солнечная сторона улицы*, став заглавием романа Рубиной, уже давно опознается как прецедентное в русской литературе о Ташкенте. Так, в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» топоним Ташкент не назван ни разу. Тем не менее *солнечная сторона улицы*, наряду с другими приметными топонимами, ассоциируется с Ташкентом: «Олег <Костоготов> шел *по солнечной стороне* около площади, шурился и улыбался солнцу» [6: с. 380]. Да и сама англоязычная песня созвучна тому этапу в жизни героя Солженицына, когда он вдруг ощутил новое рождение.

Роман «На солнечной стороне улицы» раскрывает множество тем: художник и власть, художник и время, гений и злодейство, эвакуация 1940-х годов, любовь, дружба и предательство, искусство и псевдоискусство, дом и бездомье, город. Остановимся на некоторых темах.

Практически во всех произведениях Д. Рубиной встречается *персонаж, так или иначе связанный с творчеством*: художник, артист, писатель, скульптор, режиссер — собственно творец, или же персонаж, страдающий от творческой несостоятельности, или обывательски ориентированный на «художество», не будучи способным к творчеству. Тема творческой личности, таким образом, одна из главных в прозе Рубиной, а в метатексте присутствует *главный творец*, заведующий «небесным путевым ведомством» [4: с. 72]. Мифологема взаимоотношений творческой личности со временем (с властью, модой, толпой) — одна на все времена. Истинному художнику важнее всего: счастья, семьи, уюта, покоя — извечных субстанций блага — возможность отдалиться своему ремеслу без остатка. «...Зависимость художников от дворцов, похоже, остается все той же, вне связи от смены империй и валют...» [4: с. 371].

Искусство в художественном мире Рубиной — высшая ценность. У всех «меченных» талантом персонажей сложная судьба, странная, ненормальная — с точки зрения обыденности. Скульптор Анна Борисовна из повести «На Верхней Масловке» прожила длинную творческую жизнь, но не сумела построить отношений с родными. Петр из той же повести — одинокий и бездомный, бездейтельностью похоронивший свой талант. Люсио из повести «Последний кабан из лесов Понтеведра» — талантливый шут с несчастной личной жизнью. Преподаватель Гольдрей из романа «На солнечной стороне улицы» был «человеком ядовитым и одиноким» [4: с. 70]. Еще в юности начинающую художницу Веру Щеглову предупредили: «привыкай к одиночеству. Это надолго, на всю жизнь. <...> Потому что, как всякий художник, ты будешь невыносима. Ты и так не сахар, а будет и хуже. Профессия эта не галантная...» [4: с. 65]. Вера слыла неприветливой, «неулыбой», «волчонком», потому что привычные этикетные мины и реверансы не даны ей автором не только по причине воспитания или его отсутствия, для них нет места в парадигме таланта, а все, что есть, направлено в одну сторону — творчества.

Художник доверяет в жизни (а жизнь для него — ремесло) не обывательской мудрости, а своим пальцам, глазам. Вера Щеглова «и потом будет так же вынашивать картины — сначала бесцельно кружа по дому, машинально касаясь рукой предметов, пробуя поверхность на ощупь, словно бы знакомясь с неведомым веществом мира, незнакомым составом глины... Наконец ложилась, заваливалась, как медведь в берлогу, закукливалась, как бабочка в коконе» [4: с. 60].

«...Не очень-то у тебя чистая работа...» [4: с. 63], — говорит ей мать, тоже талантливая, но по-иному. Ее называли артисткой, Катькой-артисткой. У нее был талант перевоплощения: прикидывалась, представлялась, страдала, когда рядом был зритель. На базарной толкучке Катька разыгрывает горе, продавая якобы семейную реликвию, надувая публику. Но она не притворялась — она верила в свою роль; мысленно представляя маму, их квартиру, «она вдохновенно плакала настоящими слезами о своей судьбе только здесь, *работая*. Никогда — наедине с собой» [4: с. 104]. Талантливая в своем преступном ремесле, Катька была бездарна в реальной жизни, став врагом своей дочери, убийцей своего сожителя, да и не только его.

Рубина наделяет талантом *особенных* людей, *обреченных быть другими*, не такими, как их окружение. «...Жалкое существо, угнетенное служением прекрасному искусству, будь оно проклято...» [4: с. 198], — сказано о Вере Щегловой, alter ego автора. Эти слова звучат как приговор, выносимый Рубиной любой творческой личности, обреченной, а потому счастливой — по иной, неземной шкале ценностей.

Цикл романов Рубиной о творчестве («Почерк Леонардо», «Синдром Петрушки», «Белая голубка Кордовы») *предлагает разные грани «злодейства»* в сочетании с талантом, высокими и низменными чувствами и страстями.

В романе «На солнечной стороне улицы» воссоздан город Ташкент периода Великой Отечественной войны (помимо прочих временных промежутков), эвакуации со всех концов страны, когда в город прибыли не только бездомные и голодные, но и рафинированная публика: писатели с семьями, ученые, артисты. Город был превращен в спасительный локус. Здесь находят приют Анна Ахматова; Н.Я. Мандельштам и Е.С. Булгакова, вдовы знаменитых писательниц; С. Михоэлс, Н. Погодин, И. Уткин; ученые-литературоведы В.М. Жирмунский, В.Ф. Шишмарев, Б.С. Мейлах, Е.М. Мелетинский, И.З. Серман и др.

Начиная с XIX в. Ташкент в русской культуре отмечен как *город хлебный* — так называется повесть Александра Неверова (1921), в которой описано путешествие подростков в Ташкент за хлебом: «Вышел на улицу Мишка, мужики Ташкент поминают. Хлеб очень дешевый там, только добраться трудно» [2: с. 177]. Все на один лад говорят о невысоких ценах, о райской ташкентской жизни — Мишка уже представлял себя в этой сказке: виноградные сады, набитые уроком карманы. О том же вспоминает Е.М. Мелетинский (впоследствии выдающийся литературовед), оказавшийся во время войны

в Ташкенте: «Цветущая земля... обеспечивала и несколько большую сытость по сравнению с большинством других мест. В городе было пять или шесть богатых и пестрых восточных базаров, где можно было за деньги купить все, начиная с бесконечных и разнообразных ароматных овощей и фруктов, всевозможных окороков, плова, баранины вплоть до засекреченных билетов, заготовленных для школьных экзаменов. Фрукты в сезон стоили дешево и очень нас поддерживали» [1: с. 512].

Эта грань Ташкента — спасительная — одна из главных в романе Д. Рубиной. Город изображен как Вавилон, культуру которого отличало смешение языков, обрядов, ментальностей. Рассказчица ностальгирует по этому городу, как по затонувшей Атлантиде. Ушедший Ташкент воспроизведен памятью не только автора, но и бывших жителей города, как субъективированных, так и существующих в рубинском повествовании в виде безымянных голосов, — некоего фольклорного автора⁴. Этот хор представлен в романе разными «этносомами, нациями и народностями» [4: с. 336], что давало, по словам рассказчицы, знание о том, что люди могут быть *другими*, однако надо уметь *сосуществовать* — на этом и стоит жизнь [4: с. 336]. В другом произведении Рубиной рассказчица говорит о своем школьном классе, который был «ковчегобразен...» [5: с. 145].

В изображении ташкентского Вавилона автор не придерживается строгой хронологии — она для автора не важна. «...Не существует хронологии в том океане, куда навеки погружаются города...» [4: с. 228], — заключает рассказчица. Повествование представлено в виде фольклорного дискурса, который напоминает альбом с фотографиями. Стопками сложены снимки разных лет: это и до боли знакомые лица, и давно забытые, с трудом вспоминаемые. На «фотографиях» Вавилона запечатлен Ташкент, переживший экстремальные вехи империи: тридцатые годы, военная и послевоенная пора, всесоюзная стройка после землетрясения 1966 г.

В самом символе «Вавилон» присутствует смысл разрушения, в контексте романа — грядущего исхода: поначалу город был наводнен странными пришельцами: нищими доходагами-дворянами, белогвардейскими китайцами, отсидевшими в лагерях профессорами [4: с. 365–366]; потом город начал пустеть [4: с. 356] — вавилонообразный город шел к своему финалу. «...Особо-то слезы лить по нашей рухнувшей вавилонской башне смысла я не вижу» [4: с. 362], — итожит рассказчица.

Тоска по родному городу, по дому — свойство иммигрантского дискурса, утверждают исследователи устных нарративов; город, идеализированный в сознании, ассоциируется с царством мертвых [8: с. 309]. Поэтому в структуре романа значима категория времени: был город — не стало города — основной

⁴ Современная фольклористика рассматривает фольклор не только как явление коллективной культуры. Фольклорный дискурс обнаруживается в границах микрокоммуникативного или персонального дискурса [7: с. 60]. Фольклор может носить характер индивидуального нарратива, связанного с событием, местом, к которым имеют отношение многие люди.

мотив романа «На солнечной стороне улицы». В интервью по выходе книги Дина Рубина сказала: «...если бросить взгляд назад, в века, то в глазах замельтешит от смены империй, народов, границ... кто может предсказать, сколько просуществует та или иная страна, народ? Об этом ведь, собственно, и написан мой роман» [9].

Топоним *Ташкент* в переводе означает «каменный город»: было время разбрасывания камней, настало время их собирания — основной посыл произведения. Прошедшее время Ташкента метафоризировано в романе «колодец памяти» [4: с. 310], «компостом памяти» [4: с. 285]. В этих метафорах заложены интенции: не только оплакать город, которого нет, но и создать языком литературы и фольклора прецедент запоминания, нарисовать историко-культурный этюд своеобразной цивилизации, специфического этноса — процветавшего и вдруг исчезнувшего. Почему? Ответ на этот вопрос не в компетенции литературы, писателя, эта область — «таинственный лес человеческой памяти» [4: с. 321].

Память рассказчицы воспроизводит картину города-карнавала. Автор повествования — участница этого травестированного действия: «...с детства я рассматриваю жизнь как вереницу неких сцен. И поскольку в сценах приходится принимать участие, я одновременно становлюсь и зрителем, то есть наблюдаю развитие действия таким, каким мне его предлагают автор пьесы и актеры» [4: с. 204]. Без клоунов и монстров карнавал немислим — ими населен рубинский Ташкент: трансвестит Маруся, шлимазл Роберто Фрунсо, стилиста Хасик Коган, баскетболистка-великанша — все они стекаются в эпицентр рубинского карнавала — Сквер революции, гений места Ташкента. Здесь сфокусированы этапы исторического карнавала: первоначальная фигура первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана сменяется фигурами Ленина, Сталина, Маркса и промежуточными пропагандистскими бесперсональными изображениями, уступив, наконец, место нынешней фигуре, Амиру Темуру, — карнавальные «одежды», по сообщению старожилов города, сменяются быстро, главное — успеть влиться в праздник и озадачить метаморфозой. Городу-карнавалу ничего не стоит превратить милиционера, литературного персонажа, в свободную женщину Востока; ее же, жившую прежде по законам шариата, сделать секретарем партиячейки; бабушку — травестировать в аксакала [3: с. 260]. «...Дядь Миш, но ведь Мао Цзе-дун — наш друг? Он страдальчески морщится: Ну... да, Веруня... это — для школы... Но, конечно же, — нет, Веруня... какой он тебе друг? Бандит, негодяй, узурпатор...» [4: с. 262] — такая «дорожная карта» карнавала, срежиссированная в романе Рубиной, — свойство советской мифологии повседневности вообще.

«Обнимитесь, миллионы!» — так названа одна из картин Веры Щегловой. В контексте романа название читается как призыв ко всем жившим и не жившим в Ташкенте, простым обывателям и наделенным властью, идолам и их прототипам — реальным людям, тотемизированным историей. Это — антилозунг, ответ официозу, любому, всех времен. Картина «Обнимитесь, миллионы!» — апофеоз Вериного творчества, в названии закодирована авторская

позиция, чувство к своим бывшим и нынешним соплеменникам (не случайно Вера не желает комментировать так и непонятое окружающими название), к Ташкенту, который рассеялся по миру, но бесконечно притягивает к себе живших в нем.

«Я шла, и все было по пути, все кстати, все двигалось со мною, вдоль и обочь меня, словно я стала осью, вокруг которой нарастал мой собственный, давно утонувший, город. Он собирался, восстанавливался, восставал из выцветших картинок моей безалаберной памяти, как восстанут в будущем мертвые из маленькой, но нетленной косточки» [4: с. 428].

И они, герои романа, восстали: и Миша-бедоносец, и Стасик-кентавр, и Лагманщик на Алайском, и острословы в чайхане — и весь затонувший город, благодаря мессианской сути творчества: художнического и писательского ремесла.

Названия картин героини-художницы Веры Щегловой феноменальны тем, что в них словами-сигналами представлена вся история города, периода расцвета и заката. В них зафиксированы самые яркие и значимые локусы города, местный гастрономический артефакт, жизнь базара, ташкентские бедолаги — наследие ссыльного статуса имперского Ташкента, городские сумасшедшие, уход близких, полиэтничность и исход — другие берега: «Сквер революции», «Купальщицы на Комсомольском озере», «Лагманщик с Алайского базара», «Аския», «Илья Иванович гадает», «Диссидент Роберто Фрунсо вручает красного петуха Барри Голдуотеру», «Танцы в ОДО», «Житие святого Миши-бедоносца», «Убегающий узник», «Умелец Саркисян», «Решение», «Сеанс черного стриптиза в Милуоки».

Тема присутствия художника на улицах города, в толпе, в водовороте мегаполиса, по мнению исследователя «искусства города» Д. Фрисби, уникальна в художественном пространстве: «Лихорадочной рукой, на бесчисленных холстах размером с фрески мы должны запечатлевать все эти восхитительные и любопытные вещи...» (Людвиг Мейднер) [11: с. 255].

Таким образом, выделяя основные темы произведения, его сюжетное и композиционное своеобразие, место и время действия, обучающиеся овладевают навыками аналитического прочтения романа. Более того, они учатся определять ту тему, которая затронула их больше всего, и обосновывать свое мнение. Так формируются *компетенции* обучающихся в области *владения мыслью* и словом (см.: [10: с. 83]). Помимо собственно знакомства с произведением современной литературы, встреча с романом «На солнечной стороне улицы» содержит побудительные метапредметные векторы: увидеть историю XX в. глазами писателя — очевидца и хроникера; познакомиться с культурой многоэтнической страны.

Библиографический список

Источники

1. Мелетинский Е.М. Избр. ст. Воспоминания / отв. ред. Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1998. 576 с.
2. Неверов А.С. Ташкент — город хлебный // Неверов А.С. Ташкент — город хлебный. Гуси-лебеди: рассказы, повести, роман. М.: Правда, 1989. С. 177–286.
3. Рубина Д.И. Камера наезжает!.. // Рубина Д.И. Последний кабан из лесов Понтеведра: роман, повесть. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 219–316.
4. Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы: роман. М.: Эксмо, 2006. 432 с.
5. Рубина Д.И. Чем бы заняться? Сб. рассказов. СПб.: Ретро, 2002. 273 с.
6. Солженицын А.И. Раковый корпус: повесть // Солженицын А.И. Малое собр. соч.: в 7 т. Т. 4. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 416 с.

Литература

7. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство–СПб., 2001. 438 с.
8. Еленевская М., Фиалкова Л. Русская улица в еврейской стране: Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Тишков. Ч. I. М.: РАН, 2005. 356 с.
9. Копылова В. Дама с прозой в руках // Московский комсомолец. 2006. 8 июня.
10. Романичева Е.С., Горелкина А.В. «Возвращенное» сочинение: итоги проверки и «перспективы» оценивания // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2. С. 78–86.
11. Фрисби Д. Разрушение города: Социальная теория, мегаполис и экспрессионизм // Логос. 2002. № 3–4. С. 252–284.

References

Istochniki

1. Meletinskij E.M. Isbr. st. Vospominaniya / отв. red. E.S. Novik. M.: RGGU, 1998. 576 s.
2. Neverov A.S. Tashkent — gorod xlebny'j // Neverov A.S. Tashkent — gorod xlebny'j. Gusi-lebedi: rasskasy', povesti, roman. M.: Pravda, 1989. S. 177–286.
3. Rubina D.I. Kamera naeszhaet!.. // Rubina D.I. Poslednij kaban is lesov Pontevedra: roman, povest'. SPb: Simposium, 2000. S. 219–316.
4. Rubina D.I. Na solnechnoj storone ulicy': roman. M.: E'ksmo, 2006. 432 s.
5. Rubina D.I. Chem by' zanyatsya? Sb. rasskasov. SPb.: Retro, 2002. 273 s.
6. Solzhenicin A.I. Rakovy'j korpus: povest' // Solzhenicin A.I. Maloe sobr. soch.: v 7 t. T. 4. M.: INKOM NB, 1991. 416 s.

Literatura

7. Bogdanov K.A. Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti. SPb.: Iskusstvo–SPb, 2001. 438 s.
8. ELenevskaya M., Fialkova L. Russkaya ulicza v evrejskoj strane: Issledovanie fol'klora emigrantov 1990-x v Izraile: v 2 ch. / отв. red. V.A. Tishkov. Ch. I. M.: RAN, 2005. 356 s.

9. *Kopy'lova V.* Dama s prozoi v rukax // Moskovskij komsomolecz. 2006. 8 iyunya.
10. *Romanicheva E.S., Gorelkina A.V.* «Vozvrashhennoe» sochinenie: itogi proverki i «perspektivy» ocenivaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2. S. 78–86.
11. *Frisbi D.* Razrushenie goroda: Social'naya teoriya, megapolis i e'kspressionizm // Logos. 2002. № 3–4. S. 252–284.

E.F. Shafranskaya

Extracurricular Reading:

Novel «On the Sunny Side of the Street» by Dina Rubina

The article recommends the novel «On the Sunny Side of the Street» by Dina Rubina for extracurricular reading in Literature class in 10–11 grades of the secondary school. The emphasis is made on the title of the novel, the themes of talent, Babylon-like city and carnival culture.

Keywords: title; talent; city; carnival.

Е.В. Пряхина

Фреймовый подход при анализе слота «Преподаватели/Enseignants»

В статье рассматриваются особенности семантики лексем, входящих в слот «Преподаватели/Enseignants», во французском и русском языках. Фреймовый подход позволяет привлечь лингвистическую и экстралингвистическую информацию для семантического моделирования лексических единиц, а также для выявления национальной специфики семантических признаков, полученных путем компонентного анализа.

Ключевые слова: фрейм; слот; фреймовый анализ; компонентный анализ.

В настоящее время одним из наиболее эффективных приемов изучения принципов организации знаний в языковой системе является фреймовый подход, который развивали Ч. Филлмор [12], Т.А. ван Дейк [8], Дж. Лакофф [16], Ю. Чарняк [13] и др.

Понятие *фрейм* (от *англ.* frame — рамка, каркас) было введено американским ученым М. Минским, исследовавшим в 1974 г. искусственный интеллект [11: с. 27], и подразумевало структуру данных, представлявших стереотипную ситуацию. Сегодня однозначного определения этого понятия нет. Оно используется во многих областях: в вычислительной технике, лингвистике, философии, психологии, социологии, культурологии.

В когнитивной лингвистике под *фреймом* понимают способ организации представлений, хранимых в памяти, формализованную модель для отражения действительности. В структуру фрейма, который соотносится с невербальной сферой, можно проникнуть только путем анализа лексических единиц языкового уровня. При этом каждая языковая единица соотносится как минимум с одним фреймом.

Фрейм имеет иерархическую структуру:

- 1) имя фрейма — *образование*;
- 2) слоты (характеристики/фасеты) — *учреждения, участники, приемы* и др.;
- 3) значения слотов, например, значения слота *учреждения* — *школа, университет, колледж* и т. д. Однотипные по содержанию слоты можно группировать в категории [10: с. 152]. Слоты являются ячейками, которые могут быть заполнены различными группами слов, представляющими потенциальные возможности языковой актуализации фрейма.

Слот *участники образования* включает в себя две группы разных субъектов образовательной деятельности: *учащихся* и *преподавателей*.

Цель данного исследования — моделирование слота «Преподаватели/ Enseignants», анализ его семантических признаков и установление сходств и различий лексических единиц, входящих в данный слот. Задачи исследования — рассмотрение лексического значения единиц, выявление специфики языкового выражения.

В качестве материала для исследования использованы единицы, выявленные в толковых, синонимических, отраслевых словарях, словарях неологизмов, заимствований, официальные документы и материалы СМИ. Основным критерием отбора лексических единиц является семантический критерий, сущность которого заключается в выделении семантического признака, общего для определенной группы лексических единиц [9: с. 15].

Методом сплошной выборки и методом цепочки словарных дефиниций выявлены лексические единицы, вербализующие понятие «Преподаватель/ Enseignant». В ходе компонентного анализа, который был разработан В. Гуденафом и Ф. Лаунсбери в конце 50-х гг. XX в., а применен французскими учеными Б. Потье [17], А.Ж. Греймас [15], Р. Галиссоном [14], разграничены значения семантически близких слов. В зависимости от основных смысловых различительных элементарных значений (дифференциальных сем — *S*) у лексических единиц обоих языков можно выделить 14 основных сем:

*S*₁ Официальное название в зависимости от направления обучения и сферы образования. Обучение спорту: *entraîneur, instructeur, moniteur; тренер, инструктор*. Религиозное обучение: *catéchiste, scolastique, recteur (m); вероучитель, проповедник*.

*S*₂ Воспитание учеников, выполнение функций наставника и советчика (*formateur, pédagogie, класный руководитель, научный руководитель, куратор, тьютор, вожатый, класнуха...*).

*S*₃ Выполнение функций административного надзора (*inspecteur, censeur (m), surveillant, survé, pion, proviseur (m), préfet (m) des études, дежурный учитель...*).

*S*₄ Выполнение функций руководителя (*surveillant général, surgé (m), doyen, président de l'université, directeur, principal, titulaire de chaire; директор, руководитель, декан, ректор, проректор, заведующий кафедрой...*).

*S*₅ Преподавательский состав (*corps (m) enseignant, équipe (f) éducative; преподавательский состав, педагогический коллектив*).

*S*₆ Выполнение функций помощника преподавателя (*assistant, stagiaire, sous-maître (m), maître auxiliaire, prosecteur (m); ассистент, пепиньерка (устар). лаборант...*).

*S*₇ Выполнение функции замещения другого преподавателя (*doublure (f), remplaçant, substitut (m), suppléant, succédané (m), vacataire (m); учитель на замену, внештатник, пепиньерка...*).

S_8 Типы учебных заведений и этапы обучения (*instituteur, maître d'école, maître de conférence, professeur des universités (PU); воспитатель, учитель, профессор, лектор, преподаватель...*).

S_9 Выполнение функции проверки знаний учащихся (*examineur, évaluateur, correcteur, réviseur (m), interrogateur, экзаменатор*).

S_{10} Оказание индивидуальных образовательных услуг (*répétiteur, préparateur, tuteur, précepteur (m), particulier, caïman (m), tapirat; пенетитор*).

S_{11} Обладание титулами, званиями и дипломами (*docteur, agrégé, capésien, кандидат наук...*).

S_{12} Проведение научной деятельности и распространение знаний (*enseignant-chercheur...*).

S_{13} Отношение учащихся (*caïman (m), pet-de-loup (m), fouette-cul и др.; препод, дирик...*).

S_{14} Название учебного заведения (*normalien, sorbonnard...*).

В рамках компонентного анализа сема представляет собой минимальный семантический признак, который может иметь три значения: позитивное (+), негативное (–) и отсутствовать (Ø) (см. табл.). Каждая лексическая единица имеет набор сем, семему. Архисема (A) данной группы, выражающая интегральный для всех лексических единиц признак, — «enseignant», qui a pour fonction d'enseigner [5] (преподаватель — тот, кто занимается преподаванием чего-либо). Комбинация дифференциальных сем показывает значение лексической единицы по отношению к другим. Это помогает разобрать значение на составные части и найти его место в понятийной системе.

	A	S_1	S_2	S_8	S_{10}	S_{11}	S_{12}
Преподаватель	+	+	+	+ среднее и высшее			+
Учитель	+	+	+	+ младшее и среднее			
Воспитатель	+	+	+	+ дошкольное			
Профессор	+	+		+ высшее		+	+
Репетитор	+	+			+		

Данные таблицы позволяют отобразить набор сем каждой из представленных единиц. Так, лексема *профессор* включает в себя семы $A + S_1 + S_8 + S_{11} + S_{12}$, значит, это работник сферы образования + в учебном заведении (в данном случае — высшем) + который имеет звание + ведет научную деятельность.

Словарные статьи не всегда охватывают все семы лексемы:

Профессор — высшее ученое звание преподавателя высшего учебного заведения или научного сотрудника исследовательского института, а также лицо, имеющее это звание [4]. $S_1 + S_8 + S_{11}$.

Профессор — 1. Ученое звание, присваиваемое наиболее квалифицированным преподавателям высших учебных заведений и научным работникам

научно-исследовательских заведений, руководящим научно-исследовательской работой [4]. $S_1 + S_8 + S_{11} + S_{12}$.

Кроме того, данная лексема имеет переносные значения: положительное и отрицательное.

Профессор — 2. перен. разг. Знарок своего дела [3].

Это переносное значение передается во французском языке другими лексемами:

Коньяк с шампанским — другое. Я в этом деле профессор.

— Оно и видно, — нахмурился Лихачев, — по той же эпоксидной смоле... [1: С. Довлатов. Чемодан (1986)] / *Le cognac et le champagne, c'en est une autre. Je suis expert* (досл. эксперт) *en la matière. Ça se voit, dit Likhatchev en fronçant le sourcil, à en juger par la résine époxy...* [1].

Профессор (или *профессор кислых щей*). Ирон. обращение; недоучившийся, глупый человек с претензией на образованность [3].

Я носила очки в круглой железной оправе, и он называл меня «профессор кислых щей» [1: Д. Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)].

В результате компаративного анализа и семантического моделирования слота «Преподаватели/Enseignants» можно прийти к следующим выводам.

В первую очередь следует заметить, что семы, раскрывающие содержание слота «Преподаватели/Enseignants», имеют в русском и французском языках сходства и различия. Это обусловлено как внеязыковыми причинами (разной структурой и развитием систем образования), так и различным развитием языков (различием в наборе сем и единиц, их содержащих).

Национальная специфика изучаемой области присутствует в историзмах и архаизмах (в рус. яз. — *пепиньерка, бонна, гувернер, приват-доцент, мосье, пестун* и во франц. яз. — *enseigneur, sous-maître, régent, magister, assistant, démonstrateur, pet-de-loup, académicien, écolatre, recteur*). А неологизмы отражают особенности изменений российской системы образования в административной структуре (*тьютор, рукструк*) и в структуре системы образования (*магистр, лицензиат*).

Кроме того, во французской и русской системах образования отличаются ученые степени, звания и должности. Например, во французской системе нет степени *кандидата наук*, так как вообще отсутствует такая ступень образования, как аспирантура. Должность *доцента* соответствует французскому *maître des conférences*. Степень *доктора наук* совпадает с тем, что по-французски называется *habilitation à diriger des recherches* (способность вести научную деятельность).

Стоит отметить, что французские преподаватели проходят особые экзамены для того, чтобы иметь возможность преподавать в учебных заведениях: *le certificat d'aptitude au professorat de l'enseignement du second degré (CAPES)* [6] получают те, кто сдает экзамен для преподавания в школе, а *l'agrégation* — те, кто проходит конкурс, чтобы получить возможность преподавать в среднем

или высшем учебном заведении. На русский язык эта ученая степень переводится путем транслитерации — *агреже*. Прошедшие эти экзамены получают наименование *agrégé (PRAG)*, *capésien*, *certifié (PRCE)*.

Национально маркированными лексемами являются также *moniteur* — бакалавр — куратор младших курсов, *censeur* — заведующий воспитанием учащихся, главный надзиратель за дисциплиной. В русской действительности нет подобных реалий, поэтому отсутствуют и лексические единицы.

Во французском языке также существуют единицы, которые могут выразить то, что существует в русской действительности, но чему нет лексического обозначения. Например, преподаватель, принимающий устный экзамен, во французском языке имеет обозначение *interrogameur*; учитель начальных классов — *instituteur*; преподаватель, заменяющий коллегу, — *remplaçant*; преподаватель, получивший сертификат, — *certifié*, преподаватель, выставивший оценки, — *évaluateur*.

Кроме различий, связанных с разной внеязыковой действительностью, есть и те, которые обусловлены наличием или отсутствием дифференциальных сем в одном из языков. Так, во французском языке некоторые семы присутствуют в большем количестве лексических единиц рассматриваемого слота, чем в русском языке. Например, во французском языке много лексем, обозначающих людей, которые отвечают за воспитание учеников, выполнение функций наставника и советчика (S_2), выполнение функций руководителя (S_4), тогда как в русском их намного меньше. Некоторые семы в русском языке представлены вообще лишь одной лексемой, а во французском языке присутствует целый ряд синонимов (S_3, S_5, S_9, S_{10}). То есть такие слова, как *экзамениатор* и *пенетитор*, не имеют в русском языке аналогов, а французский язык располагает целым рядом синонимов, иногда даже из разных регистров языка: *пенетитор* — нейт. *répétiteur*, *préparateur*, *tuteur*, *précepteur (m)*, *particulier*, арго — *caïman (m)*, *tapirat*. В русском языке нет такого разнообразия.

Сема S_{14} в русском слоте отсутствует. Лексемы, образованные от названия учебного заведения в русской лингвокультуре, обозначают только учащихся, а не преподавателей.

В обоих изучаемых языках есть греческие заимствования, которые стали интернационализмами: *педагог (pédagogue)* — (греч.) у греков ученый раб, сопровождавший детей своего господина в школу; теперь учитель, воспитатель, сведущий в воспитании; *ментор (mentor)* — (греч.) друг Одиссея, воспитатель Телемака, сына Улисса. Имя это стало теперь нарицательным для наставников, воспитателей, учителей и вообще руководителей юношества.

Кроме того, русский язык заимствовал некоторые лексемы из французского: так появились *гувернантка*, *мэтр*, *лектор*. Между изучаемыми языками возникает межъязыковой омоним: *ректор* — *recteur* (ист., те же функции в Средние века, сейчас в религии в Бельгии — духовник).

В ходе анализа в русском и французском языках были выявлены следующие лакуны, не имеющие собственного лексического обозначения в языке:

воспитатель яслей, преподаватель колледжа, преподаватель техникума, преподаватель педагогического или медицинского училища, преподаватель школы-интерната, преподаватель подготовительных курсов, кружков, факультативов. Во французском языке лексема *professeur* обозначает как преподавателя в школе в средних и старших классах, так и преподавателя университетов и высших школ, таким образом, лакуной является «преподаватель в школе».

Национальная специфика лексических единиц данного слота проявляется в их коннотативных компонентах, к которым относятся эмоциональная окраска, оценка, стилистическая характеристика. Данный слот располагает большим количеством жаргонизмов, относящихся к школьному и студенческому аргю. Отличительной чертой этих жаргонизмов является их метафоричность и экспрессивность.

Во французском языке наиболее ярко проявляется образ директора и руководителя учебного заведения, которого с помощью метафорического переноса сравнивают с твердым или острым предметом: *clou* (дословно «гвоздь»), *poteau* (столб), *proto/protal* (клюв); с овощем: *poireau* (лук-порей); с человеком, наделенным властью: *patron* (хозяин), *despote* (деспот), *dictateur* (диктатор), *démagogue* (демагог), *duchesse* (герцогиня), *provo* (provokator); с животными: *gorille* (горилла), *singe* (обезьяна), *rat* (крыса); и даже с литературным персонажем и киногероем: *Tarzan* (Тарзан), *King-Kong* (Кинг-Конг) [2].

Язык удивительным образом передает отношение французских учащихся к своим наставникам. Так, строгого учителя сравнивают с коровой (*vache*), аллигатором (*caïman*), кожей (*peau*) и называют педантом (*pédant*); экзаменаторов сравнивают с расклейщиком (*colleur*) и тангенсом (*tangente*), а учебных надзирателей и классных руководителей — с надсмотрщиками над каторжниками (*gardes-chiourme*), стервятниками (*vautour*) и даже с солдатами СС (S.S.) [2].

В данном случае русский язык может противопоставить лишь несколько лексических единиц, которые не создают таких красочных образов, а только сокращают или изменяют общеупотребительные слова: *класнуха*, *дирик*, *директриса*. Слово *преподаватель* также сокращается учащимися до *препода*, *препока* и *препа*.

Точно таким же способом усечения слов во французском школьном аргю появились следующие слова: *pédagogue* → *pédago*, *surveillant* → *survé*, *moniteur* → *mono*, *instituteur* → *institut*. Также вместо слова *professeur* уже давно звучит *prof* во всех школах / *boites* (букв. «коробка») и на всех факультетах / *fac*s (сокр. от *facultés*) всех университетов / *unis* (сокр. от *universités*). Не будем забывать также об используемой во французском языке аббревиации: *PU* — *professeur des universités*, *MCU* — *maître de conférences des universités*, *PRCE* — *professeur certifié affecté dans l'enseignement supérieur*, *PRAG* — *professeurs agrégés dans l'enseignement supérieur*, *HDR* — *titulaire d'une habilitation à diriger des recherches*.

Отдельного рассмотрения заслуживают прозвища преподавателей-предметников, которые также являются жаргонизмами, потому что реализуются

лишь при внутригрупповом общении учащихся. Французский язык в данном случае не отличается вариативностью (*français, chimiste, physicien*), разве что для обозначения математика имеется своя разговорная форма — *matheux*. В российских школах же *предметники* бывают разные: русский язык преподают *словесники, русисты, русаки*, а иногда даже *русалки*, географию — *географички*, а если не повезет, то *георгузы*, химию — *химики*, но могут повстречаться *химозы* и *химеры*. *Французы, немцы* и *англичане* для школьников все являются *язычниками*. Если же заглянуть в университет, то там лекции могут читать *философ, ритор, сопроматчик, дидактик* и др.

Некоторые слова, которые носят ярко выраженную стилистическую окраску, имеют локальный характер и реализуются в речи учеников школы или класса, где были созданы. Эти единицы не являются универсальными для всех школьников, так как относятся к конкретным личностям.

Несмотря на то, что в русском языке больше средств коннотативной окраски, в данном слоте не удалось выявить большого количества единиц с суффиксами субъективной оценки (*учителишка, профессорика*).

Следовательно, можно отметить, что за счет метафоричности и образности во французской лингвокультуре больше стилистически окрашенных наименований преподавателей, чем в русской. С одной стороны, возможно, это указывает на страх французских учащихся перед руководителем и надзирателем, и в то же время, с другой — показывает негативное отношение к преподавателю и директору. Русские учащиеся проявляют больше уважения к преподавателям, это отражается в преобладании нейтральной, общеупотребительной лексики.

Слот «Преподаватели/Enseignants» со временем изменяется: одни реалии исчезают, другие появляются, проводятся образовательные реформы, язык адаптируется к социокультурной эволюции, связанной с процессами глобализации и взаимопроникновением культур [7: с. 34], изменяются значения слов, из-за чего единицы данного слота могут входить в другие фреймы (например, «Военное дело», «Религия», «Спорт»).

Таким образом, фреймовый анализ слота «Преподаватели/Enseignants» позволил путем описания стоящих за словами мыслительных представлений и их признаков выявить и изучить семантические особенности лексических единиц, объективирующих это знание в языке. Данный вид анализа позволил привлечь не только лингвистическую, но и экстралингвистическую информацию для структурирования семантических признаков лексических единиц слота «Преподаватели/Enseignants». В результате анализ выявил ряд различий в наличии/отсутствии отдельных сем и лакунарность некоторых наименований преподавателей. Это свидетельствует о национально-культурной специфике изучаемого слота.

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 06.06.2017).
2. *Ретинская Т.И.* Словарь аргю французской учащейся молодежи. М.: Либроком, 2016. 168 с.
3. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 06.06.2017).
4. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/> (дата обращения: 06.06.2017).
5. Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 06.06.2017).
6. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr>. (дата обращения: 06.06.2017).

Литература

7. *Бубнова И.А.* Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 34–41.
8. *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
9. *Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М.: МГУ, 1963. 58 с.
10. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
11. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
12. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
13. *Чарняк Ю.* Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. Ч. I. С. 171–207. Ч. II. С. 272–317.
14. *Galisson R.* L'apprentissage systématique du vocabulaire. T. 1. Le Français dans le Monde / BELC. Paris, 1970. 126 p.
15. *Greimas A.J.* Sémantique structurale: recherche de méthode. Paris, 1966. 262 p.
16. *Lakoff G.* Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory. Chicago. 1986. P. 152–167.
17. *Pottier B.* Recherches sur l'analyse sémantique en linguistique et en traduction mécanique. Nancy, 1963. 38 p.

References

Istochniki

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (data obrashheniya: 06.06.2017).
2. *Retinskaya T.I.* Slovar' argo franczuzskoj uchashejsya molodezhi. M.: Librokom, 2016. 168 s.
3. Slovari i e'nciklopedii na Akademike [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dic.academic.ru> (data obrashheniya: 06.06.2017).
4. Spravochno-informacionny'j portal GRAMOTA.RU [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/> (data obrashheniya: 06.06.2017).

5. Trésor de la Langue Française informatisé [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://atilf.atilf.fr> (data obrashheniya: 06.06.2017).
6. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.cnrtl.fr> (data obrashheniya: 06.06.2017).

Literatura

7. *Boubnova I.A.* E'volyuciya russkoj yazy'kovoj lichnosti // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoje obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 34–41.
8. *Van Dejk T.A.* Yazy'k. Poznanie. Kommunikaciya. Blagoveshhensk: BGK I.A. Bodue'na de Kurtene. 2000. 308 s.
9. *Kuznecova A.I.* Ponyatie semanticheskoy sistemy' yazy'ka i metody' ee issledovaniya. M.: VGU, 1963. 58 s.
10. *Makarov M.L.* Osnovy' teorii diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 280 s.
11. *Minskij M.* Frejmy' dlya predstavleniya znaniy. M.: E'nergiya, 1979. 152 s.
12. *Fillmor Ch.* Frejmy' i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy'p. XXIII. Kognitivny'e aspekty' yazy'ka. M.: Progress, 1988. S. 52–92.
13. *Charnyakov Yu.* Umozaklucheniya i znaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy'p. XII. M., 1983. Ch.I. P. 171–207. Ch. II. S. 272–317.
14. *Galisson R.* L'apprentissage systématique du vocabulaire, tome 1. Le Français dans le Monde / BELC. Paris, 1970. 126 p.
15. *Greimas A.J.* Sémantique structurale: recherche de méthode. Paris, 1966. 262 p.
16. *Lakoff G.* Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory. Chicago. 1986. P. 152–167.
17. *Pottier B.* Recherches sur l'analyse sémantique en linguistique et en traduction mécanique. Nancy, 1963. 38 p.

E.V. Pryakhina

Frame Approach to Analysis of the Slot «Преподаватели / Enseignants» (Teachers)

The article examines the semantics of lexemes composing the slot denoting teachers in the French and Russian languages. The frame approach allows to attract both linguistic and extralinguistic information for semantic modeling of the lexical units, as well as to identify national specifics of semantic features outlined by means of componential analysis.

Keywords: frame; slot; frame analysis; componential analysis.

А.А. Евдокимова

И.С. Тургенев и О. де Бальзак: основные аспекты изучения проблемы

Автор статьи выделяет основные вехи в изучении вопроса о восприятии И.С. Тургеневым творчества О. де Бальзака, обосновывает актуальность проблемы «Тургенев и Бальзак» для современной науки и намечает пути ее дальнейшего исследования.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; О. де Бальзак; рецепция; сравнительно-исторический анализ.

Изучение наследия И.С. Тургенева в его соотнесенности с западной, в особенности с французской, литературой и культурой имеет богатую историю. Русский писатель значительную часть жизни провел во Франции, дружил со многими французскими литераторами, художниками, музыкантами, политиками, занимался переводческой деятельностью и стал одним из первых русских писателей, известных в Европе. Французских читателей интересовал национальный отпечаток в творчестве Тургенева, выражающий русскую самобытность. Историю взаимоотношений Тургенева с известными деятелями французской культуры — В. Гюго, А. Дюма, Стендалем (Мари-Анри Бейлем), Ж. Санд, Г. Флобером, Э. Золя, А. Доде, Э. Гонкуром, П. Мериме, Ги де Мопассаном и др. — можно проследить по различным источникам. Гораздо менее изучены динамика и характер восприятия Тургеневым творчества одного из самых известных в России французских писателей — О. де Бальзака.

Нельзя сказать, что эта проблема никогда не поднималась в исследовательской литературе. Некоторые аспекты, непосредственно связанные с интересом Тургенева к творчеству Бальзака, ставились в работах Л.П. Гроссмана [9; 10], Л.В. Пумпянского [13], М.П. Алексеева [3], Г.П. Бердникова [7], М.Г. Ладарии [12], Г.Б. Курляндской [11], Н.П. Генераловой [8], Л.А. Бальковой [4] и др. Однако проблема творческих параллелей между Тургеневым и Бальзаком в литературоведении изучалась, скорее, фрагментарно и традиционно подавалась как несущественная, в частности из-за негативных высказываний русского писателя в адрес французского романиста. Между тем художественный опыт Бальзака, в том числе в области создания романа, не мог не привлекать, пусть и критически окрашенного, внимания Тургенева, который испытывал к крупной эпической форме неподдельный интерес с самого начала своего творческого пути.

Отметим основные этапы в изучении вопроса.

Впервые об интересе И.С. Тургенева к О. де Бальзаку заговорил Л.П. Гроссман [9; 10]. Ученый обратился к изучению генетических связей тургеневских

пьес и провел параллель между «Месяцем в деревне» (1850) и «Мачехой» («La Marâtre», 1848) Бальзака, из которой русский писатель взял тему и схему, перенял технику и затем «переработал» все это в своем произведении [9: с. 70]. Исследователь обозначает сходство, но не фиксирует внимание на различиях. В целом в работе Л.П. Гроссмана театр Тургенева оказывается сведенным к заимствованиям, без учета социально-исторической конкретики и индивидуальной специфики творчества русского прозаика.

Упоминается имя Бальзака в связи с Тургеневым и в известной работе Л.В. Пумпянского [13]. Нужно сказать, что ученый одним из первых поднял вопрос об особом влиянии романного творчества Бальзака на Тургенева «от противного». Он справедливо выделял французский вектор в наследии русского писателя, который, по мысли Л.В. Пумпянского, тяготел к жоржсандовской линии романа, противостоявшей бальзаковскому типу жанра. Л.В. Пумпянский также решительно не соглашается с Л.П. Гроссманом по поводу влияния бальзаковской «Мачехи» на «Месяц в деревне» Тургенева, при этом, правда, никак не объясняет природу сходства этих произведений. Исследователь считает, что Бальзак был Тургеневым «недооценен», и настаивает на отсутствии общих тем и точек соприкосновения в поле деятельности писателей.

Полным пересмотром основных тезисов Л.П. Гроссмана о западноевропейских заимствованиях в драматургическом творчестве Тургенева стала работа Г.П. Бердникова [7]. Ученый отстаивал идею о главенстве социальных аспектов в пьесе «Месяц в деревне» и не усматривал влияния «Мачехи» Бальзака. А вместе с тем вопрос об очевидных совпадениях и перекличках в этих сочинениях оставался открытым.

М.Г. Ладария [12] обратилась к отдельным фактам литературно-творческих связей Тургенева с французскими литераторами, в том числе и с Бальзаком. По мнению ученого, Тургенев и Бальзак противостоят друг другу как представители разных художественных систем — русского и французского реализма, предполагающего разные принципы типизации. Тургенев не принимает «преувеличений» Бальзака, романтической поэтики, искажающей восприятие образа и идущей от ложного понимания художественного типа как воплощения страсти.

В работе Г.Б. Курляндской, написанной в соавторстве с Л.А. Балыковой [11], также затрагивался вопрос о специфике русского и французского реализма, косвенно поднималась и «проблема Бальзака». По мнению ученых, русский писатель приходит к утверждению высокой духовной и общественной сущности человека, в то время как французский реализм социальную природу последнего рассматривает как «нечто, находящееся во власти эгоистических инстинктов, подчиненное его “естественной” материально-телесной природе» [11: с. 237]. Исследователи видят координирующим центром мышления классика русской литературы «поэтическую правду», жизненную «достоверность», простоту и красоту. В Бальзаке же как «идоле» французских реалистов сосредоточились «крайности

французского реализма» [11: с. 238]. Литературоведы, вслед за М.Г. Ладария, утверждают противоположность эстетических вкусов и стилей Тургенева и Бальзака.

В более поздней работе Л.А. Балыкова [4], однако, свидетельствует о существовании у Тургенева неподдельного интереса к произведениям Бальзака, о том, что в библиотеке русского писателя сохранились издания «Дома Нусингенов», «Шагреновой кожи» с рядом помет на полях, а повесть «Холостяки» вошла в читательский конволют писателя. Эти факты говорят как минимум о его профессиональном интересе к Бальзаку.

В монографии Н.П. Генераловой [8] отдельная глава посвящена личным и творческим связям Тургенева с Францией. Поднимается вопрос и о Бальзаке. Неприятие Тургеневым его творчества в целом Н.П. Генералова склонна объяснять различиями в политических взглядах и убеждениях писателей. Действительно, в «Предисловии» к переводу романа М. Дюкана «Утраченные силы» Тургенев относит А. Дюма, В. Гюго, Ж. Санд, Э. Фейдо, О. де Бальзака к тем писателям, которые «легко обходятся без правды в искусстве, как без свободы в общественной жизни» [2: т. 10, с. 347]. Однако едва ли в случае с Бальзаком все можно объяснить политическими разногласиями. В том же «Предисловии» Тургенев говорит о Бальзаке, оставляя в стороне «все политическое» [2: т. 10, с. 347]. Но и тогда он, по мнению Тургенева, являет собой поразительный пример «непонимания художественной правды» [2: т. 10, с. 347]. «Все его лица колют глаза своей типичностью, выработаны и отделаны изысканно, до мельчайших подробностей — и ни одно из них никогда не жило и жить не могло; ни в одном из них нет и тени той правды, которой, например, так и пышут лица в “Казаках” нашего Л.Н. Толстого» [2: т. 10, с. 347]. Видимо, политическая составляющая не является определяющей или уж по крайней мере исчерпывающей причиной сложного отношения Тургенева к творчеству французского романиста.

Как отмечал М.П. Алексеев [3], русский писатель всю сознательную жизнь был активным пропагандистом русской литературы на Западе и европейской литературы в России. При этом в литературных симпатиях Тургенева первое место занимали его соотечественники: когда дело шло об истолковании произведений современной ему литературы иностранцам, то патриотические увлечения и чувство национальной гордости тотчас же отодвигали на задний план в нем все личное, все «слишком человеческие» чувства [3: с. 57]. К публикации новинок западных писателей в России Тургенев относился осторожно и был подчас категоричен в суждениях. Например, он решительно не рекомендовал переводить Бальзака на русский язык. В письме П.И. Вейнбергу от 22 октября (3 ноября) 1882 г. Тургенев открыто заявлял: «Во всяком случае, я бы скорее взялся перевести несколько страниц из Монтеня или Рабле, но уж никак не Бальзака, которого я никогда не мог прочесть более десяти страниц сряду, до того он мне противен и чужд» [1: т. 13, с. 76].

В своих письмах Тургенев непосредственно упоминает о Бальзаке лишь семь раз. Большею частью это краткие негативные заметки или перечисление

в одном ряду с другими литераторами. Приведем некоторые примеры из его эпистолярного наследия. В письме к С.Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.) писатель рассказывает о современной литературной атмосфере Парижа, негативно и жестко высказывается о старых «коноводах», которые руководят молодежью, пишушей «мелко, прозаично, пусто и бесталанно». Тургенев сетует, что на этом фоне Бальзак «воздвигается идолом, и новая школа реалистов ползает в прахе перед ним, рабски благоговей перед Случайностью, которую величают Действительностью и Правдой» [1: т. 3, с. 68]. Тургенев едва ли не обвиняет Бальзака как представителя старой школы в стагнации современной литературы и считает, что от него сейчас, «как от козла, ни шерсти, ни молока» [1: т. 3, с. 67]. В письмах к Э. Золя от 1 (13) января и 14 (26) ноября 1877 г. Тургенев выражает свое удивление по поводу его слишком большой статьи о Бальзаке — «против обыкновения ваша статья о Бальзаке содержит 40 страниц» [1: т. 12, с. 429], — поскольку, с его точки зрения, французский прозаик того не заслуживает.

Возникает вопрос, почему Тургенев так откровенно не любил Бальзака, но при этом проявлял интерес к его творчеству, читал и оценивал его литературные новинки, хранил книги в своей библиотеке и оставлял пометки на полях. Очевидно, что Бальзак его интересовал и вызывал желание вступить с ним в творческий спор, о чем свидетельствуют параллели и сближения сюжетов, мотивов и образов, которые наблюдаются в ряде сочинений Тургенева и Бальзака («Мачеха», «Лилия долины» и др.)¹. Русский писатель во многом отталкивался от художественных решений Бальзака, трансформируя их «под себя». Подобного рода трансформация немецкой модели «счастья» ранее отмечалась у Тургенева и Герцена [6: с. 38–45]. Можно трактовать такое внимание к Бальзаку со стороны Тургенева под знаком «от противоположного» как внутреннюю потребность представить русскую картину мира, которой была чужда чрезмерная рационалистичность бальзаковского мироустройства. Нельзя нивелировать существующие между двумя писателями художественные пересечения, которые требуют научного объяснения. В работе И.А. Беляевой содержится справедливое суждение о характере тургеневской рецепции нелюбимой им второй части «Фауста» И.В. Гете: «...необходимо выявить конкретные сближения с “Фаустом”, чтобы затем, уже на основе существующих схождений, понять внутреннюю логику художественных решений Тургенева и объяснить причины его обращения к малоинтересной для него второй части <...>. В любом случае необходимо уяснить, что Тургенев берет у Гете, и в чем полемизирует с ним» [5: с. 12]. Такой путь и мы изберем для дальнейшего изучения вопроса о том, что сближает и разъединяет И.С. Тургенева и О. де Бальзака.

¹ О «комбинации сюжетных мотивов <...> в их функции обнаружения изменений в характерах однотипных персонажей» см.: [14: с. 12].

Библиографический список

Источники

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968. Т. 3, 12, 13.
2. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. 615 с.

Литература

3. *Алексеев М.П.* И.С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Труды Отдела новой русской литературы. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 39–80.
4. *Балыкова Л.А.* Тургенев-читатель. По страницам мемориальной библиотеки (В помощь учителю). Орел: Орлик, 2005. 208 с.
5. *Беляева И.А.* Две Елены: роман И.С. Тургенева «Накануне» и «Фауст» И.В. Гете // Спасский вестник. 2016. Вып. 24. С. 5–26.
6. *Беляева И.А.* Роман А.И. Герцена «Кто виноват?» и проблема счастья в русской прозе 1840-х годов // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 1 (10). С. 38–45.
7. *Бердников Г.П.* Иван Сергеевич Тургенев. М.; Л.: Искусство, 1951. 142 с.
8. *Генералова Н.П.* И.С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2003. 584 с.
9. *Гроссман Л.П.* Бальзак в России // Литературное наследство: журнально-газетное объединение. 1937. № 31–32. С. 290–335.
10. *Гроссман Л.П.* Театр Тургенева. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1924. 176 с.
11. *Курляндская Г.Б.* И.С. Тургенев и всемирное значение русской литературы // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л.: Наука, 1990. С. 235–245.
12. *Ладария М.Г.* Тургенев и классики французской литературы. Сухуми: Алашара, 1970. 156 с.
13. *Пумпянский Л.В.* Тургенев и Запад // И.С. Тургенев. Орел: Изд-во Орлов. обл. Совета депутатов трудящихся, 1940. С. 90–108.
14. *Чернец Л.В.* Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4 (23). С. 8–16.

References

Istochniki

1. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t. Pis'ma: v 13 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960–1968. T. 3, 12, 13.
2. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. T. 2. M.: Nauka, 1982. T. 10. 615 s.

Literatura

3. *Alekseev M.P.* I.S. Turgenev — propagandist russkoj literatury' na Zapade // Trudy' Otdela novoj russkoj literatury'. Vy'p. 1. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. S. 39–80.
4. *Baly'kova L.A.* Turgenev-chitatel'. Po stranicam memorial'noj biblioteki. Orel: Orlik, 2005. 208 s.

5. *Belyaeva I.A.* Dve Eleny': roman I.S. Turgeneva «Nakanune» i «Faust» I.V. Gete // Spasskij vestnik. 2016. Vy'p. 24. S. 5–26.
6. *Belyaeva I.A.* Roman A.I. Gercena «Kto vinovat?» i problema schast'ya v russkoj proze 1840-x godov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». № 2 (9). 2012. С. 129–130.
7. *Berdnikov G.P.* Ivan Sergeevich Turgenev. M.; L.: Iskustvo, 1951. 142 s.
8. *Generalova N.P.* I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa. Iz istorii russko-evropeiskix literaturny'x i obshhestvenny'x otnoshenij. SPb.: RHGI, 2003. 584 s.
9. *Grossman L.P.* Bal'zak v Rossii // Literaturnoe nasledstvo: zhurnal'no-gazetnoe ob''edinenie. № 31–32. M.: 1937. S. 290–335.
10. *Grossman L.P.* Teatr Turgeneva. SPb.: Brokgauz–Efron, 1924. 176 s.
11. *Kurlyandskaya G.B.* I.S. Turgenev i vseмирное значение russkoj literatury' // I.S. Turgenev. Voprosy' biografii i tvorchestva. L.: Nauka, 1990. S. 235–245.
12. *Ladariya M.G.* Turgenev i klassiki francuzskoj literatury'. Suxumi: Alashara, 1970. 156 s.
13. *Pumpyanskij L.V.* Turgenev i Zapad // I.S. Turgenev. Orel: Izd-vo Orlov. obl. sove-ta deputatov trudyashhixsya, 1940. S. 90–108.
14. *Chernecz L.V.* Tip personazha i ego e'voljuciya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4 (23). S. 8–16.

A.A. Evdokimova

I.S. Turgenev and O. de Balzac: Main Aspects of the Issue Study

The author identifies the main milestones in the study of Balzac's creativity through Turgenev's perception. The «Turgenev and Balzac» issue is grounded as topical for modern science and the ways for its further investigation are outlined.

Keywords: I.S. Turgenev; O. de Balzac; reception; comparative historical analysis.

Н.С. Иванова

Информативно-рекламные функции текста в издательском дискурсе

Статья посвящена издательскому дискурсу, в частности тексту, помещенному на четвертой странице обложки книги. Главная цель такого текста, состоящего из 250–300 слов, — описание произведения в максимально хвалебном тоне и представление его в благоприятном свете. Он выполняет рекламно-аргументирующую функцию, способствуя покупке предлагаемого произведения.

Ключевые слова: издательский дискурс; обложка; книга; издательская аннотация.

Периферия текста (паратекст) и ее функционирование в пространстве книги стали объектом изучения лингвистов, специалистов по книгоиздательскому делу и литературоведов в последние десятилетия XX в. В паратекст входят следующие элементы: обложка (*la couverture*), суперобложка (*la jaquette*), аннотация на четвертой странице обложки (*le prière d'insérer*), реклама (*la publicité*) и каталог (*le catalogue*). Ответственность за создание этих элементов лежит на издательстве, а именно на редакторе и издателе, поэтому в данном случае речь идет об издательском паратексте (*le paratexte éditorial*). Наряду с этим можно также обозначить и авторский паратекст (*le paratexte auctorial*), который включает в себя название (*les titres*), посвящение (*les dédicaces*), эпиграф (*l'épigraphe*), предисловие (*la préface*), примечание (*les notes*) и др. Эти дискурсивные части пишутся непосредственно самим автором выпускаемой книги [7; 8].

Издатель задает модель предполагаемого адресата-читателя при включении публикуемого произведения в определенную серию. Как замечает Л.Г. Викулова, «издательский дискурс занимает промежуточное положение между популяризаторским и рекламным дискурсом, где адресат реален. Это — читающая публика, для которой характерна категория массовости и, следовательно, неопределенности адресата. При этом издатель выступает как коммуникант-аноним, формирующий ответ на имплицитный вопрос потенциального читателя “О чем эта книга?”. Средством общения выступает сам паратекст обложки, который характеризуется коммуникативной целью — рекламно-информативной. Данную цель можно реализовать через воздействие на определенные стороны адресата коммуникации, влияя на его фонд знаний, систему оценок и мнений, побуждая к поступку — прочесть книгу» [2: с. 5]. Издатели пытаются активно воздействовать на потенциального читателя, при этом, как отмечает Ф. Лан, он [читатель] может осознать или не осознать фактор такого воздействия [7: р. 17].

Таким образом, для полного структурирования книги необходимым является присутствие трех уровней с их функциональными задачами: собственно художественный текст, авторский паратекст и издательский паратекст. Дискурсивные жанры издательского паратекста отграничивают основной текст книги и придают оригинальному произведению автора цельнооформленность и тот вид, с которым будет удобно работать обычному читателю или специалисту: книготорговцу, библиотекаря, педагогу. В данной статье объектом анализа является *аннотация, помещаемая на четвертой странице обложки книги*, которая во французской традиции определяется термином *le prière d'insérer*.

Встает вопрос, какую цель преследуют издатели, включая *prière d'insérer* во внешнее пространство книги — на обложку. Согласно А.Э. Мильчину, цель издательской аннотации — «сжато и кратко охарактеризовать содержание и особенности издания, сделав основной упор на отличительных достоинствах издаваемых произведений (произведения) вообще и для определенного круга читателей в особенности, на примечательных чертах автора и его творчества. Издательская аннотация должна повлиять на выбор покупателя по самому изданию» [8: с. 18]. Действительно, краткость и малоформатность являются отличительными особенностями *prière d'insérer*. Анализ материала показал, что объем рассматриваемых текстов достигает не более 250–300 слов.

Данный жанр, представляющий издательский дискурс, предусматривает ответ на многочисленные вопросы потенциального читателя — читать или не читать, покупать или не покупать предлагаемую книгу. Отмечается, что «прагматика данного типа дискурса состоит в том, чтобы, ориентируясь на другого (на читателя), информировать о свойствах произведения (*faire savoir*). Кроме того, используется аргументация похвалы и автору, и книге, чтобы убедить (*faire croire*) читателя в том, что книга интересная» [6: с. 158–164]. В этом случае можно говорить, что таким образом решаются рекламные задачи, целью которых является представление аннотируемого произведения в наиболее благоприятном свете для потенциального читателя [5: с. 153].

Думается, что обозначенный жанр, функционирующий только в рамках издательского дискурса, имеет прагматическую направленность и носит рекламно-аргументирующий характер: стремясь привлечь читателя, издатель использует стратегию хвалы и убеждения, что позволяет говорить о сближении этого вида издательского дискурса с рекламным. «Его основные, информативно-рекламные функции таковы: *репрезентативная* — представить конкретную информацию о произведении; *воздействующая* — убедить в актуальности произведения и вызвать интерес к приобретению книги; *апеллятивно-эмоциональная* — выразить заинтересованное обращение к читателю со стороны издательства за счет различных средств воздействия» [3: с. 33]. Но вышеперечисленные функции могут быть выражены в тексте аннотации как имплицитно, так и эксплицитно; в зависимости от конкретного случая одна из функций может оказаться первостепенной, другая — второстепенной.

Книга выполняет свое социальное предназначение лишь тогда, когда опубликованная информация находит своего читателя. Это происходит благодаря действию средств ориентирования читателя, что в книге представлено паратекстом. Следовательно, «действенность печатных средств зависит от того, насколько эффективен аппарат, информирующий аудиторию о содержании (эту функцию выполняет рассматриваемая в статье издательская аннотация), структуре и степени значимости передаваемой информации, аппарат, позволяющий читателю воспринимать поток разнообразной информации избирательно и в оптимальной последовательности. <...> Ориентиры привлекают внимание читателя благодаря укрупненной, яркой, выразительной или особенной форме. Форма ориентира всегда выделяет его по отношению к текстовому полю. Ориентирующие сообщения могут нести заголовочные элементы, иллюстрации, графические элементы или их комбинации» [1: с. 2, 41].

Представляется важным выяснить, что является началом целенаправленного ориентирования читателя на четвертой странице обложки книги. В большинстве случаев заголовков — повторение автора и названия предлагаемого издания — будет началом той «продуманной, системной подачи, которая важна для любого печатного текста» [Там же: с. 2]. При этом заголовки и другие заголовочные элементы имеют крупный кегль и полужирное выделение. Таким образом оформитель стремится сделать книгу более заметной для читателя, поскольку крупное и яркое воспринимается прежде, чем мелкое и бледное. Такой эффект является одной из основных закономерностей зрительного восприятия. Отметим, что равновесие (в издательской терминологии) предполагает взвешенную «раскладку» на странице элементов формы, обладающих повышенной сигнальностью, т. е. способностью моментально привлекать зрительное внимание читателя [Там же: с. 9].

Аннотация на четвертой странице обложки — это коммуникативная единица в структуре книги, направленная на установление контакта с адресатом и выполняющая фатическую (контактоустанавливающую) функцию [7]. Адресат, или воспринимающая сторона, является полноправным участником дискурса, от него во многом зависит успех общения. По мнению многих исследователей, адресат творит текст наравне с автором, ибо каждый акт восприятия (прочтения) текста является индивидуальным и неповторимым [4: с. 22]. Вместе с тем эта составляющая безличностна, имперсональна, поскольку читатель-адресат мыслится в подобных случаях предельно широко: один текст обращен к множеству адресатов одновременно и разновременно [2].

Издательский жанр *le prière d'insérer* является по своей характеристике информационно-рекламным продуктом, построенным на товарной и потребительской стратегиях для привлечения целевой читательской аудитории. Такой жанр не предусматривает прямых действий потребителей, а выполняет в основном коммуникативные задачи по информированию целевой аудитории, способствуя позиционированию книги как интеллектуального продукта на книжном рынке.

Библиографический список*Литература*

1. *Васильев С.Л.* Удобочитаемость газеты и журнала. Воронеж: Кварта, 2010. 152 с.
2. *Викулова Л.Г.* Издательский дискурс, или как себя рекламирует книга // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: материалы науч.-практ. конф. (Самара, 1–2 апреля 2016 г.). Самара: СамГУ, 2016. С. 104–112.
3. *Викулова Л.Г.* Роль издательской аннотации (prière d'insérer) в смысловой презентации классического текста // Вестник МГПУ. Филологический выпуск (романо-германская филология): посвящается открытию Ин-та иностр. яз. МГПУ. 2007. С. 33–40.
4. *Должич Е.А., Попова Т.Г.* Интертекстуальные связи в испанском научном дискурсе. М.: РУДН, 2012. 169 с.
5. *Козлов Е.В.* Аннотация паралитературы (структура, стратегии, нарративные конфигурации) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 151–161.
6. *Everaert-Desmedt N.* La Communication publicitaire. Etude sémiopragmatique. Louvain-la-Neuve: Cabay, 1984. 225 p.
7. *Lane Ph.* La périphérie du texte. Paris: Nathan, 1992. 160 p.

Справочные и информационные издания

8. Издательский словарь-справочник / под ред. А.Э. Мильчина. М., 1998. 207 с.

References*Literatura*

1. *Vasil'ev S.L.* Udobochitaemost' gazety' i zhurnala. Voronezh: Kvarta, 2010. 152 s.
2. *Vikulova L.G.* Izdatel'skij diskurs, ili kak sebya reklamiruet kniga // E'volyuciya i transformaciya diskursov: yazykovy'e i sociokul'turny'e aspekty': materialy' nauch.-prakt. konf. (Samara, 1–2 aprelya 2016 g.). Samara: SamgGU, 2016. S. 104–112.
3. *Vikulova L.G.* Rol' izdatel'skoj annotacii (prière d'insérer) v smy'slovoj prezentacii klassicheskogo teksta // Vestnik MGPU. Filologicheskij vy'pusk (romano-germanskaya filologiya): posvyashhaetsya otkry'tiyu In-ta inostr. yaz. MGPU. 2007. S. 33–40.
4. *Dolzich E.A., Popova T.G.* Intertekstual'ny'e svyazi v ispanskom nauchnom diskurse. M.: RUDN, 2012. 169 s.
5. *Kozlov E.V.* Annotaciya paraliteratury' (struktura, strategii, narrativny'e konfiguracii) // Yazykovaya lichnost': institucional'ny'j i personal'ny'j diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd, 2000. S. 151–161.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

6. Izdatel'skij slovar'-spravochnik / pod red. A.E'. Mil'china. M., 1998. 207 s.

N.S. Ivanova

Informative and Advertising Functions of Text in Publishing Discourse

The article dwells on publishing discourse, in particular the text on the 4th page of the book cover. The main objective of this text of 250–300 words is introduction of the writing in the most laudatory and positive light possible. It fulfills its ad-argumentative function promoting purchase of the proposed writing.

Keywords: publishing discourse; book cover; book; book-note.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Экспериментальная и корпусная
лингвистика: рецензия на сборник статей
к юбилею О.А. Сулеймановой
«Контенсивные аспекты языка:
константность и вариативность» / отв. ред.
Т.Д. Шабанова (М.: Флинта, 2016. 288 с.)**

Сборник [7] отмечает юбилей Ольги Аркадьевны Сулеймановой — ученого и педагога, которой посвятили свои статьи друзья и защитившиеся аспиранты-ученики. Много теплых слов сказано о ней в предисловии, и ко всем хочется присоединиться. Но главный подарок — это лингвистические исследования, представленные в этой книге, которые имеют между собой нечто общее: сборник построен целостно и близок по замыслу к коллективной монографии. Тему его задают вводные статьи, с обсуждения которых мы и начнем.

В свое время Ольга Аркадьевна Сулейманова училась у очень известного, но рано ушедшего от нас германиста — Ольги Николаевны Селиверстовой. Германистика и англистика традиционно, во всех странах стоят на передовой линии науки: именно к английскому материалу применяются новейшие теории и технологии, а германисты с этим материалом знакомы заранее, из своей практики. Поэтому ученики Ольги Николаевны привыкали к непосредственному общению с мировой наукой сразу и потом имели возможность эту привычку передавать «по наследству». Листая этот сборник, приятно видеть, сколько у О.А. Сулеймановой не только коллег по работе с Ольгой Николаевной, но и учеников (в приложении перечислены шестнадцать защитившихся аспирантов, и многие из них написали в этот сборник) — это хорошее продолжение традиций, перенесение академической науки в вузовскую. Таким образом, не случайно сборник открывает переиздание статьи 1988 г. О.Н. Селиверстовой вместе с О.А. Сулеймановой [14; 15] и отдельный, подробный аналитический комментарий к ней — от самой О.А. Сулеймановой [17]: все последующие

статьи сборника [2–6; 8–11; 13; 16; 18–24] так или иначе связаны с тематикой лексической семантики, и их можно рассматривать как своего рода воплощение высказанных тогда, еще в 1980-е гг., идей.

Речь в статье [17] идет об эксперименте в семантике, который, по мнению автора, отличается от психолингвистического по многим параметрам, и главное — по своим задачам. В семантическом эксперименте исследователь работает с родным или хорошо известным иностранным языком с целью описать семантику той или иной языковой единицы [17: с. 9]. Как считает автор, для проведения эксперимента можно использовать ограниченное количество информантов, и даже интроспекция автора лингвистического исследования будет давать значимые результаты [17: с. 10–12].

В 1980-е гг. с этим трудно было спорить. Статья [14] написана блестяще, опыты Э. Резерфорда, которые приводятся в ней как метафора для лингвистического эксперимента, действительно обнаруживают с ним, к нашему удивлению, некоторое сходство — вся аргументация авторов убедительна и подкреплена их собственными исследованиями того времени и более поздними, среди которых были крайне замечательные.

Но с тех пор прошло 30 лет, мир изменился, он стал технологичен — и в физике, и в лингвистике. Наука столкнулась с совершенно новым типом данных, так называемыми большими данными (*big data*), а их не охватить человеческим глазом. С точки зрения специалистов, естественный язык как раз оказался образцовым представителем этих неструктурированных, довольно аморфных, управляемых многими и не до конца известными факторами одновременно очень больших данных. Поэтому лингвистика невольно оказалась на передовом крае новейших математических экспериментов. В самой лингвистике осознание этого происходило не сразу, однако уже с конца 80-х гг. прошлого века лингвисты стали создавать специальные хранилища данных, пригодные для обработки новейшими средствами: так называемые корпусы естественных языков. К XXI в., когда таких корпусов стало много, корпусные эксперименты, о которых О.Н. Селиверстова могла только мечтать, стали естественной частью обыденной лингвистической работы для бывших коллег и учеников Ольги Николаевны — многие из них, и в том числе Ольга Аркадьевна Сулейманова, принимают непосредственное участие в их создании. Об этом пишет один из организаторов проекта параллельных корпусов НКРЯ [1] Д.О. Добровольский: группа под руководством Ольги Аркадьевны ведет важнейшую работу по постредактированию выровненных текстов параллельного корпуса [3: с. 75–76].

Ссылки на корпусы присутствуют практически в каждой работе в этом сборнике: почти все его авторы (а их 19) как раз проводят эксперименты на корпусном материале, проверяя и исправляя имеющиеся традиционные словари. Это можно, конечно, в полной мере отнести не только к Дмитрию Олеговичу, который исследовал некомпозициональную немецкую конструкцию

vor Ndat her, отслеживая ее переводы на русский по тому самому параллельному корпусу [3], но и к не-германистическим работам — о русском языке. Это не случайно — потому что Ольга Аркадьевна публиковала и работы с анализом русского материала.

Отметим здесь прежде всего анализ глагола *коробить* как детально продуманный корпусный эксперимент [9]. Его преимущество перед традиционным семантическим экспериментом очевидно. Обращаясь к корпусу, мы как бы обращаемся сразу к огромному числу информантов одновременно, причем разного пола, возраста и социального статуса. Мы можем даже «спрашивать» людей, которых давно нет на свете, исследуя динамику языка нормы, и для этого выбирать самых авторитетных носителей языковой нормы своего времени — великих писателей, публицистов, ораторов и пр. Систематизация полученных результатов позволяет, как сказано в статье, «учесть все достоинства словарных определений и исправить содержащиеся в них недостатки» [9: с. 145]. В частности, Г.Е. Крейдлин и А.В. Семенова выделили особенное употребление *коробить*, отражающее связь принятых в обществе норм морали и психологического дискомфорта конкретного человека, который ощущает их нарушение, — через специальные физиологические ощущения, ср. приведенное там толкование: «Человек X испытывает неприятное чувство, которое часто находит отражение в определенном телесном поведении X-а. Это чувство возникает оттого, что поведение человека Y, связанного в данный момент с X, или актуальная ситуация Y, не соответствуют нормам поведения, как их видит X. X не контролирует поведение человека Y и не может повлиять на ситуацию Y» [9: с. 145–146].

Особенно важен корпусный эксперимент для работ, описывающих динамику значения, как у Е.Г. Борисовой в отношении лексем *пафосный* или *ступень* [2]. Обратим внимание, что это тот случай, когда динамика — не историческая, а синхронная: корпусные примеры (см. пример (2) про огромные ступени-ряды древнегреческого театра [2: с. 71]) не укладываются в жесткие рамки словарных толкований и позволяют обратить внимание на те компоненты, роль которых в развитии значения иначе остается затемнена.

В корпусном эксперименте в своих запросах можем специально выделять разные регистры речи и анализировать только их (при очном анкетировании это невозможно). Прекрасной иллюстрацией здесь служит работа О.Е. Фроловой «О взаимодействии общелитературного языка и юридической терминологии» [22], которая показывает связь и различия в узком терминологическом и общеязыковом значении. Оказывается, юридическому языку принадлежат только имена самих противоправных деяний — тогда как соответствующие им имена деятелей остаются в общеязыковом нетерминологическом фонде и отличаются от собственно юридических по своему узусу.

Надо сказать, что «корпусность» (а в другой, более общей терминологии, ориентация на исследование реального узуса, *usage-based orientation*) свойственна практически всем статьям сборника, независимо от того, включил ли ее автор ссылки на корпусы в список литературы или нет.

Например, в статье А.С. Кириченко «Семантика предлогов: от геометрии к психоанализу» [6] на корпусы ссылок нет. Однако в ней есть семантический эксперимент с большим материалом английских предложных конструкций, который, по мысли автора, предсказуемо распределяется по значениям в зависимости от глагольного контекста: пространственного (геометрического), абстрактно-понятийного, текстового или психологического. На самом деле речь идет о распределении предлогов *by* и *with* в английских пассивных предложениях. В простых случаях типа *The door was opened by a servant* или *The door was opened with a key* их выбор определяет одушевленность агенса, как в первом предложении, и неодушевленность инструмента, как во втором [6: с. 108]. Однако автора интересуют более сложные случаи типа *He was preoccupied — by the news* или *with the news?* [6: с. 109] — и кстати, читатель статьи сам на некоторое время остается в этом состоянии, пока ему не объявят ответ: действительно, семантически эти предлоги в данном контексте очень близки. Конечно, в этой краткой статье не хватает «истории вопроса» и такого же, как у Г.Е. Крейдлина и А.В. Семеновой [9], подробного анализа просмотренных автором примеров — но когда результат эксперимента оказывается известен, кажется даже, что его можно было бы предсказать: опора на свой собственный опыт и волнение по поводу событий, связанных с самим собой, скорее, дает возможность говорящему употребить *with*, тогда как оценка чужого поступка, который тревожит и беспокоит говорящего / субъекта, предполагает предлог *by* [6: с. 113–114].

Ссылки на корпусы есть во многих работах непосредственных учеников О.А. Сулеймановой — например в статье А.Л. Лось «Роль наблюдателя в описании ситуаций зрительного восприятия (на примере слов *светлый*, *bright* и *light*)» [10], О.Г. Лукошус «Теория референции в контексте семантических исследований» [11] или Ю.А. Котовой «Концептуализация огня: репрезентация формы в английской языковой картине мира» [8]. В первой речь идет о близких квазисинонимах, которые, по результатам авторских семантических экспериментов, отличаются прежде всего позицией наблюдателя — внешней по отношению к светящемуся объекту или внутренней. В третьей — очень любопытный материал о форме такого бесформенного объекта, как огонь.

Действительно, говоря об огне, человек концептуализует субстанцию, он представляет ее в виде конкретного объекта, сообщая ей присущую ему форму и величину — ср. *огромные языки пламени*. В статье речь идет об английской картине мира, упоминаются *torrents of fire*, *clouds of fire*, *mushroom-shaped fire clods* и т. п. [7: с. 125]. Приводятся (но не анализируются, к сожалению) и переводы этих и подобных им выражений. Между тем в русском языке для огня тоже есть конвенциональные объекты-формы — и не только *облако*, вполне корреспондирующее с приведенными в статье английскими примерами, или *море* (достаточно ожидаемое для описания большого пожара), но и, например, *столб огня* или в большой степени лингвоспецифичное *сноп*

огня. Но самое главное, эти формы коррелируют с разными типами огня, и это особенно хорошо видно из корпусных примеров. Ведь действительно, можно описывать лесной пожар — и это пространство, заполненное пламенем; можно иметь в виду костер — и тогда огонь направлен вверх и собран в узкую вертикальную струю, а может быть, это огонь совсем иного типа, который просто исторически имеет это имя: огонь артиллерии, минометов и другой военной техники, который характеризуется отдельными вспышками, но потом сливается в страшную, яркую, нечленимую массу. Ясно, что это совершенно особый тип огня как ситуации, который тоже характеризуется своей формой. Соответственно, между ними происходит распределение номинаций, которые порождаются разными пространственными образами совершенно разных ситуаций.

И еще одно интересное наблюдение из этой статьи: в английском есть два термина, которые, по мнению автора, входят в эту зону названий огня и пламени или близки к ней, но с точки зрения английского языка не принимают никакой стандартной для него формы. Это существительные *flare* и *blaze*, ср.:

*They saw ribbons of flare — *Они увидели ленты пламени;

*A spinning hoop of blaze described a brief trajectory — *Крутящееся кольцо огня описало небольшую траекторию;

*Next moment, a tongue of flare shot into the air — *Спустя секунду язык пламени взметнулся в воздух;

*The tongue of blaze shot high into the air — *Язык пламени выстрелил высоко в воздух;

*A spinning hoop of flare described a brief trajectory — *Крутящееся кольцо пламени описало небольшую траекторию [7: с. 126].

Именно естественно-языковые примеры, полученные в ходе семантического эксперимента от информантов, могут ясно показать нам истинность или ложность нашей гипотезы. Конечно, такой эксперимент должен быть грамотно организован и результаты тщательно проверены на нескольких информантах. Однако в некоторых случаях это очень трудно сделать, в частности, если речь идет о диахронических исследованиях сочетаемостных ограничений.

И тогда мы снова возвращаемся к поддержке того, что О.Н. Селиверстова и О.А. Сулейманова называют семантическим экспериментом, корпусными данными, которые могут оказаться иногда единственным источником для оценки приемлемости варианта интересующей нас языковой формы.

В отличие от привычного семантического эксперимента в духе Л.В. Щербы, т. е. игрой с отрицательным материалом, который помечается звездочками и очерчивает границы приемлемости той или иной языковой единицы, корпус впрямую не дает отрицательных ответов. Он ничего не может запретить: вдруг где-то за пределами собранной в нем коллекции интересующая нас

форма или значение все-таки существуют? Однако правила игры с большими данными таковы, что норму задает большинство, и если в корпусе таких примеров мало или их нет (а данное значение выражается другим способом, и он, наоборот, в корпусе частотен) — значит, носители поставили бы здесь вопросительный знак, два вопроса или вовсе звездочку.

Для языковых примеров очень важна статистика, она — действенный аргумент в корпусном эксперименте, и самый новый тренд лингвистических исследований соединяет статистику с лингвистической аналитикой. На эту тему вышли новые книги Л.А. Янды [25], Д. Дивьяк [26], О.Н. Ляшевской [12] и многих других исследователей. Стараниями О.А. Сулеймановой (в числе многих других представителей традиционных школ) новый опыт лингвистических экспериментов прочно входит в практику. Статистика будет следующим шагом этой группы исследователей в лингвистическое будущее¹.

Е.В. Рахилина

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 16.06.2017).

Литература

2. *Борисова Е.Г.* О структуре лексического значения // *Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова.* М.: Флинта, 2016. С. 67–74.

3. *Добровольский Д.О.* Параллельный корпус в исследовании конструкций (проблемы эквивалентности и ее словарного описания) // *Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова.* М.: Флинта, 2016. С. 75–86.

4. *Евтеева М.Ю.* Семантическая структура широкозначных глаголов *machen* и *tun* в немецком языке и их коррелятов в английском *make* и *do* // *Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова.* М.: Флинта, 2016. С. 87–98.

5. *Иванова А.М.* К проблеме изучения семантики синонимических единиц в рамках когнитивного подхода (на примере глаголов со значением «выделять/подчеркивать») // *Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова.* М.: Флинта, 2016. С. 99–107.

6. *Кириченко А.С.* Семантика предлогов: от геометрии к психоанализу // *Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова.* М.: Флинта, 2016. С. 108–115.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

7. Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. 288 с.
8. Котова Ю.А. Концептуализация огня: репрезентация формы в английской языковой картине мира // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 116–127.
9. Крейдлин Г.Е., Семенова А.В. Восприятие неприятного в русской языковой картине мира: глагол *коробить* // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 128–147.
10. Лось А.Л. Роль наблюдателя в описании ситуаций зрительного восприятия (на примере слов *светлый, bright и light*) // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 148–157.
11. Лукошус О.Г. Теория референции в контексте семантических исследований // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 158–166.
12. Ляшевская О.Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: ЯСК, 2016. 520 с.
13. Матюшина Н.В. Технология семантического исследования (на материале работы О.Н. Селиверстовой «Семантический анализ слов типа *все, all* и типа *кто-нибудь, some* в русском и английском языках», 1965) // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 167–184.
14. Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А. Эксперимент в семантике // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1988. Т. 47. № 5. С. 431–443.
15. Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А. Эксперимент в семантике // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 19–42.
16. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции с семантикой усредненности // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 185–194.
17. Сулейманова О.А. Экспериментальная парадигма в современной лингвистике // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 8–18.
18. Сулейманова О.А. Семантика безличных моделей со словами категории состояния // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 43–66.
19. Топорова Т.В. О семантическом варьировании эпического слова (на примере обозначений воды в «Старшей Эдде») // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 195–212.
20. Трухановская Н.С. Когнитивные основания «контрастивной» метонимии // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 213–222.
21. Фомина М.А. Концептуальные категории в контексте проблемы разработки метаязыка семантического описания // Контенсивные аспекты языка: константность

и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 223–233.

22. Фролова О.Е. О взаимодействии общелитературного языка и юридической терминологии // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 234–249.

23. Холодова Д.Д. Предикаты бесперспективного протекания: семантический анализ // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 250–260.

24. Шабанова Т.Д., Валова Ю.В. Когнитивные основания дифференциации значений английских глаголов *decline*, *refuse*, *reject* // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 261–270.

25. Янда Л.А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопр. языкознания. 2012. № 6. С. 3–48.

26. Divjak D., E. Dąbrowska & A. Arppe. Machine Meets Man: Evaluating the Psychological Reality of Corpus-based Probabilistic Models // Cognitive Linguistics. 2016. № 27 (1). P. 1–33.

References

Istochniki

1. Nacional'ny'j korpus ruskogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (data obrashheniya: 16.06.2017).

Literatura

2. Borisova E.G. O strukture leksicheskogo znacheniya // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 67–74.

3. Dobvol'skij D.O. Parallel'ny'j korpus v issledovanii konstrukcij (problemy' e'kvivalentnosti i ee slovarnogo opisaniya) // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 75–86.

4. Evteeva M.Yu. Semanticheskaya struktura shirokoznachny'x glagolov *machen* i *tun* v nemeczkom yazy'ke i ix korrelyatov v anglijskom *make* i *do* // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 87–98.

5. Ivanova A.M. K probleme izucheniya semantiki sinonimicheskix edinicz v ramkax kognitivnogo podxoda (na primere glagolov so znacheniem «vy'delyat'/podcherkivat'») // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 99–107.

6. Kirichenko A.S. Semantika predlogov: ot geometrii k psixoanalizu // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 108–115.

7. Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. 288 с.

8. *Kotova Yu.A.* Konceptualizaciya ognya: reprezentaciya formy' v anglijskoj yazy'kovej kartine mira // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 116–127.

9. *Krejdlin G.E., Semenova A.V.* Vospriyatie nepriyatnogo v russkoj yazy'kovej kartine mira: glagol *korobit'* // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 128–147.

10. *Los' A.L.* Rol' nablyudatelya v opisanii situacij zritel'nogo vospriyatiya (na primere slov *svetly'j, bright i light*) // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 148–157.

11. *Lukoshus O.G.* Teoriya referencii v kontekste semanticheskix issledovanij // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 158–166.

12. *Lyashevskaya O.N.* Korpusny'e instrumenty' v grammaticheskix issledovaniyax russkogo yazy'ka. M.: YaSK, 2016. 520 s.

13. *Matyushina N.V.* Texnologiya semanticheskogo issledovaniya (na materiale raboty' O.N. Seliverstovoj «Semanticheskij analiz slov tipa *vse, all* i tipa *kto-nibud', some* v russkom i anglijskom yazy'kax», 1965) // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 167–184.

14. *Seliverstova O.N., Sulejmanova O.A.* E'ksperiment v semantike // Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury' i yazy'ka. 1988. T. 47. № 5. S. 431–443.

15. *Seliverstova O.N., Sulejmanova O.A.* E'ksperiment v semantike // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 19–42.

16. *Sigal K.Ya.* Sochinitel'ny'e konstrukcii s semantikoj usrednennosti // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 185–194.

17. *Sulejmanova O.A.* E'ksperimental'naya paradigma v sovremennoj lingvistike // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 8–18.

18. *Sulejmanova O.A.* Semantika bezlichny'x modelej so slovami kategorii sostoyaniya // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 43–66.

19. *Toporova T.V.* O semanticheskom var'irovanii e'picheskogo slova (na primere oboznachenij vody' v «Starshej E'dde») // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 195–212.

20. *Truxanovskaya N.S.* Kognitivny'e osnovaniya «kontrastivnoj» metonimii // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 213–222.

21. *Fomina M.A.* Konceptual'ny'e kategorii v kontekste problemy' razrabotki meta-yazy'ka semanticheskogo opisaniya // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 223–233.

22. *Frolova O.E.* O vzaimodejstvii obshheliteraturnogo yazy'ka i yuridicheskoy terminologii // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 234–249.

23. *Xolodova D.D.* Predikaty' besperspektivnogo protekaniya: semanticheskij analiz // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 250–260.

24. *Shabanova T.D., Valova Yu.V.* Kognitivny'e osnovaniya differenciacii znachenij anglijskix glagolov *decline, refuse, reject* // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / otv. red. T.D. Shabanova. M.: Flinta, 2016. S. 261–270.

25. *Yanda L.A.* Russkie pristavki kak sistema glagol'ny'x klassifikatorov // Vopr. yazy'koznaniya. 2012. № 6. S. 3–48.

26. *Divjak D., E. Dąbrowska & A. Arppe.* Machine Meets Man: Evaluating the Psychological Reality of Corpus-based Probabilistic Models // Cognitive Linguistics. 2016. 27 (1). P. 1–33.

**Современная функциональная лингвистика:
информационно-аналитический обзор
материалов международной научной
конференции «Linguistique et ses spécificités»
(Франция, Университет г. Ла Рошель,
17–21 октября 2016 г.)**

В середине октября 2016 г. в городе Ла Рошель (Франция) состоялась 38-я ежегодная конференция Международного общества функциональной лингвистики (Société Internationale de Linguistique Fonctionnelle — SILF). Научное мероприятие объединило около 80 исследователей из разных стран мира — Франции, Алжира, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Иордании, Испании, Италии, Люксембурга, России, Румынии, Китая, Турции, Японии и др.

Школа функциональной лингвистики была основана в 1976 г. известным французским ученым Андре Мартине (1908–1999). В настоящее время президентом SILF является Анриетт Вальтер (Henriette Walter), ученица и соратница А. Мартине, автор известных трудов, таких как «Aventures et Méaventures des langues de France» (2008), в соавторстве с Жеральдом Вальтером (Gérard Walter) словаря «Le Dictionnaire des mots d'origine étrangère» (1991) и многих других. Всемирно признанный специалист в области фонологии, А. Вальтер часто выступает как приглашенный профессор с лекциями в крупных университетах мира. В марте 2016 г. Анриетт Вальтер прочитала цикл лекций в Москве.

Международное общество функциональной лингвистики ставит перед собой задачу координировать научные исследования и распространение идей функциональной грамматики, разрабатываемых на основе разных подходов. С 1965 г. в престижном издательстве литературы для вузов «Presses Universitaires de France» издается старейший французский филологический журнал «La linguistique» («Лингвистика»), который стал официальным органом SILF в 1977 г. В нем рассматриваются различные аспекты функционирования языка, он открыт для диалога и представления различных точек зрения, идет ли речь об эпистемологии или описании и объяснении фактов языка.

Университет города Ла Рошель (Франция), который собрал в октябре 2016 г. специалистов в области функциональной лингвистики, был основан

президентом Франсуа Миттераном в 1993 г. в рамках государственной программы Plan Université — 2000. Первоначально был создан автономный юридический факультет, но постепенно университет стал одним из ведущих высших учебных заведений Франции. Сегодня вуз специализируется главным образом на исследовании проблем экологии прибрежных территорий и устойчивого развития.

В конференции участвовали как молодые ученые, так и всемирно признанные специалисты в области функциональной лингвистики: Кристос Клэрис (Christos Clairis), вице-президент SILF, почетный профессор Сорбонны, Франция), Харальд Вейдт (Harald Weydt), почетный профессор Европейского университета Виадрина во Франкфурте-на-Одере, Германия. Россия была представлена пятью докладчиками, среди которых профессор МГИМО Л.Г. Веденина, доцент Е.Ю. Стрельцова (МГУ) и доцент Е.Г. Васильева (Карельский филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации). От Московского городского педагогического университета выступили с докладами доцент кафедры французского языка и лингводидактики С.В. Михайлова, подготовившая свой доклад совместно с профессором кафедры романской филологии Л.Г. Викуловой, и доцент кафедры романской филологии О.А. Дубнякова, представившая результат совместной работы с профессором Э.М. Рянской (Нижневартровский государственный университет).

В этом году работа на конференции ассоциации проходила в тринадцати секциях, объединенных двумя большими темами. *Первая тема* «Язык, диалекты, говоры: описание языков, вечная тема» была посвящена вопросам *динамической синхронии* (термин, введенный А. Мартине), проблеме языковых контактов. Важно отметить, что сам термин «языковой контакт» был предложен в свое время А. Мартине. На секциях были представлены доклады, в которых речь шла о статусе различных языков, об устных и письменных вариантах языков (литература, новые средства массовой информации, журналистика и т. д.), о развитии письменности для языков, существующих в устной форме, и ведении языковой политики для таких языков и, наконец, о практических проблемах перевода.

Значительное место в докладах было уделено рассмотрению проблем языковых контактов, формирования и функционирования пиджинизированных языков и развития на их основе креольских языков. В докладе профессора Л.Г. Ведениной из МГИМО на тему «Русско-китайский язык: пиджин или диалект?» была затронута проблема языкового образования, которое практикуется русскими и китайцами в пограничной зоне с XVIII в. по настоящее время и охватывает такие сферы общения, как торговля, туризм, денежный обмен, быт.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад Беатрис Жанно-Фурко (Béatrice Jeannot-Fourcaud), представителя Университета Антильских островов и Гвианы, посвященный статусу и функционированию контактных

языков Гваделупы «Что представляют из себя контактные языки: объекты с неясными очертаниями?». На материале текстов наружной коммерческой рекламы Гваделупы автор показала, что тесное взаимодействие креольских языков приводит к стиранию границ между ними. Исследовательница ставит вопрос о том, не приводит ли постоянное взаимодействие двух языков к их полному слиянию и появлению в итоге нового языкового образования. В целом доклады ученых о контактных языках свидетельствовали о том, что их изучение может пролить свет на многие вопросы, связанные с поисками причин и направлений языковых изменений вообще.

Интересный доклад представила профессор Университета имени Дени Дидро (Париж VII) Сесиль Матье (Cécile Mathieu), в котором она подняла проблему статуса пикардского языка как регионального варианта французского языка и вопрос идентичности в контексте отношения к своему языку. Автор убедительно доказала, что возникновение лингвистической неуверенности у носителей пикардского языка в действительности — это проявление юмора, который они рассматривают как черту своей региональной идентичности. Используя в качестве материала анализа иллюстрации, карикатуры и фотографии, публикуемые в блогах и на форумах, докладчик определила статус и место смеха и юмора в языковой практике носителей разговорного *picard*, который в регионе называют *ch'ti* (шти) или *ch'timi*. По мнению автора, юмор как языковой дискурсивный элемент является выражением чувства языковой независимости и уникальности и служит своего рода языковым символом малой родины.

Вторая тема конференции — «Лингвистика и семиология» — была посвящена фундаментальным основам семиологии, вопросам лингвистического, социального и культурного воображаемого, семиологии дискурса.

Тему полифункциональности фундаментальных глаголов французского языка затронули Э.М. Рянская и О.А. Дубнякова, проанализировав роль конструкций с фундаментальными глаголами *avoir, être, faire* при выражении категории состояния в современном французском языке. Было продемонстрировано использование изучаемых глагольных конструкций для выражения состояния человека и состояния универсума. Комплексное изучение данных образований позволило исследователям аргументированно утверждать, что они имеют общую формулу построения, а именно V_{aux} (*avoir/ être/ faire*) + именная часть (N/ Adj/ P.passé/ Adv), и видеть в этом яркое проявление языкового антропоцентризма. Исследование рассматриваемых конструкций с позиций психосистематики (Школа Л.М. Скредлиной) позволило авторам представить внутренние механизмы их построения и варьирования.

Оживленную дискуссию вызвал доклад Л.Г. Видуловой и С.В. Михайловой на тему дискурсивной личности авторов женской литературной сказки XVII в. Представленный анализ фемининной идентичности женщины предпросветительского периода и способы ее объективации стали предметом горячего

обсуждения участников конференции. В докладе алжирской исследовательницы Ясины Буабдалла (Yasmine Bouabdallah) на тему «Семантическое представление иконемы у мужчины и женщины в алжирском обществе» поднималась проблема интерпретации иконичности. В частности, автор выявляет и анализирует различия в восприятии определенного набора иконем алжирскими женщинами и мужчинами. При этом лингвист сравнивает полученные ею результаты с результатами аналогичного исследования, проведенного французским ученым Клоди Дионн (Claudie Dionne) на материале визуальных образов, воспринимаемых европейскими женщинами и мужчинами. Выявлено, что целый ряд иконем вызывает совершенно различные ассоциации у представителей и представительниц европейского и арабского общества. В целом представленные доклады позволили увидеть, что имагинативные координаты (координаты воображаемого) создания различных образов лингвистического, социального и культурного являются универсальными. Они представляют такие базовые пары, как пространство и время, тождество и различие, свое и чужое, мужское и женское.

Молодые ученые Университета им. Рене Декарта (Париж V) представили результаты исследований, в которых им удалось использовать новые подходы к анализу языков фактов и явлений. Так, Адель Эрвьё (Adèle Hervieu) раскрыла роль языковой составляющей в компьютерных играх, Жюльен Ляю (Julien Laügt) показал присутствие эллинистических элементов в рекламе духов, Марго Авелла (Margot Avella) изучила речи знаменитого французского серийного убийцы Анри Дезире Ландрю, который так и не признал своей вины вплоть до самой казни, и сумела доказать его виновность, проанализировав используемые им в судебных заседаниях дискурсивные стратегии неискренности. Оригинальный доклад подготовила Орианна Колодзиеж (Aurianne Kolodsiej) на тему поэтики сообщений в «Твиттере». Докторант проанализировала новое направление в «Твиттере» — «Твиттература», которое она обозначает как искусство выражения мысли с помощью максимум 140 знаков. По ее мнению, «твиттераторы» играют своего рода музыку в рамках партитуры, соединяя следование правилам со стилистической игрой, воображаемым, размышлением, эмоциями. Исполняя концерт, сонату, балладу, симфоническую поэму, а иногда замолкая, они создают музыку с помощью знаков, их различного написания и толкования. Отсюда автор задается вопросом, является ли такое поэтическое письмо результатом креативности или чего-то более личного, например, личного освобождения.

В последний день конференции было представлено девять индивидуальных докладов — отчетов об авторских исследованиях. Особенно значимыми стали выступления японского профессора Цутому Акамацу (Tsutomu Akamatsu) на тему «Оппозиция или контраст?» и профессора из Бухарестского университета Адрианы Стойчитойу Ичим (Adriana Stoichituiu Ichim) на тему «Популярные англицизмы в румынской лексике на тему модной одежды».

Е.Г. Васильева (Петрозаводск) представила результаты своего исследования, проведенного на материале старофранцузских рукописных текстов и посвященного проблеме грамматического различия «притяжательное прилагательное / притяжательное местоимение». Докладчик сообщила, что в старофранцузском языке наблюдается все бóльшая грамматизация безударных форм посессивов, отражающая становление новой системы грамматической и семантической детерминации имени во французском языке. Вместе с тем анализ рукописных текстов выявил, что во французском языке раннего периода об окончательной грамматизации безударных форм посессивов говорить еще рано, и что они еще не входили в парадигму имени существительного наряду с артиклем.

Исследователь из Иордании Бассель Аль Збун (Bassel Al Zboun) рассказал о результатах исследования, посвященного созданию аббревиатур в арабском языке.

Содержание докладов ученых — участников конференции свидетельствовало о том, что современная лингвистика приобретает все более ярко выраженный междисциплинарный характер. Так, в работе секций приняли участие не только лингвисты, но и специалисты в области нейрофизиологии и криминологии, выпускники художественно-графических факультетов — Сумья Шебли (Soumya Chebli) и Матильда Дариньяк (Mathilde Darignac).

Во время конференции состоялось заседание Международного общества функциональной лингвистики, на котором прошло переизбрание научного комитета, а также было определено место проведения следующей конференции — Московский городской педагогический университет.

Конференция выполнила свою главную миссию — дала лингвистам и филологам площадку для представления результатов своих научных изысканий, обмена мнениями, установления контактов, укрепления сотрудничества романистов и стимулирования дальнейших исследований.

*Е.Г. Васильева,
О.А. Дубнякова*

**Русская литература
в исследованиях славистов.
Международная научная конференция
«Танатос» (Польша, Вроцлавский
университет, 11–12 мая 2017 г.)**

В Институте славянской филологии Вроцлавского университета (Польша) 11–12 мая 2017 г. прошла XII Международная литературоведческая научная конференция славистов. В рамках цикла «Великие темы культуры в славянских литературах» для обсуждения была предложена тема «Танатос». Бог и олицетворение смерти присутствует в мифологии древних греков, он упомянут в произведениях Гомера и Гесиода, обнаруживается в литературах Средневековья и эпохи Возрождения. Танатологические размышления неизменно сопровождают художественное творчество писателей Нового времени. Осознание противоречия между непрерывностью жизни и постоянством движения к смерти, между телесной гибелью и духовным возрождением пронизывает многие литературные произведения XIX–XXI вв.

Участников конференции приветствовали ректор Вроцлавского университета проф. А. Езерски, декан филологического факультета проф. М. Чински, директор Института славянской филологии проф. М. Сарновски. Выступавшие отметили сложность и глубину заявленной тематики, а также ее важность для славянской гуманитаристики в целом.

Из восемнадцати пленарных докладов шесть прозвучали на русском языке. Известный специалист по истории русской литературы проф. А.А. Шайкин (Орловский гос. университет) указал на принципиальную разницу в изображении смерти святого и злодея в древнерусских памятниках XI–XII вв. Докладчик акцентировал глубокий потенциал в образе святого («Сказание о Борисе и Глебе»), который готов «смерть принять» и веру сохранить и который «паче радуясь» отходит от «света сего». Представления древнерусского автора о «вертикали», связывающей земное и небесное, позволяют постичь истинную значимость человеческого существования.

Эта идея была развита в русской классической литературе. Как показала в своем докладе на тему «Исповедальные размышления Л.Н. Толстого о смерти» *Л. Луцевич* (Варшавский университет), рассуждения о смерти во многом связаны с реальными жизненными впечатлениями и переживаниями писателя (посещение публичной казни, смерть брата). Преодолевая свои страхи, Толстой пришел к убеждению, что за видимой конечностью мира, сопряженного с разнообразными тяготами и страданиями, существует некая непостижимая бесконечность.

Доклад на тему «Метафизика самоубийства в творчестве Ф.М. Достоевского» прочитал проф. *К.А. Баршут* (ИРЛИ АН РФ). Важность философского достижения Достоевского в том, что он осознал смысл связи между нравственным и онтологическим статусом человека в мироздании. Поэтому представления о добре и зле, справедливости и грехе, взятые в пределах многомерного мира, будут иметь иные смыслы в сравнении с тем, как они выглядят в нашем трехмерном мире. Писатель нашел перспективу преодоления зла, решение вопроса о трагическом состоянии человека на Земле, которое приводит к стремлению покончить с жизнью. Зло лишь на низших ступенях многослойного мироздания выглядит непреодолимым, «но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (*Бытие 3:5*). Вопросы о возможности преодоления зла он и вложил в рассуждения Ивана Карамазова, Кириллова, других персонажей.

На заключительном заседании первого дня конференции выделим выступления российских исследователей *Р.Л. Красильникова* и *Б.А. Ланина*. *Р.Л. Красильниковым* (Вологодский гос. университет) были представлены танатологические мотивы в контексте художественных парадигм. Ярким событием стала презентация его книги, посвященной теме смерти: «Танатологические мотивы в художественной литературе (введение в литературоведческую танатологию)» (М.: Языки славянской культуры, 2015).

Предметом исследования *Б.А. Ланина* (ИСМО РАО) стала смерть и власть в постсоветской антиутопии. Идеологический каркас антиутопического жанра, как считает исследователь, держится на двух столпах: Власти и Смерти. Власть определяется через Смерть: она и есть носитель смертоносного начала в произведении. Диктаторы в антиутопиях не умирают: ни Благодетель, ни Большой Брат, ни кто-либо еще из их когорты. Для антиутопического героя борьба с властью — это борьба с собственным страхом смерти. Победить его и означает одержать победу над тиранией.

На пленарных заседаниях были прочитаны доклады филологов Сербии (Белградский университет, Нишский университет, Университет г. Баня-Лука), Словакии (Университет Константина Философа, г. Нитра), Украины (Киевский национальный лингвистический университет, Львовский национальный университет им. И.Франко, Прикарпатский национальный университет им. Василия Стефаника), Хорватии (Университет г. Загреб), Чехии (Оломоуцкий университет

Палацкого). Пленарное заседание длилось весь первый день конференции и явилось тем общим филологическим основанием, на котором строилась работа секций: *русской, южно-славянской, украинской, чешской филологии*.

Наиболее представительной была делегация из Московского городского педагогического университета (сотрудники кафедры русской литературы), и это не случайно. В 2015 г. МГПУ и университет Вроцлава заключили Соглашение о сотрудничестве в целях проведения совместных научных исследований и осуществления академического обмена в различных сферах деятельности. Организационный комитет конференции «Танатос» во Вроцлаве возглавляла польская исследовательница русской литературы (в сфере ее интересов русский авангард, польско-русские литературные связи, культурная антропология, творчество С. Довлатова) Э. Тышковска-Каштак.

За два дня работы было заслушано 125 докладов, из них 60 посвящены исследованиям произведений русской литературы. Рамки краткого обзора позволяют отметить только некоторые из них.

Фольклорист И.Н. Райкова (Москва, МГПУ) в своем докладе рассмотрела загадки о смерти, покойнике, гробе, кладбище, погребении, а также загадки с мотивами смерти, умирания в «заместительной» части. Показала, что они представляют «фольклорный танатос» многомерно, серьезно и почти универсально для разноэтнических традиций. Эти тексты, основанные на мифе и культе, в художественной форме воспроизводят эпизоды и предметные реалии похоронного обряда и выражают неизменную веру в то, что смерть физическая не финал. Сама смерть — трудная для человека загадка, и в этом смысле показателен русский текст: «Загадка без разгадки (смерть)».

О.Д. Журавель (Новосибирский национальный исследовательский университет) доложила результаты своих исследований содержательной функции сюжетной ситуации «преставления» в древнерусских житиях и старообрядческой агиографии.

Поэзии Г.Р. Державина, своеобразие его стихов «на смерть» был посвящен доклад А. Варда (Лодзинский университет, Польша). Петербургские исследователи А.А. Шелаева и Л.В. Выскочков представили сообщение о мифе «двойных похорон» (императрицы Екатерины II, перезахоронение останков Петра III).

Значительное место заняла русская классика XIX в. В докладе И.А. Беляевой (Москва, МГПУ) речь шла о том, как из танатологических размышлений писателя рождался сюжет романа «Отцы и дети». По признанию самого Тургенева, ключевым импульсом, определившим структуру романного сюжета и его смысловое поле, оказалась мысль о смерти: сначала перед ним возникла «картина умирающего человека», которым и оказался Базаров. В этом плане роман продолжает известную работу писателя «Гамлет и Дон Кихот», в которой современный человек рассматривался в разных планах своего бытия и коммуникации с миром, среди которых важнейшей оказывалась смерть. Ситуация смерти Базарова представляет собой смысловой фокус романа «Отцы и дети», в котором сходятся важнейшие его мотивы — любви и добра, что в художественно-

философской системе координат этого текста определяет идею метафизической прочности человека и его «жизни бесконечной» (заключительные слова романа).

В докладе *Е.Ю. Полтавец* (Москва, МГПУ) был поставлен вопрос об имплицитных мифо- и ритуало-структурах, организующих завершение сюжетной линии Андрея Болконского в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Танатологические мотивы, связанные с образом Болконского, рассматривались в контексте «философской смерти».

В докладе *Г.И. Романовой* (Москва, МГПУ) было представлено содержательное значение одной из самых частотных сюжетных ситуаций в произведениях Ф.М. Достоевского — смерти персонажа. Проанализированы функции изображения (упоминания) смерти героев как завязки, кульминации, развязки сюжета, а также роль данных эпизодов как мотивировки развития событий. В этой же связи рассмотрена динамика системы персонажей.

Имя автора «Братьев Карамазовых» на конференции звучало чаще других: творчеству русского классика были посвящены доклады польских исследовательниц. *М. Махальска-Суханек* (Силезский университет г. Катовице), автор известной монографии «*Samobójcy Fiodora Dostojewskiego*» (Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2015. 300 s.)¹ предложила свою типологию персонажей-самоубийц в произведениях Достоевского.

Й. Новаковска-Оздоба (Nowakowska-Ozdoba, Университет им. Я. Кохановского г. Кельце) посвятила свое выступление теме смерти как важнейшему аспекту содержания романа «Братья Карамазовы», намеченному в эпиграфе из Евангелия от Иоанна. Пристальное внимание зарубежных русистов к произведениям Достоевского подтверждает данные социологических опросов о популярности его творчества в современном мире.

В секциях, посвященных русской литературе XX–XXI вв., на разных языках прозвучали доклады о произведениях И. Бунина, Д. Мережковского, Г. Газданова, М. Булгакова, А. Платонова, Ю. Домбровского, Ю. Трифонова, В. Распутина, Т. Толстой, Ю. Мамлеева, В. Сорокина, М. Шишкина, Е. Водолазкина и др. Так, *Л. Пикколо* (Рим) рассмотрела тему смерти в творчестве Ю. Мамлеева, уделив особое внимание роману «Шатуны». *Э. Тышковска-Каспшак* (Вроцлав) проанализировала «телесный аспект» смерти в прозе М. Шишкина.

Устойчивый интерес наблюдается у славистов к прозе писателей русского зарубежья. В докладе *А.И. Смирновой* (Москва, МГПУ) «Онтология смерти в прозе Гайто Газданова» выявлен онтологический дискурс в прозе Газданова, проанализированы мотивы влечения к смерти, самоубийства, затянувшейся агонии, смерти-воскресения, определены основные аспекты осмысления танатоса (смерть как явление естественное и противоестественное, как насильственный акт и результат осознанного выбора, как случайность и «неудача», как нечто метафизическое, как трагическая неизбежность).

¹ Самоубийцы Федора Достоевского. Катовице: Изд-во Силезского ун-та, 2015. 300 с.

Теме суицида в творчестве Газданова был посвящен доклад *А. Пашкевич* (А. Paszkiewicz, Вроцлавский университет). Тема смерти в творчестве Л. Зурова была рассмотрена в докладе *А.В. Громовой* (Москва, МГПУ).

В докладе *А.А. Забияко* (Амурский гос. университет) было отмечено, что идея «умирания-возрождения» в творчестве писателей дальневосточного зарубежья (М. Колосовой, А. Несмелова, Л. Ещина) связана с самоосознанием себя в эмиграции: «умиранием» в качестве гражданина России, имеющего дом, социальный статус, семью; и «возрождением» в ином качестве: изгнанника, беженца, лишённого крова, семьи, корней, родной культуры и языка.

Проблеме похоронно-поминальных обрядов и традиций русскоязычной диаспоры Трехречья (Китай) был посвящен доклад *А.П. Забияко* (Амурский гос. университет). Ученый подчеркнул, что, несмотря на десятилетия оторванности от России и ее культуры, вызванные политическими процессами («культурной революцией» и охлаждением российско-китайских отношений), русскоязычная диаспора Трехречья сохранила основы русской культуры. При этом ее похоронно-поминальная обрядность является результатом длительного процесса синкретизации религиозных верований русских с китайской религиозной традицией.

В секции современной русской литературы вызвали интерес доклады, посвященные «страху смерти», *М.М. Полехиной* (Одинцовский филиал МГИМО МИД России) «Репрезентация страха смерти в произведениях современной русской литературы о войне» и *А. Борковска* (А. Borkowska, Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце) «Звериный страх смерти в современной русской литературе о войне», а также выступление *Е. Козак* (Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце) «Смерть в тени бессмертия: диалектика смерти в романах “Голова профессора Доуэля” (1924) А. Беляева и “Будущее” (2013) Дм. Глуховского».

Л. Шевченко (Университет им. Яна Кохановского, г. Кельце) в докладе на материале произведений С. Алексиевич, О. Ермакова, Е. Даниленко, А. Бабченко, З. Прилепина, М. Шишкина и др. показала, как к традиционным хронотопам позиционной войны ради защиты отечества, к хронотопам больницы и смертного одра, мемориала и кладбища, места убийства и самоубийства добавляются хронотоп зоны отчуждения после экологической или техногенной катастрофы, хронотоп не своей земли и чужих культурно-ментальных пространств, где ведутся дистанционные и гибридные войны, хронотоп совершения актов террора, территорий, подверженных пандемии и др., наделенных латентной семантикой смерти.

На конференции обсуждались различные аспекты изображения, восприятия и осмысления явлений, которые можно обозначить как танатологические. Это относится и к аспектам формы (соответствующие словесные образы, фигуры речи, специфика художественного мира и композиции), и к содержанию произведений литературы (темам и тематическим мотивам, проблематике, авторской позиции).

В целом работа конференции показала глубокий интерес славистов к основным философским вопросам, разнообразие тем и направлений в современной университетской науке, продемонстрировала широту диапазона применяемых в современном литературоведении методов и методик анализа и интерпретации художественных произведений.

Конференция шла на славянских языках, большинство докладов было прочитано на польском, русском, украинском языках. Плодотворными оказались дискуссии, завершавшие выступления на секциях, чему способствовало родство языков, близость позиций и единство предмета обсуждения. Невольно вспоминались строки Ф.И. Тютчева о «празднике Всеславянства» («К Ганке», 1841).

Статьи по темам докладов планируются к публикации в журнале «Slavica Wratislaviensia» (Index Copernicus).

Г.И. Романова

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2017, № 3 (27)**

Абрамова Галина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации ИИЯ МГПУ.

E-mail: ab.galina@gmail.com

Васильева Екатерина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Карельского филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: libellule_26@mail.ru

Водяницкая Альбина Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: avodyanickaya@yandex.ru

Гаврилина Ольга Вадимовна — кандидат филологических наук, независимый исследователь.

E-mail: gavrulinaolga@list.ru

Ганиев Журат Валиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ИГНиУ МГПУ.

E-mail: ganiew.jurat@yandex.ru

Гусева Алла Ефимовна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: angst51@rambler.ru

Девятова Надежда Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ИГНиУ МГПУ.

E-mail: Deviatovan@mail.ru

Дубнякова Оксана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: DubnyakovaOA@mgpu.ru

Евдокимова Анастасия Андреевна — аспирант кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: Tryamromashka@gmail.com

Иванова Наталья Сергеевна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: nativanova556@gmail.com

Кузина Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и лексики английского языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

E-mail: kousina-marina@yandex.ru

Первак Татьяна Владимировна — ассистент кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: alexfirst@yandex.ru

Прохоров Юрий Евгеньевич — доктор педагогических наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: Yury.prokh@yandex.ru

Пряхина Екатерина Владимировна — аспирант кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: katerina001@bk.ru

Рахилина Екатерина Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор учебно-научной типологической лаборатории РГГУ, профессор, заведующая лингвистической лабораторией по корпусным технологиям НИУ ВШЭ.

E-mail: rakhilina@gmail.com

Романова Галина Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: galinroma@mail.ru

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Фомина Марина Аркадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: marinafomina7@gmail.com

Фрейдина Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

E-mail: freydina55@mail.ru

Шаповал Виктор Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания истории ИГНиУ МГПУ.

E-mail: liloro1@yandex.ru

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Щепилова Алла Викторовна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой романской филологии, директор ИИЯ МГПУ.

E-mail: iiya.info@mgpu.ru

**Authors of «MCU Vestnik»,
Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2017, № 3 (27)**

Abramova Galina Sergeevna — PhD (Philology), docent of Department of English Teaching Methodology and Business Communication, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ab.galina@gmail.com

Vasilyeva Ekaterina Gennadyevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign Languages department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

E-mail: libellule_26@mail.ru

Vodyanitskaya Albina Alexandrovna — PhD (Philology), senior assistant professor of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: avodyanickaya@yandex.ru

Gavrilina Olga Vadimovna — PhD (Philology), free researcher.

E-mail: gavrilinaolga@list.ru

Ganiev Zhurat Valiyevich — Doctor of Philology, professor of the Russian Language department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: ganiew.jurat@yandex.ru

Guseva Alla Efimovna — Doctor of Philology, professor of German Philology department, Institute of Linguistics and Crosscultural Communication, Moscow State Regional University.

E-mail: angst51@rambler.ru

Devyatova Nadezhda Mikhailovna — Doctor of Philology, full professor, professor of The Russian Language department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: Deviatovan@mail.ru

Dubnyakova Oxana Alexeevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: DubnyakovaOA@mgpu.ru

Evdokimova Anastasia Andreevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: Tryamromashka@gmail.com

Ivanova Natalya Sergeevna — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: nativanova556@gmail.com

Kuzina Marina Anatolyevna — PhD (Philology), associate professor of English Phonetics and Lexicology department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education.

E-mail: kousina-marina@yandex.ru

Pervak Tatyana Vladimirovna — assistant professor of German Philology department, Institute of Linguistics and Crosscultural Communication, Moscow State Regional University.

E-mail: alexfirst@yandex.ru

Prokhorov Yury Evgenievich — Doctor of Pedagogy, Doctor of Philology, full professor, professor of Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of Its Teaching, Philological faculty, St. Petersburg State University.

E-mail: Yury.prokh@yandex.ru

Pryakhina Ekaterina Vladimirovna — postgraduate of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: katerina001@bk.ru

Rakhilina Ekaterina Vladimirovna — Doctor of Philology, Leading researcher of the Department of Linguistic Source Studies and History of the Russian Literary Language, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; professor of the Educational and Scientific Typological Laboratory, Russian State University for the Humanities, full professor, head of the Linguistic Laboratory of Corpus Technologies, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: rakhilina@gmail.com

Romanova Galina Ivanovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: galinroma@mail.ru

Smirnova Alfia Islamovna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Suleimanova Olga Arkadyevna — Doctor of Philology, full professor, head of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Fomina Marina Arkadyevna — PhD (Philology), associate professor of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: marinafomina7@gmail.com

Freydina Elena Leonidovna — Doctor of Philology, full professor, professor of English Phonetics and Lexicology department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education.

E-mail: freydina55@mail.ru

Shapoval Viktor Vasilyevich — PhD (Philology), associate professor of Department History Teaching Methodology, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: liloro1@yandex.ru

Shafranskaya Eleonora Fedorovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Shchepilova Alla Viktorovna — Doctor of Pedagogy, full professor, head of Romance Philology department Institute of Foreign Languages, MCU director of Institute of Foreign Languages MCU.

E-mail: iiya.info@mgpu.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовков — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещается аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Также приводится транслитерация библиографического списка в соответствии с ГОСТ 7.79-2000.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках, внешняя и внутренняя рецензии с заверенными печатью подписями рецензентов.

---

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Викуловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казенный пер., 5 б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 3 (27), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 15.09.2017 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем: 9,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.